

ISSN 2219-6048 (ONLINE)

2023

Том 15 4

Историческая

и социально-образовательная мысль

HISTORICAL AND SOCIAL EDUCATIONAL IDEA

**ВСЕРОССИЙСКИЙ
НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ**

Историческая и социально-образовательная мысль

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Том 15 № 4 2023

Главный редактор:
док. ист. наук, профессор
Н. Ф. Бугай

Заместитель главного редактора - научный редактор:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Заведующий редакцией:
Н.В. Вавилкина

Редактор электронной версии:
А.М. Литвинов

Редактор англоязычных текстов:
канд. полит. наук, доцент
Т.А. Халилов

Корректор:
А.Ф. Мишина

АДРЕС РЕДАКЦИИ

350080, Россия, г. Краснодар,
мкр. Пашковский,
ул. Заводская, д. 32, к. 301
Редакция журнала
«Историческая и социально-образовательная мысль»

Тел/факс: +7 905 471 31 94

E-mail: akademus07@rambler.ru

УЧРЕДИТЕЛИ

НОЧУ ДПО Кубанская многопрофильная Академия подготовки, переподготовки и повышения квалификации специалистов;
АНПОО Северо - Кубанский гуманитарно - технологический колледж.

Электронная версия: <http://www.hist-edu.ru>

Журнал «Историческая и социально-образовательная мысль» представляет собой сетевое, периодическое, рецензируемое научное издание.

Миссия журнала - публикация оригинальных статей, рецензий и историографические обзоры российских и зарубежных учёных, а также молодых исследователей на русском и английском языках, повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества по истории, образованию и социологии.

Статьям журнала «Историческая и социально-образовательная мысль», начиная с № 6 2014 г., присваиваются уникальные буквенно-цифровые идентификаторы DOI (Digital Object Identifier).

Редакция журнала является членом Ассоциации научных редакторов и издателей (АНРИ).

Редакция журнала является членом Международного Комитета по публикационной этике COPE (Committee on Publication Ethics) с 2017 года.

Журнал размещается в национальной информационно-аналитической системе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) Российской научной электронной библиотеки.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Свидетельство о регистрации:

Эл. № ФС77-37034 от 04.08.2009

(ФЕДЕРАЛЬНАЯ СЛУЖБА ПО НАДЗОРУ В СФЕРЕ СВЯЗИ, ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ И МАССОВЫХ КОММУНИКАЦИЙ)

ISSN 2219-6048 (Online)

Выходит 6 раз в год

Все права защищены. Ни одна часть этого издания не может быть занесена в память компьютера либо воспроизведена любым способом без предварительного письменного разрешения издателя.

Рукописи рецензируются. Учредитель и издатель предупреждают авторов о юридической ответственности за несанкционированное использование чужих авторских прав.

Historical and Social-Educational Idea

SCIENTIFIC JOURNAL

Volume 15 # 4 2023

Editor-in-Chief:

N. F. Bugay
Dr. Sci. (History), Professor

Deputy Editor-in-Chief -

Scientific Editor:
T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Head of Editorial Board:

N.V. Vavilkina

Web Layout Designer:

A.M. Litvinov

**Editor for the
English Version:**

T.A. Khalilov
Cand. Sci. (Political Science),
Associate Professor

Proofreader:

A.F. Mishina

OFFICE ADDRESS

32 Zavodskaya Str., Apt. 301,
Pashkovsky micro-distr.,
Krasnodar city, 350080, Russia
Editorial Office Journal
«Historical and Social-Educational
Idea»
Phone/fax: +7 905 471 31 94
E-mail: akademus07@rambler.ru

INCORPORATORS

N-SEPI oAPE Kuban Region Multi-Sector Academy of Vocational Training and Upgrading and Advanced Training of Specialists;
AN-PPEO Northern Kuban Region College for the Humanities and Technologies.

Web Version address:

<http://www.hist-edu.ru>

The Academic Journal “Historical and Social-Educational Idea” is online, a periodical, peer-reviewed, scientific publication.

The mission of the journal is the publication of original articles, reviews, historiographic reviews of Russian and foreign scientists, as well as young researchers in Russian and English, increasing the level of scientific research and the development of international scientific cooperation in history, education and sociology.

Unique alphabetic-digital identifiers DOI are assigned to the articles of the journal «Historical and Social-Educational Idea», starting from its issue No 6, 2014.

Editorial Board is a member of the Association of Science Editors and Publishers (ASEP).

The editorial board is a member of the COPE (Committee on Publication Ethics) since 2017.

The Journal is located at the nationwide data analysis framework of the Russian Academic Citation Index operated by the E-Library.

<http://elibrary.ru/issues.asp?id=29001>

Certificate of Incorporation:

El No. FS77 - 37034 of August 4th, 2009

ISSN 2219-6048 (Online)

The Journal is issued 6 times a year

All rights reserved. No part to this publication may be stored at the outsider computer memory nor reproduced by any means, without the prior written permission by the publisher.

The author's copies shall be subject to review. Both the Promoters and the Publisher notify the authors about legal liability for unauthorized use of another author's rights.

«Историческая и социально-образовательная мысль» - это сетевой, научный, рецензированный журнал, основной целью, которого является публикация научных статей высокого качества по историческим, социологическим и педагогическим научным специальностям с целью стимулирования дальнейших социально-гуманитарных исследований и академических дискуссий, посвященных различным аспектам, параметрам и уровням социальности.

Журнал принимает к публикации оригинальные научные тексты в рамках следующих профильных специальностей:

- Отечественная история;
- Всеобщая история;
- История международных отношений и внешней политики;
- Социальная структура, социальные институты и процессы;
- Социология культуры, духовной жизни;
- Общая педагогика, история педагогики и образования;
- Теория и методика обучения и воспитания;
- Теория и методика профессионального образования.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской этики.

Концепция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» подразумевает междисциплинарный характер социального знания. Исследования, ориентированные на изучение современной реальности, связывают историческое прошлое с реалиями современности и позволяют объяснить настоящее и прогнозировать будущее, зачастую с использованием методологии смежных отраслей научного знания.

"The Historical and Social-Educational Idea" is online, a scientific, peer-reviewed journal, the main purpose of which is to publish high-quality scientific articles on historical, sociological and pedagogical scientific specialties in order to stimulate further social and humanitarian studies and academic discussions on various aspects, parameters and levels of sociality.

The journal accepts original scientific texts for publication in the following profile specialties:

- Russian History;
- World History;
- History of International Relations and Foreign Policy;
- Structure, Social Institutions and Processes;
- Sociology of Culture, Spiritual Life;
- General Pedagogy, History of Pedagogy and Education;
- Theory and Methods of Training and Education;
- Theory and Methodology of Professional Education.

The editorial board of the journal is guided in their activities by the principles of science, objectivity, professionalism, information support of the most significant specialized research and compliance with the standards of publishing ethics.

The concept of the scientific journal "The Historical and Social-Educational Idea" implies the interdisciplinary nature of social knowledge. Studies focused on the study of modern reality connect the historical past with the realities of modernity and allow us to explain the present and predict the future, often using the methodology of related branches of scientific knowledge.

Главный редактор:

Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории РАН, действительный государственный советник Российской Федерации III класса

ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638

Scopus Author ID: 55481483000

Москва, Россия

Научный редактор

Халилов Тимур Александрович – заместитель главного редактора - научный редактор журнала "Историческая и социально-образовательная мысль", кандидат политических наук, доцент, Кубанский государственный университет, член Экспертного совета Федерального агентства по делам национальностей РФ

ORCID iD: 0000-0002-5806-0351

Краснодар, Россия

Редакционная коллегия

Состав редакционной коллегии по историческим наукам

Вашук Ангелина Сергеевна – доктор исторических наук, профессор, заведующая отделом социально-политических исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0002-0593-6698

Scopus Author ID: 57192098956

Владивосток, Россия

Вэйюнь Ма – доктор исторических наук, профессор, Центр исследований России при Хэйлунцзянском университете, заместитель председателя Ученого совета

ORCID iD: 0000-0002-0769-7766

Харбин, Китай

Дударенок Светлана Михайловна – доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор, Ведущий научный сотрудник отдела социально-политических исследований, Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0002-6644-2421

Scopus Author ID: 57449559200

ResearcherID AAA-9775-2020

Владивосток, Россия

Нефедов Сергей Александрович, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт истории и археологии, Уральское отделение Российской академии наук

ORCID iD: 0000-0003-0136-5020

Scopus Author ID: 40861593700

ResearcherID: Q-1642-2015

Екатеринбург, Россия

Сактаганова Заурез Галимжановна – доктор исторических наук, Профессор, Карагандинский государственный университет им. Е. А. Бунетова, директор Центра этнокультурных и историко-антропологических исследований.

ORCID iD: 0000-0002-8678-3629

Караганда, Республика Казахстан.

Состав Редакционной коллегии по социологическим наукам.

Атанесян Артур Владимирович – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии, факультет социологии, Ереванский государственный университет

ORCID iD: 0000-0001-8458-2447

Scopus Author ID: 53868717600

Ереван, Армения

Верещагина Анна Владимировна – доктор социологических наук, профессор, кафедра теоретической социологии и методологии региональных исследований, Институт социологии и регионоведения, Южный федеральный университет

ORCID iD: 0000-0003-0045-7468

Scopus Author ID: 56584492400

Ростов-на-Дону, Россия

Гузенина Светлана Валерьевна – доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры теоретической и прикладной социологии факультета истории, мировой политики и социологии, Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, председатель Тамбовского регионального отделения Российского общества социологов (РОС), Член Международной Социологической Ассоциации (ISA)

ORCID iD: 0000-0002-2909-9513

Тамбов, Россия

Догнал Йосеф – доктор философии, доцент, кафедра русистики, философский факультет, Университет им. св. Кирилла и Мефодия (г. Трнава Словацкая Республика), Институт славистики, философский факультет, Университет им. Масарика (г. Брно Чешская Республика)

ORCID iD: 0000-0002-0763-5784

ScopusID: 55542765600

Брно, Чешская Республика

Касьянов Валерий Васильевич – доктор социологических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России, Кубанский государственный университет

ORCID iD: 0000-0002-9844-1802

ScopusID: 57147373800

Краснодар, Россия

Попов Михаил Юрьевич – доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Института экономики, бизнеса и управления Краснодарского государственного технологического университета, главный редактор научных журналов: «Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки», «Государство и общество в исследованиях гуманитарных наук», Почетный сотрудник МВД России, Заслуженный сотрудник органов внутренних дел Кубани.

Краснодар, Россия

Сухомлинова Марина Валерьяновна – профессор, доктор социологических наук, кандидат педагогических наук, Международный языковой бизнес-сервис ESZETT, член Российского профессорского собрания, член Общества социологов России.

ORCID iD: 0000-0001-6214-1587

Аннандейл, шт. Вирджиния, США

Цыганков Андрей Павлович – доктор философских наук, профессор международных отношений и политических наук, Университет Сан-Франциско

ORCID iD: 0000-0003-0011-2339

ScopusID: 7102020604

Сан-Франциско, США

Шишкина Ольга Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и административного права Юридической школы Дальневосточного федерального университета

ORCID iD: 0000-0003-3545-3985

Владивосток, Россия.

Состав Редакционной коллегии по педагогическим наукам.

Бедерханова Вера Петровна – доктор педагогических наук, профессор, кафедра социальной работы, психологии и педагогики высшего образования,

Кубанский государственный университет

Краснодар, Россия

Блейх Надежда Оскаровна – заслуженный деятель науки и образования, доктор исторических наук, кандидат педагогических наук, профессор, Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л.Хетагурова», академик Российской Академии Естествознания

ORCID iD: 0000-0002-6715-9185

Владикавказ, Республика Северная Осетия-Алания, Россия

Быкасова Лариса Владимировна – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры общей педагогики, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
Таганрог, Россия

Дыбовский Александр Сергеевич – кандидат филологических наук, почетный профессор Осацкого университета, с 2019 года - приглашенный научный сотрудник кафедры сравнительного изучения языков и культур аспирантуры Осацкого университета (Школа языка и культуры); доцент Дальневосточного федерального университета (кафедра японоведения).
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Токио, Япония – г. Владивосток, Россия

Чекалева Надежда Викторовна – член-корреспондент Российской академии образования, профессор, доктор педагогических наук, «Омский государственный педагогический университет», директор института инновационного и инклюзивного образования
Омск, Россия

Эдита Поорова, доктор – (теория обучения английского языка и педагогика высшего учебного заведения), зам. декана факультета социальных наук по международным связям Университета Св. Кирилла и Мефодия в г. Трнаве,
ORCID id: 0000-0001-9877-1118
Трнава, Словакия.

Editor-in-Chief

Nikolay F. Bugay – Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Full State Counselor of the Russian Federation - Class III
ORCID iD: 00-203-21202-8363-1638
Scopus Author ID: 55481483000
Moscow, Russia

Scientific Editor

Timur A. Khalilov – Deputy Editor-in-Chief - Scientific Editor of the Academic Journal "Historical and Social-Educational Idea", Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Kuban State University, Expert of the Russian Federal Agency for Nationalities
ORCID iD: 0000-0002-5806-0351
Krasnodar, Russia

Editorial board

Composition of the Editorial Board for Historical Sciences

Angelina S. Vashchuk – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of Social and Political Studies Department, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences

ORCID iD: 0000-0002-0593-6698

Scopus Author ID: 57192098956

Vladivostok, Russia

Ma Weiyun – Doctor of Historical Sciences, Professor, Research Center of Russia at Heilongjiang University, Deputy Chairman of the Academic Council

ORCID ID: 0000-0002-0769-7766

Harbin, China

Svetlana M. Dudarenok – Doctor of Historical Sciences, Candidate of Philosophical Sciences, Professor, Leading Researcher, Department of Socio-Political Studies of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

ORCID iD: 0000-0002-6644-2421

Scopus Author ID: 57449559200

Researcher ID AAA-9775-2020

Vladivostok, Russia

Sergei A. Nefedov – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of Russian Academy of Sciences

ORCID iD: 0000-0003-0136-5020

Scopus Author ID: 40861593700

Researcher ID: Q-1642-2015

Yekaterinburg, Russia

Zauresh G. Saktaganova – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Karaganda State University named after E. A. Bunetov, Director Of the Center for Ethnocultural and Historical-Anthropological Research.

ORCID iD: 0000-0002-8678-3629

Karaganda, Republic of Kazakhstan.

Composition of the Editorial Board for Sociological Sciences.

Arthur V. Atanesyan – Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Applied Sociology Department, Faculty of Sociology, Yerevan State University

ORCID iD: 0000-0001-8458-2447

Scopus Author ID: 53868717600

Researcher ID: AAZ-9173-2021

Yerevan, Armenia

Anna V. Vereshchagina – Doctor of Sociological Sciences, Professor, Department of Theoretical Sociology and Methodology of Regional Studies, Institute of Sociology and Regional Studies, Southern Federal University
ORCID iD: 0000-0003-0045-7468
Scopus Author ID: 56584492400
Rostov-on-Don, Russia

Svetlana V. Guzenina – Doctor of Social Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Sociology, Faculty of History, World Politics and Sociology, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Chairman of the Tambov regional branch of the Russian Society of Sociologists (ROS), Member of the International Sociological Association (ISA)
ORCID iD: 0000-0002-2909-9513
Tambov, Russia

Josef Dohnal – Doctor of Philosophy, Associate Professor, Department of Russian Studies, Faculty of Philosophy, St. Cyril and Methodius University (Trnava, Slovak Republic);
Institute of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, Masaryk University
ORCID iD: 0000-0002-0763-5784
ScopusID: 55542765600
Brno, Czech Republic

Valery Kasyanov – Doctor of Social Sciences, Doctor of History Professor, Head of the Department of Russian history, Kuban state University state University
ORCID iD: 0000-0002-9844-1802
ScopusID: 57147373800
Krasnodar, Russia

Popov Mikhail Yurievich – Doctor of Sociology. Professor, Department of Sociology, Institute of Economics, Business and Management, Krasnodar State Technological University, Editor-in-Chief of scientific journals: «Humanities, Socio-Economic and Social Sciences», «State and Society in Humanities Studies», honored worker of Ministry of Internal Affairs of Russia, Honored employee of the internal Affairs of Kuban.
Krasnodar, Russia

Marina V. Sukhomlinova – Professor, Doctor of Sociological Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences. International Language Business Service "ESZETT". The Member of the Professor's Assembly and the Member of the Sociologists' Society in Russia.
ORCID iD: 0000-0001-6214-1587
Annandale, Virginia, USA

Andrei P. Tsygankov – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of International Relations and Political Science, San Francisco State University
ORCID iD: 0000-0003-0011-2339
ScopusID: 7102020604
San Francisco, USA

Olga E. Shishkina – Candidate of Law, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional and Administrative Law of the Law School of the Far Eastern Federal University
ORCID iD: 0000-0003-3545-3985
Vladivostok, Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Vera P. Bederkhanova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Social Work, Psychology and Higher Education Pedagogy, Kuban State University
Krasnodar, Russia

Nadezhda Os. Blaikh – Honored Worker of Science and Education, Doctor of Historical Sciences, Candidate of Pedagogical Sciences, Professor, K. L. Khetagurov North Ossetian State University, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences
ORCID 0000-0002-6715-9185
Vladikavkaz, Republic of North Ossetia-Alania

Larisa V. Bykasova – Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of General Pedagogic Department, Rostov State Economic University (RINE), Chekhov Taganrog Institute (branch)
ORCID iD: 0000-0003-4866-1222
Taganrog, Russia

Alexander S. Dybovsky – Candidate of Philology, Honorary Professor of the School of Language and Culture of the Osaka University Graduate School. In 2019-2022, invited researcher of the Department of Comparative Study of Languages and Cultures of the Osaka University Graduate School; Assistant Professor at the Far Eastern Federal University
ORCID iD: 0000-0001-6236-0886
Tokyo, Japan – Vladivostok, Russia

Nadejda V. Chekaleva – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Omsk State Pedagogical University, Director of the Institute of Innovative and Inclusive Education
Omsk, Russia

Edita Poorova – Ph.D. (Theory of English Teaching (PhDr.), Higher Education Pedagogy (Ph.D.), Vice-Dean for Foreign Relations, Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius
ORCID ID: 0000-0001 - 9877 - 1118
Trnava, Slovakia

Редакционный совет

Состав редакционного совета по историческим наукам

Давидсон Аполлон Борисович – академик Российской академии наук, доктор исторических наук, профессор, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», заведующий Центром африканских исследований Института всеобщей истории РАН
Москва, Россия

Икэда Ёсиро – доктор философии (история), доцент, кафедра истории стран Запада, Высшая школа гуманитарных наук и социологии, Токийский университет
ORCID iD: 0000-0002-0476-6658
ScopusID: 57161830600
Токио, Япония

Кислицын Сергей Алексеевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель заведующего кафедрой политологии и этнополитики, Южно-Российский институт управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
ORCID iD: 0000-0003-2264-8636
Ростов-на-Дону, Россия

Ларин Виктор Лаврентьевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, руководитель Центра азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук
ScopusID: 57192267254
Владивосток, Россия

Мамсиров Хамитби Борисович – доктор исторических наук, профессор кафедры «Истории России», профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Кабардино-Балкарский государственный университет им Х.М. Бербекова, заслуженный деятель науки Кабардино-Балкарской Республики, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.
Нальчик, Кабардино-Балкарская Республика, Россия Россия

Состав редакционного совета по социологическим наукам.

Байрактар Расим – доктор социологии, профессор, кафедра социологии религии. Факультет теологии. Гиресунский университет.
<https://orcid.org/0000-0002-7576-8183>
Гиресун, Турция

Бунимович-Мендражицкая Светлана Юрьевна – доктор философии, доктор математики, доктор биологии, профессор, кафедра компьютерных наук и математики, Ариэльский университет
ScopusID: 8870184100
Тель-Ави, Израиль

Гомулка Кристина – доктор политических наук, профессор, Гданьский политехнический университет

ORCID iD: 0000-0002-7046-0729

Гданьск. Польша

Латипова Ноди́ра Мухтаржа́новна – профессор, доктор социологических наук, заведующая кафедрой «Социальная работа». Национальный университет Узбекистана

Ташкент, Узбекистан

Песцов Сергей Константинович – доктор политических наук, доцент, заведующий отделом международных отношений и региональной безопасности, Центр азиатско-тихоокеанских исследований, Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, Дальневосточное отделение Российской академии наук,

ORCID iD: 0000-0001-7441-989X

Владивосток, Россия

Токтосунова Адаш Искендеровна – доктор политических наук, профессор, председатель Общественного объединения "Диалог культур и цивилизаций"

Бишкек. Кыргызстан

Шахбанова Мадина Магомедкамиловна – доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН,

ORCID iD: 0000-0003-1325-9452

Махачкала, Республика Дагестан, Россия

Состав редакционного совета по педагогическим наукам.

Гребенникова Вероника Михайловна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии, декан, факультет педагогики, психологии и коммуникативистики, Кубанский государственный университет

ORCID iD: 0000-0003-0705-7985

ScopusID: 56530681200

Краснодар, Россия

Грушевский Сергей Павлович – доктор педагогических наук, профессор, декан, факультет математики и компьютерных наук, заведующий кафедрой информационных образовательных технологий, Кубанский государственный университет

ORCID iD 0000-0002-7263-4673

Краснодар. Росси

Позднякова Оксана Константиновна – член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии, Самарский государственный социально-педагогический университет

Самар, Россия

Спалбер Диана – доктор философии (методология исследований в психологии и педагогике), научный советник, кафедра ЮНЕСКО, университет Генуи, преподаватель, Link Campus University в Риме

ORCID iD: 0000-0001-7395-986X

Scopus Author ID: 57194034492

Генуя, Италия

Чепель Татьяна Леонидовна – действительный член Академии прогнозирования, российское отделение Международной академии исследования будущего, кандидат психологических наук, профессор, кафедра психологии и педагогики, Новосибирский государственный педагогический университет

ORCID iD: 0000-0001-9005-4659

ScopusID: 57191886265

Новосибирск, Россия

Editorial Board

Composition of the editorial Board for historical Sciences

Apollon B. Davidson – Academician of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the National Research University Higher School of Economics, Head of the Center for African Studies of the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russia

Yoshiro Ikeda – Ph.D. (History), Associate Professor, Department of Occidental History, Graduate School of Humanities and Sociology, University of Tokyo

ORCID iD: 0000-0002-0476-6658

ScopusID: 57161830600

Tokyo, Japan

Sergey A. Kislitsin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

ORCID iD: 0000-0003-2264-8636

Rostov-on-Don, Russia

Victor L. Larin – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

ScopusID: 57192267254

Vladivostok, Russia

Khamitbi B. Mamsirov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of General History of the Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Honored scientist of the Kabardino-Balkarian Republic, Honorary worker of higher professional education of the Russian Federation.
Nalchik, Russia

Composition of the editorial Board for Sociological Sciences.

Rasim Bayraktar – Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology of Religion, Faculty of Theology, Giresun University
ORCID iD: 0000-0002-7576-8183
Giresun, Turkey

Svetlana Yu. Bunimovich-Mendrazitsky – Doctor of Philosophy, Doctor of Mathematics, Doctor of Biology, Professor, Department of Computer Sciences and Mathematics, Ariel University
ScopusID: 8870184100
Tel-Aviv, Israel

Krystyna Gomolka – Doctor of Political Sciences, Professor, Gdansk Polytechnic University
ORCID iD: 0000-0002-7046-0729
Gdansk, Poland

Nodira M. Latipova – Professor, Doctor of Sociological Sciences Department of Social Work, National University of Uzbekistan, Head of the Department of Social Work.
Tashkent, Uzbekistan

Sergey K. Pestsov – nal Security Department, Center for Asian and Pacific Studies, Institute of History, Archeology and Ethnography of Peoples of the Far-East, Far-Eastern Branch of Russian Academy of Sciences
ORCID iD: 0000-0001-7441-989X
Vladivostok, Russia

Adash I. Toktosunova – Doctor of Political Sciences, Professor, President of Public Association "Dialogue of Cultures and Civilizations"
Bishkek, Kyrgyzstan

Madina M. Shakhbanova – Doctor in sociological sciences, senior researcher Institute of History, Archeology and Ethnography Dagestan Federal Research Center Russian Academy of Science
ORCID iD: 0000-0003-1325-9452
Makhachkala, Republic of Dagestan, Russia

Composition of the Editorial Board for Pedagogical Sciences

Veronika M. Grebennikova – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of Department of Pedagogy and Psychology, Dean, Faculty of Pedagogy, Psychology and Communication Studies, Kuban State University

ORCID iD: 0000-0003-0705-7985

ScopusID:56530681200

Krasnodar, Russia

Sergey P. Grushevsky – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Dean, Faculty of Mathematical and Computer Sciences, Head of Department of Information Technology in Education Sphere, Kuban State University

ORCID iD: 0000-0002-7263-4673

Krasnodar, Russia

Oksana K. Pozdnyakova – Corresponding Member of the Russian Academy of Education, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Samara State Social Pedagogical University

Samara, Russia.

Diana Spulber – Doctor of Philosophy (Methodology of Research in Psychology and Pedagogy), Scientific Advisor, Unesco Department, University of Genoa, Lecturer, Link Campus University Rome

ORCID iD: 0000-0001-7395-986X

Scopus ID: 57194034492

Genoa, Italy

Tatyana L. Chepel – Member of Academy of Forecasting, Russian Branch of International Academy of Researches of Future, Candidate of Psychological Sciences, Professor, Department of Pedagogy and Psychology, Novosibirsk State Pedagogical University

ORCID iD: 0000-0001-9005-4659

Scopus ID: 57191886265

Novosibirsk, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

<i>Отечественная история</i>	<i>National History</i>
Бугай Н.Ф. Бушуева Т.С. г. Москва, Россия 18 Феномен ментальности русского социума по документам информационного отдела ВЧК-ОГПУ 1920-е – начало 1930-х годов	N.F. Bugai T.S. Bushueva Moscow, Russia The phenomenon of Russian society mentality according to the documents of the information department of the VChK-OGPU. 1920s – early 1930s
Кислицын С.А. г. Ростов-на-Дону, Россия 67 Политическая реабилитация казачества: этапы реконструкции гражданских прав и инкорпорации казаков в советскую систему в условиях новой экономической политики 1920-х годов	S.A. Kislitsin Rostov-on-Don, Russia Political Rehabilitation of the Cossacks: Stages of Reconstruction of Civil Rights and Incorporation of the Cossacks into the Soviet System under the New Economic Policy of the 1920s.
Прохоров М.Ф. г. Москва, Россия 92 «Лишенцы» западного предместья Москвы конца 20-Х – первой половины 30-х годов XX века	M.F. Prohorov Moscow, Russia “Lishenetsy” of the western suburbs of Moscow in the late 20s – the first half of the 30s of the 20th century
Иванцов И.Г. г. Краснодар, Россия 116 Партизанский отряд Рязанского района Краснодарского края. август – октябрь 1942 г. Документальная хроника	Ivantsov I.G. Krasnodar, Russia Partisan team of the Ryazan district of the Krasnodar region. august – october 1942. Documentary chronicle.
<i>Всеобщая история</i>	<i>World History</i>
Бабич И.Л. г. Москва, Россия. 126 Роль русского языка в жизни кавказских эмигрантов в Европе (1920-2020 гг.)	I.L. Babich Moscow, Russia The role of the Russian language in life Caucasian emigrants IN Europe (1920-2020).
<i>Теория и методика обучения и воспитания</i>	<i>Theory and Methodology of Training and Education</i>
Лейченко О.Ф. г. Карши, Кашкадарьинская обл., Узбекистан 137 Принципы формирования межкультурной эмпатии и коммуникативной компетентности при обучении русскому языку (на примере китайских студентов)	O.F. Leichenko, Karshi, Kashkadarya region, Uzbekistan Principles of formation of intercultural empathy and communicative competence in teaching Russian (on the example of Chinese students)

<i>Редакционное объявление</i>		<i>Editorial announcement</i>
Бугай Н.Ф. г. Москва, Россия		N.F. Bugai Moscow, Russia
«Проблемы национальной политики Российской Федерации: состояние изучения, опыт регулирования этнических процессов»	152	«Problems of the National Policy of the Russian Federation: the state of study, the experience of regulating ethnic processes»
ИНФОРМАЦИЯ		INFORMATION
Заимствования, плагиат, ретракция	154	Borrowings, plagiarism, retraining
Информация для авторов	157	Informations pour les auteurs

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-18-66

УДК:94

**ФЕНОМЕН МЕНТАЛЬНОСТИ РУССКОГО СОЦИУМА
ПО ДОКУМЕНТАМ ИНФОРМАЦИОННОГО ОТДЕЛА ВЧК-ОГПУ¹.
1920-е – начало 1930-х годов**

БУГАЙ Николай Федорович

Институт российской истории РАН

г. Москва, Россия

ORCID 1D; <http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

БУШУЕВА Татьяна Семеновна

Институт национальной памяти

г. Москва, Россия

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-7298-768X>

t_bush@mail.ru

Аннотация. Советский социум в своей массе был представлен преимущественно русской общностью, выступавшей основной силой в утверждавшемся новом государстве, самым многочисленным созидющим, производительным ресурсом. В статье, не претендующей на всестороннее освещение столь объемной научной темы, рассматривается лишь только один актуальный вопрос – об отражении некоторых характерных особенностей формирования в разных, включая и чрезвычайные (в частности, принудительное переселение), условиях ментальности русского социума. В этой связи вызывает интерес вопрос, каким образом воспринималась эта проблема обществом, отражалась в документах информационных

¹ ВЧК – Двадцатого декабря 1917 г. была создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем.

ОГПУ – Объединенное Государственное Политическое Управление при СНК СССР (1923-1934)

структур государственных спецслужб в 1920-е – начале 1930-х годов.

Актуальность определяется рядом существенных факторов, прежде всего необходимостью объективного достоверного освещения и оценки исторического опыта России. Анализ тенденций развития страны в 1920–1930-е годы наглядно продемонстрировал пагубность тотального контроля и полного огосударствления для стабильного развития хозяйства страны.

Ключевые слова: русский народ, ментальность, спецслужбы, советское общество, социум, монархия, рабочие, крестьянство, царь

Для цитирования: Бугай Н.Ф., Бушуева Т.С. Феномен ментальности русского социума по документам информационного отдела ВЧК-ОГПУ. 1920-е – начало 1930-х годов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том 15. № 4. С. 18-66

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-18-66

Original article

THE PHENOMENON OF RUSSIAN SOCIETY MENTALITY ACCORDING TO THE DOCUMENTS OF THE INFORMATION DEPARTMENT OF THE VChK-OGPU¹. 1920s – early 1930s

Nikolay F. BUGAI

Institute of Russian History RAS
Moscow, Russia

ORCID 1D; <http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>
nikolay401@yandex.ru

Tatyana S. BUSHUEVA

Institute of National Remembrance
Moscow, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-7298-768X>
t_bush@mail.ru

¹ VChK - The All-Russian Extraordinary Commission for Combating Counterrevolution and Sabotage was established on the twentieth of December 1917

OGPU - United State Political Department under the USSR Council of People's Commissars (1923-1934).

Abstract. The Soviet society in its mass was represented mainly by the Russian community, which was the main force in the newly established state, the most numerous creative resource of the productive force. The article, which does not pretend to comprehensive coverage of such a voluminous scientific topic, considers only one topical issue – the reflection of some characteristic features of the formation in different, including emergency, in particular forced resettlement, conditions of the mentality of the Russian society. In this regard, the question of how this problem was perceived by society, reflected in the documents of the information structures of state intelligence services in the 1920s and early 1930s, is of interest.

Relevance. It is determined by a number of significant factors, primarily by the need for objective, reliable coverage and assessment of Russia's historical experience. An analysis of the country's development trends in the 1920s–1930s clearly demonstrated the perniciousness of total control and complete nationalization for the stable development of the country's economy.

Keywords: Russian people, mentality, special services, Soviet society, society, monarchy, workers, peasantry, tsar

For citation: Bugai N.F., Bushueva T.S. The phenomenon of the russian society mentality according to the documents of the information department of the VChK-OGPU. 1920s - early 1930s. Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 3. P. 18-66 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-18-66

Советские люди Советской страны

Советские люди. Сотрудники НКВД

Введение. Русские как этническая общность формировались в сложной социально-культурной и природной среде. Подлинная история России с выстраданными ее народами историческими уроками чрезвычайно поучительна. Дело в том, что в условиях современных мировых цивилизационных вызовов остро требуется объективное историческое знание. Оно весьма полезно, в первую очередь для государственных структур при реализации политики национальной памяти как важнейшей составляющей духовного бытия русского народа. Русский народ, несмотря на тяжелейшие лишения, тысячелетиями жертвовал жизнями, создавая государство и организуя в нем жизнь. В своей повседневности русские противостояли демагогам от власти, преодолевали смуты, распри, разного рода притязания, теряя из своей среды значительную часть трудоспособных людей и исконной территории.

Не случайно и то, что русские обладают высоким уровнем этнической мобильности, адаптации и интеграции в местах, отличавшихся суровыми климатическими условиями, различными климатическими зонами обитания, в том числе и формируемыми чрезвычайной обстановкой, атмосферными явлениями (шторма, цунами), техногенными и природными катастрофами. Они проживают и трудятся в обстановке суровых зим и в жарком климатическом поясе.

Словом, они долгие века формировали и менталитет русского народа, и необходимые для их жизни черты характера: патриотизм (приоритетный принцип жизни, основа поступков русского человека, его поведения, отношения к

своей Родине, семье), доверие, выносливость, способность преодоления времени и пространства – самых сложных факторов жизни любого сообщества, при этом общаясь с природой, ландшафтом, географическим пространством. Их силами происходит процесс познания окружающей действительности, проникновение в космическое пространство, осознание прошлого, истории человечества, то есть все то, что выступает в качестве понятия «общественно-географический синтез», к которому обращались ученые еще в древности, как, например, историк, социолог И. Халдун (1332–1406, Тунис), оставивший в наследие человечеству свое учение (теорию) климата и умураны (общества, города), нашедшее отражение в его бессмертном труде «Муккадим». Ему принадлежит и прогноз развития народов. Русские в этой теории как этническая общность заняли свое достойное место [3].

Современное тяжелейшее состояние русского социума, особенно с точки зрения его затухающей численности, слабеющей харизматичности, – это в значительной степени результат не только 1990-х годов, но и советского этапа русской истории с революциями и войнами [4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11; 12].

Метод

Значительная насыщенность источника фактическими сведениями, полученными практически из всех населенных пунктов СССР, различных предприятий, обусловили приоритет применения в статье контент-анализа в сочетании с системным и сравнительным методами, а также принципами консенсуса, сбалансированности подачи материала, консоциальности и других. В связи с тем, что проблема многогранна по своей направленности и содержанию, вполне применимым был и метод констелляции, позволяющий рассматривать вопросы по многим направлениям, но все они в конечном итоге направлены на главное – отразить роль и место русских в многонациональном государстве.

Историографический компонент

Авторы не впервые обращаются к документам ВЧК-ГПУ-ОГПУ, многолетняя работа с которыми доказывает высокую степень объективности, запечатленной в аналитических обзорах и сводках информации. С точки зрения права сам эксперимент по получению информации, практически не имевшей границ, безусловно, еще нуждается в серьезном исследовании.

В этом ракурсе можно дискутировать с зарубежными авторами. Так, французской исследователь истории XX в. Жан-Поль Депретто задавался вопросом: «Читались ли Сталиным и его окружением эти документы? Если они читались, усилили ли они у советских вождей впечатление, что Советский Союз ослаблен и подвергается угрозе? ... Не стремилось ли ОГПУ преувеличивать опасность,

нависшую над большевистской властью, с тем чтобы оправдывать само свое существование и отпускаемые ему денежные средства?»).

Английский историк Р.Ч. Кобб предупреждал: «Всемогущая полиция способна изготовлять выгодную ей информацию и даже самые факты» [1].

Профессор Калифорнийского университета П. Гетти, напротив, отмечает, что анализ этих документов предполагает использование такой разнообразной методологии, как количественный анализ, политическая лингвистика, литературный анализ и другое.

Академик РАН Г.Н. Севостьянов, стоявший у истоков проектов по публикации источников спецслужб, определял поистине энциклопедический характер этой информации, отражавшей положение всех слоев общества.

В зарубежной историографии немало утверждений о том, что советская система была обречена с самого начала в связи с ее плановым социализмом и отсутствием рынка. Вместе с тем американский историк Пол Грегори, специалист в области экономической истории России, неоднократно отмечал, что «советская командная система до сих пор остается наиболее сложной структурой, когда-либо созданной человечеством».

В советский период 1920-х – начала 1930-х годов мощный поток официальной пропаганды активно формировал в сознании главным образом молодых людей убеждение, что они являются первыми строителями самого справедливого общества, ради чего можно вытерпеть и голод, и нищету.

Надежды и оптимизм имели под собой реальную основу, так как за короткий исторический период страна ценой самоотверженного труда и лишений миллионов русских людей и представителей других этнических общностей превращалась в индустриальную державу с ощутимой системой экономики. Населению страны открылся широкий доступ к образованию, медицине, культуре, более совершенной социальной политике. Все это не могло не содействовать поддержанию авторитета власти в глазах советских граждан. Вместе с тем людям было очевидно и противоречие с такими реалиями жизни, как голод, «нехватки», принудительное выселение крестьянства, разного рода репрессии, преследование за религиозные верования.

Конституция СССР 1924 года «лукаво» объявляла, что в стране превалирует господство такого социального фактора, как «взаимное доверие»: «Там, в лагере капитализма – национальная вражда и неравенство, колониальное рабство и шовинизм, национальное угнетение и погромы, империалистические зверства и войны. Здесь же, в лагере социализма — взаимное доверие и мир, национальная свобода и равенство, гражданское согласие, мирное сожительство и братское сотрудничество народов, объединенных в одно государство. Только в сформированной системе советов, в условиях диктатуры пролетариата, сплотившей вокруг себя большинство граждан страны, оказалось возможным уничтожить в корне

национальный гнет, создать обстановку взаимного доверия и заложить основы братского сотрудничества народов».

Основу советского социума, как по своей численности, так и по масштабам территории проживания, составлял русский народ. Именно на его плечи легла основная ноша по строительству нового советского государства. Задача могла быть успешно решена главным образом при наличии политической лояльности русского социума по отношению к новой политической власти и ее руководителям. Однако ментальность *немалой части всего социума, и в первую очередь русских*, в силу различных причин и обстоятельств подчас приобретала антисоветскую направленность во взглядах и поведенческих стереотипах. Информационные органы спецслужб – ВЧК-ГПУ-ОГПУ – в силу специфики этого ведомства обязаны были сообщать органам власти обо всех замеченных проявлениях нелояльности в обществе в отношении советского строя, государственных органов и политического руководства. Под контролем чекистов оказывалась и русская часть социума.

В сохранившихся аналитических обзорах и регулярных сводках, материалы для которых уполномоченные ВЧК-ОГПУ направляли из всех концов страны в Центр, отражены и особенности ментальности русских людей. Естественно, что «наблюдатели» чрезвычайных комиссий обращали внимание *преимущественно на негативные*, с их точки зрения, *проявления* настроений русского населения. Поэтому этот вид источника диссонирует с исключительно позитивными данными официальной печати и пропаганды в рассматриваемый исторический период. Этот корпус документов спецслужб вне сомнения можно считать достоверным источником. В первую очередь имеют ценность их масштабность сбора информации и фактическая насыщенность.

Следует также учитывать факт сохранявшейся вплоть до начала XXI столетия ведомством КГБ-ФСБ высокой степени засекреченности этих аналитических обзоров и сводок ОГПУ, отражающих достаточно объективно политическое, экономическое, социальное положение в СССР. Именно эта информация регулярно докладывалась как непосредственно И. Сталину, так и высшему партийному руководству. За искажение информации «Лубянка» наказывала своих сотрудников.

Контент-анализ названных документов подтверждает значительность объема проделанной спецслужбами «наблюдательной» работы. Так, только за 1922–1923 гг. Информационный отдел (ИНФО) ОГПУ осуществил «контроль и наблюдения» на 1100 экономических объектах (среди них 537 заводов, 271 фабрика, 5 комбинатов, 12 мануфактур, 81 трест, 41 рудник, 16 электростанций, 12 шахт и др.), представив в Центр подробные сведения об экономическом, социальном, политическом положении предприятий, а также о степени лояльности к советской власти работавших там людей. В 1925 г. ОГПУ собрало сведения по 1050 объектам народного хозяйства; а в 1929 г. такая же информация была собрана по 2300 административным единицам СССР в 9 союзных и 11 автономных

республиках (по 220 округам, 16 губерниям, 38 уездам, 52 волостям, 532 районам, 155 городам, 537 селам, 161 деревне, 47 поселкам и др.).

Проведенный выборочный анализ рассматриваемых источников лишь за один 1929 г. свидетельствует, что в органы власти информаторы «Лубянки» в том году представили сведения из 2300 различных административных единиц, находившихся в их поле зрения, в том числе по 9 союзным республикам, 11 автономным, 9 крупным административным единицам, 26 областям, 220 округам, 16 губерниям, 537 селам, 532 районам, множеству станиц, хуторов, сел, деревень, поселков, слобод.

Анализ документации показывает, что в основе чекистских донесений лежал прежде всего принцип классовой принадлежности в отношении населения – преимущественно сообщалось о положении рабочих и крестьян. Национальная принадлежность русского социума, на котором лежала основная тяжесть по созданию новой государственности, в документах не всегда акцентировалась. Более того, в чекистских донесениях его «растворяли» в новом общем «советском». Хотя вполне очевидно, что основную ношу созидания советского государства тянули русские люди.

* * *

Русские составляли абсолютное большинство населения и в европейской, и в азиатской части самой большой республики СССР – Российской Федерации.

1920-е годы. Рабочие Советской страны

Рабочие фабрики № 3. Москва

1930 г. Советские крестьяне: утренний поезд пришел в Москву

Положение, настроения, трудовая деятельность, лояльность русского населения ведомство ОГПУ логично отслеживало прежде всего на территориях его преимущественного проживания. При наличии различных справочных сведений об административно-территориальном устройстве РСФСР, в публикуемой статье приводятся данные, опирающиеся на перепись населения. Они подготовлены статистическим отделом ОГПУ (позднее НКВД СССР), созданным в 1923 году.

Спустя 10-летие после Октябрьской революции (на 1927 г.), согласно этой ведомственной статистике, русское население составляло большинство в РСФСР. Федерация как по величине территории, так и по количеству населения имела преобладающее значение в составе СССР¹, В Союзе ССР именно 9/10 территории и 70 % населения приходилось на Российскую Федерацию. Плотность населения в РСФСР была очень низка. Это объяснялось прежде всего наличием громадных размеров мало заселенных территорий, особенно Сибирь и Север Европейской части. По приводимым статистиками ОГПУ данным РСФСР можно было сравнить с Украинской ССР, занимавшей хотя и незначительную по сравнению с РСФСР территорию, но насчитывавшую в себе около 20% всего населения Союза: отсюда и очень высокая плотность населения УССР, заметно превышавшая плотность остальных союзных республик.

На начало января 1927 г. статистическим отделом ОГПУ приведены следующие данные по национальному составу населения РСФСР: русские (великорусы) – 73,5% (составлявшие абсолютное большинство населения и в европейской и в азиатской части государства); украинцы – 7,8%, казаки (казахи) – 3, 82%, татары – 2,83%; мордва – 1,32%; чуваша – 1,11%; немцы – 0,80%, башкиры – 0,71%, киргизы – 0,67%, белорусы – 0,63%, западные евреи – 0,56%, вотяки – 0,50%, горцы Дагестана – 0,49%, мари – 0,42%, узбеки – 0,32%, чеченцы – 0,32%, карелы – 0,24%, мещеряки – 0,22%, буряты – 0,21%, коми – 0,22%, поляки – 0,20%, армяне – 0,19%, осетины – 0,15%, пермяки – 0, 15%, кабардинцы – 0,14%, калмыки – 0,13%, каракалпаки – 0,12%, прочие – 1,99%.

Статистики ОГПУ воспроизводили следующие данные об административно-территориальном делении Российской Федерации, а именно ее Европейской и Азиатской частям.

Европейская часть РСФСР включала 38 губерний: *Архангельская* (6 уездов и 41 волость площадью 438119 кв. км с населением 419 878 человек: сельского – 324 968, городского — 94 910); *Астраханская* (14 районов площадью 32 402 кв. км с населением 507 584 человек: сельского – 305 039, городского – 202 545); *Брянская* (8 уездов, 55 волостей площадью 41 570 кв. км с населением 1 999 230, сельского – 1 713 060, городского – 286 170); *Владимирская* (7 уездов, 72 волости площадью 31 952 кв. км с населением 1 318 965: сельского – 1 057 541, городского – 261 424); *Вологодская* (5 уездов, 90 волостей площадью 115 890 кв. км, с населением 1 052 645: сельского – 960 620, городского – 92 025); *Воронежская* (9 уездов, 91 волость площадью 66 831 кв. км, с населением 3 300 739: сельского – 3 037 111, городского – 263 628); *Вятская* (9 уездов, 83 волости площадью

¹ По данным переписи 1926 г. на 1 января 1927 г. территория и население Союза ССР представляли следующую картину. *Площадь СССР* (в кв. км) составляла 21 353 101, в том числе *РСФСР* — 19 787 577, *Украинская ССР*— 451 767, *Белорусская ССР*— 126 792, *Закавказская СФСР*— 185 776, *Узбекская ССР* — 309 973, *Туркменская ССР* — 491 216.

105 539 кв. км с населением 2 220 545: сельского – 2 083 043, городского – 137 502); *Иваново-Вознесенская* (10 уездов, 62 волости площадью 33 396 кв. км, с населением 1 192 922: сельского – 849 272, городского – 343 650); *Калужская* (10 уездов, 64 волости площадью 26 000 кв. км с населением 1 148 269: сельского – 1 042 583, городского – 105 686); *Костромская* (7 уездов, 60 волостей площадью 33 669 кв. км с населением 810 780: сельского – 695 902, городского – 114 878); *Курская* (7 уездов, 79 волостей площадью 43 652 кв. км с населением 2 907 139: сельского 2 639 235, городского – 267 904; *Ленинградская*¹ (8 уездов, 95 волостей, а также город Кронштадт площадью 66 315 кв. км, с населением 2 719 343: городского – 1 803 596, сельского – 915 747); *Московская* (17 уездов, 194 волости, площадью 44 811 кв. км с населением 4 522 708: городского – 2 665 729, сельского – 1 856 979); *Мурманская* (9 волостей, площадью 137 459 кв. км с населением 21 558: сельского – 11 885, городского – 9 673); *Нижегородская* (15 уездов, 110 волостей, 4 района площадью 80 912 кв. км, с населением 2 735 334: сельского – 2 297 758, городского – 437 576; *Новгородская*² (6 уездов, 65 волостей площадью 52 056 кв. км с населением 1 045 648: сельского – 906 819, городского – 138 829; *Оренбургская* (3 уезда, 33 волости площадью 60 370 кв. км, с населением 651 034: сельского – 504 669, городского – 146 365; *Орловская* (7 уездов, 72 волости площадью в 30 635 кв. км с населением 1 879 578: сельского – 1 694 328, городского – 185 250); *Пензенская* (8 уездов, 68 волостей площадью 46 249 кв. км с населением 2 208 918: сельского – 2 004 095, городского – 204 823); *Псковская* (11 уездов, 67 волостей площадью 57 716 кв. км с населением 1 777 702; сельского – 1 628 779, городского – 148 923); *Рязанская* (8 уездов, 64 волости площадью 47 616 с населением 2 422 512: сельского – 2 230 228, городского – 192 284); *Самарская* (95 уездов, 118 волостей площадью 102 855 кв. км с населением 2 408 990 : сельского – 2 093 570, городского – 315 420); *Саратовская* (9 уездов, 106 волостей площадью 91 236 кв. км с населением 2 892 033: сельского – 2 455 494, городского – 436 539); *Северо-Двинская* (18 районов площадью 103 432 кв. км с населением 678 260: сельского – 640 702, городского – 37 558); *Смоленская* (10 уездов, 81 волость площадью 57 115 кв. км с населением 2 283 786: сельского – 2 078 079, городского – 205 707); *Сталинградская* (3 округа, 3 уезда, 75 волостей площадью 99 361 кв. км с населением 1 404 891: сельского – 1 146 473, городского – 256 418); *Тамбовская* (6 уездов, 92 волости площадью 47 686 кв. км с населением 2 729 923: сельского – 2 429 312, городского – 292 611); *Тверская* (9 уездов, 95 волостей площадью 63 184 кв. км с населением 2 234 549: сельского – 1 954 937, городского – 279 612); *Тульская* (41 район и Ефремовский уезд площадью 25 464 кв. км, с населением 1 498 468 : сельского – 1 286 059, городского –

¹ 18 июля 1927 г. Ленинградская губ. была упразднена.

² 18 июля 1927 г. Новгородская губ. была упразднена.

212 409); *Ульяновская* (4 уезда, 48 областей площадью 34 084 кв. км с населением 1 385 220: сельского – 1 221 536, городского – 163 684); *Череповецкая* (5 уездов, 63 волости площадью 62 837 кв. км с населением 734 988: сельского – 682 069, городского – 52 919); *Ярославская* (7 уездов, 76 волостей площадью 34 894 кв. км с населением 1 337 087: сельского – 1 077 971, городского – 259 116); а также *Уральскую область* (16 округов, 210 районов площадью 1 841 639 кв. км, с населением 6 786 022: сельского – 5 389 091, городского – 1 396 931); *Северо-Кавказский край* (13 округов, шесть автономных областей, 113 районов, города Владикавказ и Грозный. Площадь составляла 293 033 кв. км с населением 8 326 597: сельского – 6 690 119, городского – 1 636 478); *автономные области*: Адыгейская (Черкесская)¹, Вотская, Ингушетия, Кабардино-Балкарская², Карачаевская, Калмыцкая, Коми (зырян), Марийская, Северная Осетия, Чеченская *автономные республики*: Башкирская³, Дагестанская⁴, Карельская⁵, Крымская⁶, Немцев Поволжья⁷, Татарская⁸, Чувашская⁹.

На начало января 1927 г. **Азиатская часть РСФСР** включала: Сибирский край (19 округов, автономная область, 259 районов площадью 4 066 731 кв. км с населением 7 570 600: сельского – 6 783 800, городского – 786 800); Дальневосточный край (9 округов, 75 районов площадью 2 718 995 кв. км, с населением 1 624 345: сельского – 1 271 627, городского – 352 718); *Автономные области*: Каракалпакскую, Ойратскую, а также автономные республики: Бурят(о)-Монгольскую, Казакскую, Якутскую.

¹ Адыгейская (Черкесская) автономная область входила в Северо-Кавказский край.

² Кабардино-Балкарская объединенная автономная область входила в Северо-Кавказский край.

³ Башкирия являлась первой по времени образования и по численности населения автономной республикой в составе РСФСР. Площадь ее территории составляла 157 116 кв. км численность населения – 2 741 316 человек: сельского – 2 508 775, городского – 232 541.

⁴ Площадь республики составляла 54 212 кв. км численность населения – 786 834 сельского – 703 541, городского – 83 293.

⁵ Карельская АССР состояла из 7 уездов, 55 волостей, занимала территорию площадью в 143 340 кв. км с населением 267 672 сельского – 207 595, городского – 60 077.

⁶ Крымская АССР занимала площадь 25 310 кв. км с населением 701 671 человек: сельского – 382 839, городского 318 832

⁷ Площадь территории Немцев Поволжья автономной Советской Социалистической Республики составляла 26 753 кв. км с населением 517 089 человек: сельского – 498 068, городского – 73 021.

⁸ Республика охватывала территорию площадью в 68 622 кв. км с населением в 2 589 455 человек: сельского – 848 842, городского – 44 845

⁹ Чувашия состояла из 5 уездов, 54 волостей площадью 18 296 кв. км с населением 893 687 сельского – 848 842, городского - 44 845

* * *

После одного из собраний в московской губернии было предложено спеть: *«Укажи мне такую обитель, где бы русский мужик не стонал»*; в другом месте предлагалось *«вспомнить пугачевский бунт»*

Чрезвычайной интенсификации труда, предложенной народу руководством страны, сопутствовал крайне низкий уровень жизни ведущих социальных слоев общества: трехмиллионного рабочего класса и 110-ти млн крестьянства. В 1929 г. был принят первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Он представлял из себя своеобразную программу «развернутого социалистического наступления». А 14-й Всероссийский съезд советов рабочих, крестьянских, казацких и красноармейских депутатов в мае 1929 г. открыто заявил о претворении в жизнь лозунга советской власти – «догнать и перегнать передовые капиталистические страны».

В том же 1929 г, названным Сталиным «коренным переломом», Советский Союз (численность населения которого в тот год составляла 154,2 млн человек, в том числе в городах – 27,6; в сельских районах – 126,6 млн) полностью перешел на карточную систему снабжения и распределения продовольствия и товаров.

Сталин и его сторонники выступили за использование наиболее радикальных методов преобразования общества по социалистическому образцу, в их понимании. Однако часть социума воспринимала это в силу своего менталитета труженика по-своему: так, работница фабрики «Красный Перекоп» (Ярославль) в группе заявила: *«Заставляют соревноваться, уплотняться, а хлеба не дают, пятилетка загонит рабочих в могилу»*.

Особенности менталитета русских «людей труда» на заводах и фабриках – преимущественно русских выходцев из сельской местности (по сообщениям ОГПУ)

Русские люди составляли основную рабочую силу на предприятиях СССР. Главную тяжесть развернувшейся в стране индустриализации принял на себя русский народ. Сконцентрированный в документах ИНФО ОГПУ уникальный исторический материал дает возможность детально представить положение в новом советском обществе ведущей его силы – рабочих, детально проследить особенности менталитета людей труда, представить воочию, каково было отношение к ним со стороны новой власти.

Очевидно, что задача информаторов «Лубянки» сводилась прежде всего к тому, чтобы выявить *отрицательные моменты* (их было предостаточно в условиях ускоренной индустриализации) *в положении рабочих на заводах и фабриках,*

в их настроениях и поведении, которые могли содержать угрозу действующей власти. Особенность этого вида чекистского источника состоит в концентрации внимания на характеристику социума с точки зрения выявления проявлений не-лояльности на заводах, фабриках и безработных.

На первый план рабочими выдвигались экономические недовольства, выражавшиеся в забастовочных акциях. В своем тяжелом положении рабочие обвиняли государство, политику советской власти, партию, обосновывая это многообразными причинами:

- *низкий уровень зарплаты,*
- *неправильный подсчет размера жалования;*
- *неодинаковая зарплата для групп одинаковой квалификации на однородных предприятиях;*
- *снижение тарифных ставок;*
- *повышение норм выработки;*
- *переход на увеличенное число станков, недовольство низкими расценками;*
- *неоправданное повышение норм выработки, невыплата за сверхурочные работы;*
- *отсутствие «надбавки на дороговизну» из-за «бешено растущих хлебных цен»¹;*
- *необорудованность фабрик;*
- *значительное ухудшение материального положения рабочих, сохранение скверных жилищных условий, несмотря на повышение норм выработки;*
- *требования «убрать красного директора» либо кого-то из администрации за грубое обращение с рабочими и другими».*

В поведении рабочих надзирающие органы выявляли наиболее опасные с их точки зрения *политические проявления* (но в меньшей степени, нежели экономические) в ходе трудовой деятельности – недовольство руководством предприятий, партийными, комсомольскими и советскими органами власти, профсоюзами; распространение в рабочей среде получил призыв: *«выкатить красного директора на тачке».*

¹ Увеличить надбавку до 15% зарплаты требовали рабочие Ново-Ткацкой фабрики Глуховской мануфактуры Богородско-Щелковского треста, рабочие Песочинской фаянсовой фабрики, чугунолитейного завода в Брянской обл., Троицкой суконной фабрики Гомельской губернии, фабрики «Маяк», на предприятиях Пензенской, Иваново-Вознесенской губерний и др.; в 1928 г. кочегары Языковской суконной фабрики подали заявление о повышении им заработка на 30%, мотивируя свое заявление повышением цен на сельхозпродукты.

Рабочих возмущали бесхозяйственность, злоупотребления, грубость и невнимательность к их нуждам. Особо тягостное явление рассматриваемого периода – это безработица. Причины нарастания безработицы были обусловлены общим экономическим положением в стране; наплывом в города бедноты и батраков деревни; отсутствием спроса на рабочую силу; усилением недовольства среди рабочих. Практически к середине 1920-х годов безработица приобрела в СССР характер национального бедствия. Требования безработных, как правило, сводились к следующим: снять целый ряд ответственных работников биржи – коммунистов с работы ввиду существующего протекционизма;

- *«взяться за оружие и устроить вторую революцию»¹;*
- *«...скорей сорганизоваться и сбросить со своих плеч коммунистов, заявив им, что они править государством не годятся, а должны уйти к черту под лодку»²;*
- *«пора одуматься и взяться за новую буржуазию»,*
- *«сейчас рабочим нельзя говорить правду, так как арестуют»,*
- *«много терпели, а теперь осталось еще немного до освобождения рабочих и крестьян из-под ига коммунистов».*

Значительную часть безработных составляли демобилизованные красноармейцы. К началу 1930-х годов на биржах труда в СССР было зарегистрировано 1 млн 298 тыс. человек безработных³.

В 1925 г. информаторы «Лубянки» сообщали в органы власти следующее достаточно характерное высказывание одного из рабочих: *«Рабочие одни несут тяжесть разных налогов, сборов, удержаний и отчислений. Я согласен, что наша Республика бедна и нуждается в нашей поддержке, но почему непременно рабочий должен за все отдуваться, голодать. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 175. Л. 2об]»⁴* и терпеть, получая мизерную зарплату, наши же главки и ответственные работники живут себе припеваючи, и ни в чем не нуждаются».

¹ Подобные выступления имели место среди уволенных рабочих с Анжеро-Судженских копей – «надо взяться снова за винтовку, чтобы завоевать другую власть».

² Все это говорилось среди безработных Татареспублики.

³ Из них чернорабочие составляли 60%, люди интеллектуального труда – 18,2%, а лица индустриальной квалификации – всего 16,3%. В общем составе безработных – женщин было 43,6%, подростков – 14,8%. Причины нарастания безработицы были обусловлены общим экономическим положением в стране; наплывом в города бедноты и батраков.

⁴ 22.04.1922 г. в Приказе НКПС Ф. Держинского отмечалось: «В настоящее время АРА кормит 2 660 000 детей, 5 000 000 взрослых и 100 000 беженцев, а если мы сможем справиться с временными затруднениями в транспорте, то обещает увеличить эту помощь» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 175. Л. 2об.).

Подчас рабочие обращались к фактам недавнего прошлого, к революции, Гражданской войне, когда они боролись за улучшение жизни. Так, среди костромских текстильщиков высказывалось мнение: *«Надо, видно, делать опять революцию», «за границей рабочие живут лучше, чем в СССР», «у нас нет Советской власти — осталось лишь одно ее название».*

Другой член партии, выступая на собрании, говорил: *«Как бы у нас не свалилась революция из-за плохого и невнимательного отношения со стороны главков и ответственных работников к интересам рабочих и крестьян».* [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 175]. Иногда эти заявления приобретали резкий характер, отражая негативное отношение к партии, ее лидерам: *«Все верхи, как Ленин, Троцкий и другие, жили и живут царьками, как и раньше..., а ответственные советские работники заняли мягкие кресла, получают большие ставки и ничего не делают»* [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 87. Д. 175.Л. 197,198].

На Родниковской фабрике (Шуйский округ) один рабочий в группе заявил: *«К черту советскую власть, наши администраторы через шкурников-коммунистов проводят рационализацию и дают нашего брата. Работаем одной рванью, станки уделывать нечем, а еще предлагают соревноваться и уплотняться. Вот мы все кучками обижаемся, а собраться вместе и нарушить все ихние договора не можем».*

Рабочие высказывали недовольство и требовали сократить раздутые штаты фабкомов, которые являлись платными. Рабочие требовали сократить до одного человека состав фабкома, а на Б. Кохомской мануфактуре в Иваново-Вознесенской губ. перевыборы фабкома проходили при криках: *«Долой фабком, он сидит на нашей шее».* Бастующие на Ново-Ткацкой фабрике Глуховской мануфактуры выдвинули требование убрать завком и директора, а также высказывали мысль, что фабкомы являются только лишним накладным расходом.

Достаточно распространенными были такие настроения, что профсоюзы рабочему не нужны, так как их работа ограничивается только взиманием членских взносов, а не защитой интересов рабочих. Главным образом недовольство рабочих профорганами было вызвано тем, что последние в большом числе случаев шли на поводу у администрации и совершенно не считались с интересами рабочих.

На текстильной фабрике «Красный труд» Вятской губ. на собрании по перевыборам фабкома рабочий говорил: *«Мы до кровавого пота наживаем государству казну, а сами работаем за хлеб и за воду, от недоедания болеем, фабком о нас не заботится, надо самим сплотиться и требовать увеличения зарплаты».* На Радищевской мануфактуре Иваново-Вознесенской губ. рабочие заявляли: *«Как только выбрали рабочего от станка, так он начинает получать большое жалование и забывает о тяжелом положении своих бывших товарищей».*

На Тейковской фабрике (Шуйский округ) ткачиха в группе работниц заявляла: *«Советская власть сейчас только издевается над рабочими, никакого улучшения не проводится, только одно хвастовство да вранье»*. На фабрике «Красный Профинтерн» (Владимирский округ) рабочий на конференции по вопросу о социальном соревновании высказал следующее: *«Соревноваться в настоящее время невозможно, так как рабочие умирают с голоду»*.

В Сибири снижение расценок вызывало множество конфликтов в каменно-угольных коях Анжеро-Судженского района, где при выдаче расценок на руки рабочие поднимали скандал, бросили расценки обратно администрации, заявив при этом: *«У нас процветает эксплуатация, какой не было при царе, спецы готовы снять голову рабочему, а наши главки, профсоюзы ничего не понимают и только поддакивают им»*.

Политическое сознание масс росло, они пытались разобраться в экономической и социальной политике государства и партии. Услышанные и зафиксированные информаторами рабочие высказывания срочно и совершенно секретно докладывались «во власть».

Информаторы ОГПУ о настроениях русского крестьянства в связи с коллективизацией и массовыми выселениями

В рабочей среде можно было услышать следующие оценки: *«Вы сказали, что крестьянство – мелкая буржуазия, какая они буржуазия, если они днем и ночью обливаются потом, ходят в лаптях и кушают один ржаной хлеб»* (заявляли рабочие в школе козовых инструментов при перевыборах, Московская губ.); *«Советская власть притесняет крестьян, что им живется хуже, чем в царское время»*; *«Раньше царское правительство последнюю шубу с крестьянина не снимало, а теперь это встречается, теперь берут с них и с нас, и хорошие шубы одевают»*, – констатировали рабочие на фабрике в Ярославской губернии.

Информаторы обращали внимание на проникновение в рабочие массы, так называемых *крестьянских настроений*. Большинство рабочих в первой трети XX в. являлось русскими выходцами из сельской местности, не порывавших связи с землей. Неизгладимая печать крестьянской общинной ментальности, традиций, привычек, уровня культуры и быта, отношения к труду лежала на облике рабочей сферы в рассматриваемые годы.

Нередко рабочие задавались вопросами: *«Почему власть не разрешает крестьянам, как и рабочим, организовывать свои союзы»*. Особенно резко выявились крестьянские настроения среди рабочих отдельных мелких предприятий на перевыборных собраниях в Моссовет, где говорилось *«о тяжелом положении крестьян»*, *«низких ценах на сельхозпродукты»* и т.д.

В с. Рубенках Александровской волости Судогодского уезда Владимирской губ. Кулак в своем выступлении на сходе: призывал *«Молодёжь, дальше стой от*

партии, крепись вокруг крестьянства и защищай его интересы». Он же выразил мысль о необходимости организации крестьянских союзов. Этот же кулак заявлял о том, что «...Калинин – это огородное чучело, которое для блезира поставлено, а настоящий защитник Троцкий от крестьян удален».

Что касается настроений русского крестьянства, в отношении особенно середнячества и бедноты, то, судя по донесениям ОГПУ, настроения были еще откровеннее и наполнены антисоветскими высказываниями. На Старо-Оскольском уездном съезде (*Курская губ.*) имело место выступление некоторых делегатов, заявлявших: *«Мужик работает, не разгибая спины, мужик платит налог, и мужик давится капустой, а комиссары едят котлеты. Комиссарам трудно понять мужиков, ибо они от них далеко отошли»*. Указывалось, что *«коммунисты не являются защитниками крестьянства и что нужны новые коммунисты»*.

Что касается деревни, то в рассматриваемый исторический отрезок времени чрезвычайно сильным стало ее разделение на три основные группы: 23% составляли середняки, 63% – маломощные крестьяне, зажиточная группа – 14% населения.

Настоящей трагедией для страны стал последовавший за индустриализацией и коллективизацией голод 1932 – 1933 гг., который держал в смертельных тисках густонаселенные территории Центрального Черноземья (Воронежскую, Курскую и Орловскую области), Средней и Нижней Волги, Северного Кавказа (Ростовскую обл., Кубань и Ставрополье), Юг Украины (включая Крым), Юг Урала, Северный Казахстан и Западную Сибирь.

В документах прошлых лет информация о голоде приравнивалась к статусу государственной тайны.

Крестьянство проявляло недовольство непомерными налогами, низкими ценами на хлеб, высокими – на промышленные товары, так называемые «ножницы цен». Вместе с тем, сталинская риторика рассматриваемых лет сводилась к констатации факта беспримерного в истории события: а именно того, что крестьянство, в том числе середняк повернулось к «социалистическому пути», в сторону колхозов. Частнособственнический инстинкт русского крестьянина, по мнению Сталина, был преодолен, перед обществом встала захватывающая перспектива социалистического строительства — в аграрном секторе, охватывавшим почти сто-миллионную крестьянскую массу — основную часть населения советской страны.

Под личным контролем функционера спецслужб Г.Г. Ягоды в апреле 1930 г. крупные партии раскулаченных были направлены на объекты золотодобывающей промышленности. Для работы на золотых приисках Сибири было выделено 2050 семей кулаков, на прииски Дальневосточного края – 2500 семей и 3500 человек – одиночек. В следующем, 1931 г., по неполным данным, ОГПУ направило на золотые прииски в Свердловскую область 1000 семей раскулаченных, в Новосибирскую – 1400 семей, в Хабаровский край – 3300 семей. Таким образом проводилась принудительная миграция населения.

Документы ОГПУ за 1931 г. свидетельствуют не только о переселениях, но о массовой гибели высланных в *Нарымский край* крестьянских семей [ЦА ФСБ. РФ. Ф.2. Оп.8. Пор.538; 8, с. 370, 375.]. Цену этой акции по отношению к переселенцам, как грандиозной человеческой трагедии, демонстрирует обличительной силы документ – донесение ОГПУ от 22 июня 1931 г. о ходе расселения спецпереселенцев по Нарымскому краю¹. В этом документе представлена картина общего хода проводившейся в апреле – мае 1931 г. операции по массовому выселению кулаков вместе с семьями в двух основных направлениях – Томском и Кето-Чулымском. Необходимо было в тяжелейших условиях при отсутствии транспорта вселить 20 тыс. человек в верховье Васьюгана, Чертолы. На 20 июня было расселено 27 548 семей, в том числе детей до 16 лет – 67 918 человек. В результате по Колпашевской комендатуре – по рекам Оби и Кети с центром в селе Тогур было расселено всего 13 778 человек; по Кетской комендатуре – по реке Кеть до деревни Востоко-Ярское с центром в селе Широково – 19 680 человек; по Парабельской комендатуре – по реке Парабели до реки Чузика – 23 573 человека; по Нижне-Васьюганской комендатуре – по реке Васьюган до Усть-Чикапки и реке Чикапке до Юрт-Еремино – 23 000 человек; по Средне-Васьюганской комендатуре – по реке Васьюган от Усть-Чикапки до Айпалово включительно и реке Неролька – 19 000 человек. Чаянская группа расселения – по рекам Чая, Чузику, Бокчару (в Галкинскую, Парбикскую, Тоинскую комендатуры) составляла 38 000 человек.

ОГПУ констатировало, что весь бассейн реки Васьюган, куда выселяли людей, являл собой сплошное заболоченное пространство, покрытое 30 – 35-летними ельниками, хаотически нагроможденным непроходимым буреломом. Мест, пригодных к освоению без раскорчевок, которые требовали колоссального труда, практически не было; земледелие и скотоводство были весьма затруднены. В большинстве поселков не было строевого леса: его приходилось рубить и сплавлять на 6 – 10 км от мест расселения. ОГПУ констатировало, что выселенные приехали на необжитые и малопригодные места практически без всего: они не были обеспечены продовольствием, лошади – фуражом.

¹ К сожалению, проблема принудительных переселений русских в научных исследованиях представлена главным образом мимоходом. В этом плане ученые Дона и Северного Кавказа внесли заметный вклад в изучение рассматриваемого периода, однако, обобщающие труды по этой сложной проблеме отсутствуют. Это порождает разного рода неверные суждения, что якобы этими процессами были охвачены только представители других национальностей. Приводимый по этой проблеме фактический материал показывает, что русские в этом направлении в ходе осуществления мер национальной политики значительно пополняли контингент спецпереселенцев в масштабе страны.

В период выселения в пути умерло около 500 человек детей и стариков, преимущественно на почве желудочных заболеваний. Помимо желудочных заболеваний, люди заболевали корью, а в Колпашево было обнаружено три случая оспы. Смертность на отдельных участках, преимущественно детей, была от 10 до 35 человек в сутки. Ориентировочная цифра смертности исчислялась в тысячу человек.

Общий «контингент» высылаемых кулацких семей в 1931 г. только в Казахстан составил 150 тыс. семей, их рассредоточили в районах бывших Акмолинского и Каркаралинского округов для работы в угольных шахтах, медном и железнодорожном деле, железнодорожном строительстве [1, с. 66, 67].

Единое мнение историков о людских потерях среди спецпереселенцев – русских до сих пор не существует [2, с.76 -78].

Раскулачивание, насильственная коллективизация и последующее разорение колхозного хозяйства государственными заготовками и налогами привели к гибели значительной части русского крестьянства, к разрушению вековых аграрных традиций. Разрушенный аграрный сектор экономики из ведущего донора индустриализации СССР, превратился в тормоз на пути социально-экономического развития страны. В 1930 – 1934 гг. государственные заготовки зерна буквально опустошали недавно образовавшиеся колхозы.

Одновременно «Лубянка» в 1925 г. констатировала такое грозное явление, имевшее место, как усиление классовой борьбы в деревне и «движение кулацкого террора», которое оставалось значительным. Как признавал Сталин и другие лидеры, опасность была в крестьянском восстании, то есть в потере социальной базы в деревне, в новой гражданской войне. Поэтому власть вынуждена была реагировать на эти факты, нередко прибегая к насильственным методам военно-коммунистического типа: арестам наиболее активных крестьян, конфискации имущества, отказам в отсрочке выплат налогов, в кредитовании, ограничении «назначенчества» и, в конечном счете, начала политику насильственной коллективизации.

В деревне Каргино Красноярского у. (Енисейская губ.) после доклада одного из членов РИКа о необходимости уплаты сельхозналога в срок бывший красный партизан-бедняк в своем выступлении заявлял, что советская власть снимает с крестьян последние кальсоны, что теперь не жизнь, а каторга, что налогу на нищих определили в сумме по 15 руб., а хлеб принимают по 30 коп. Когда член РИКа пригрозил бедняку составлением протокола, то все собрание, как один человек, поднялось и стало кричать: «Устами красного партизана мы все говорим, мы тоже воевали против Колчака и думали завоевать себе равенство, а теперь получается, что одни жиреют, а мы босые и голые» [ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 754. Лл. 35-36. Заверенная копия].

В 1924 г. антисоветские крестьянские выступления против налоговой политики власти, отмечались в Псковской, Вологодской, Витебской, Иваново-Вознесенской, Вятской, Иркутской, Царицынской, Ярославской губерниях, а также в Кубано-Черноморской области, Карачаево-Черкесской и Чеченской автономных областях, Крыму и Самаркандской губернии. За эти выступления власть обрушивала на крестьян репрессии, конфискации имущества, массовые аресты.

Документы «Лубянки», относящиеся к 1929–1931 годам – периоду формирования авторитарной системы в стране, свидетельствуют о том, что протестовавших в СССР, по терминологии ОГПУ, были «многочисленные толпы». Вывод ОГПУ очевиден: значительная часть протестных акций в стране носила именно политический характер, свидетельствуя о далеко еще не закончившихся процессах гражданской войны.

По данным 2-го Отделения Особого Отдела ОГПУ в 1930 г. по 13-ти районам СССР было зафиксировано от 60 до 68 восстаний с количеством участников восстаний – 63 845 человек. Восстаниями было охвачено 1292 населенных пункта. Было изъято огнестрельного оружия – 16 771 единица. По продолжительности наибольшими были восстания в Казахстане – 346 суток, по СКК – 302 и в Восточной Сибири – 188 [ЦА ФСБ РФ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 82. Л. 10; Ф. 1. Оп. 3. Д. 187. Л. 22, 27; . Ф. 1. Оп. 5. Д. 157. Л. 70; Ф. 2. Оп. 2. Д. 31. Л. 5, 6.; РГАСПИ. Фонд 323. Оп.2. Л. 229]. Лозунги в вооруженных выступлениях в 1930 г. были следующими: против колхозов, раскулачивания и арестов кулаков, против хлебозаготовительного налога; за восстановление монархии, за свержение советской власти, за крестьянские союзы, за свободу торговли и частную собственность, за демократию, за волю, землю, за Советы без коммунистов, националистические, автономистские, против пятилетки, за отмену деления на классы, против «диктатуры партии» и др.

К началу 1931 г. уровень коллективизации в СССР уже достиг 26,4% от всех бедняцко-средняцких хозяйств, объективно шел мощный прилив единоличного крестьянства в колхозы. Процент коллективизированных хозяйств по СССР составлял: на 1 февраля – 29,4%; 1 марта – 35,6; 1 апреля – 42,0; 1 мая – 48,7; 1 июня – 52,7; 1 июля – 55,1; 1 августа – 57,9; 1 сентября – 59,9; 1 октября – 61,0; 1 ноября – 61,9%, 1 декабря – 62,4.

В период весенней посевной кампании 1931 г. была завершена сплошная коллективизация в основных зерновых районах, а к 1 июня 1931 г. колхозный сектор по всей стране абсолютно превысил единоличный сектор сельского хозяйства, а к концу года вплотную подошел к уровню сплошной коллективизации также и в районах, культивировавших специальные культуры. На базе

сплошной коллективизации руководство страны констатировало факт «ликвидации кулачества как класса» в важнейших зерновых районах Союза. Кулацкие хозяйства оказались политически и экономически разгромленными практически по всей стране.

«...В Челнинском кантоне отмечались слухи об устройстве Варфоломеевской ночи над русскими»

Что касается **межэтнических отношений внутри советского социума**, и особенно преобладающей его русской части и представителями других народов, то ОГПУ фиксировало значительное число проявлений настроений недовольства и земельно-водных распрей, нередко приобретающих жесткий характер. К примеру, в Татарии вызывало недовольство неравномерное распределение налоговых повинностей между татарами и русскими, а также право на землепользование; русское казачество стремилось к выделению из Казахстана и присоединению к Сибири; сибирское трудовое казачество требовало автономии по примеру Донского и Терского казачества. Настроение русского казачества сводилось также к стремлению организовать самостоятельные казачьи административные единицы или переселиться в другие районы, в частности, в Сибирь и на Дон.

В Обзоре политического состояния СССР за март 1925 г. зафиксировано, что по Северному Кавказу борьба казаков и иногородних из-за земли по-прежнему носит обостренный характер. В с. Канеловском Донского округа казаки, настроенные против наделения иногородних земель, говорили: *«Эх, дать бы им землю, как мы давали в 1905 году, так, что валялись везде одни головы»*.

ОГПУ обращало внимание на непрекращающиеся споры казаков (киргиз) с русскими. Большинство споров падает на районы, в которых казацкое население переходит к смешанной (скотоводническо-земледельческой) форме хозяйства. Со стороны казаков отмечалось стремление к захвату использовавшихся до сих пор русским крестьянством сенокосов и лугов.

ОГПУ фиксировало, что в Адыгейско-Черкесской обл. русские имели наделы в два раза меньше, чем черкесы. Ввиду этого более мощные хозяйства русских могли расширяться лишь путем аренды земли у «туземцев». В Башкирии одним лишь Михайловским сельским обществом за арендуемую у башкир землю было отдано в прошедшем сезоне, при чрезвычайно низкой арендной плате, 413 баранов. Особенно часто происходили столкновения в Павлодарском уезде Семипалатинской губ. из-за сенокосов по р. Иртыш. Во время одной стычки вооруженные дубинами киргизы избили сторожа, помешавшего потраве русских лугов, и выехавших на место драки члена ВИКа и милиционеров русских (август 1924 г.).

Киргизско-русские отношения особенно были обострены в Уральской и Буковской губерниях, где сильно развитые земельные споры, нередко выливались в вооруженное столкновение. Конфликты также имели причиной пользование рыбными ловлями и лесами. В Башкирии на почве аналогичных споров с башкирским крестьянством было убито два русских крестьянина. Информаторы сообщали, что русское крестьянство, противодействуя землеустроению оседающих кочевников, прибегает к всевозможным мерам, часто губительно отражающимся на хозяйстве «туземцев». Так, в Акмолинской губ. русский поселок запрещал киргизам пользоваться водопоем из близлежащего озера, в результате чего у киргизов Байнеткорской вол. начался падеж скота.

В аналитических обзорах ИНФО ОГПУ делался вывод о наличии тенденции к выселению русских из восточных окраин, в том числе это распространялось по всему Туркестану, Киргизии и отчасти другим районам. Местами в Туркестане в связи с этим отмечались случаи распродажи русским крестьянством своего имущества. В борьбе за землю развивался антагонизм между стремлением русских присвоить арендуемую площадь, с одной стороны, и желанием более или менее поправившихся туземных хозяйств начать самостоятельную обработку своей земли, с другой. Столкновения часто принимали характер настоящих побоев. Так, в Адыгейско-Черкесской обл. на почве заявления черкесов о желании взять обратно сданную в аренду казакам землю, произошла драка, в результате которой было избито 20–30 человек. В Адыгейской обл. в начале отчетного периода назревал серьезный конфликт на почве закрепления за русскими использовавшейся ими земли в черкесском ауле. В *Адыгейско-Черкесской обл.* черкесское население требовало скорейшего выселения русских в связи со слухами о том, что в других автономных республиках русские уже давно выселены. Русское население выражало острое недовольство местной властью и настроено было за включение в Черноморскую обл. В Акмолинской губ. после того, как русские избили пойманного на своих посевах киргиза, «туземцы» произвели организованное нападение на русское село.

Следует учесть характерные черты расслоения внутри русской деревни. Последние определялись сословным характером группировок русского крестьянства (казачество, переселенцы). Поскольку внутри односословных групп экономическая мощь хозяйства была почти одинаковая, эксплуатация русским кулачеством остальной деревни распространялась, главным образом, на чужесословные или чуженациональные группы. В основном развитие эксплуатации шло по линии роста батрачества.

Специфические условия русской деревни на восточных окраинах (борьба с туземным населением) значительно ослабляли развитие классовой борьбы и

оформление классовой идеологии противоположных социальных слоев в ней. Политически оформившийся кулацкий слой в его чистом виде можно признать лишь в отдельных случаях в местностях, где русское население жило более значительным и изолированным в смысле соприкосновения с туземными массами, что встречалось лишь как исключение.

ОГПУ подмечало, что даже в Татарии, где взаимоотношения между русскими и «туземцами» наиболее урегулированы (конечно, сравнительно), в Челнинском кантоне отмечались слухи об устройстве Варфоломеевской ночи над русскими.

* * *

Вопреки существовавшей власти в стране начали создаваться подпольные организации, в том числе многочисленные русские.

Документы ОГПУ и только лишь одного фонда – фонда Ф.Э. Дзержинского свидетельствуют, что в поле зрения ОГПУ в 1920-е годы находились такие контрреволюционные антисоветские организации, группы и группировки как: «Армия спасения» [РГАСПИ. Ф. 76. Оп. 3. Д. 359] (в Ленинграде), «Ахмадия» [Д. 353], «Всероссийская организация анархистов подолья» [Д. 14]; «Гнездо» [Д. 359]; «Евразийцы» [Д. 317, 356]; «Заготовитель» [Д. 358]; «Имябожники» [Д. 359], «Иоанниты» [Д. 359]; «Иркутская инициативная группа попов и мирян» [Д. 359]; «Комитет кавказских конфедераций. ККС» [Д. 403] «Комитет помощи заключенным и высланным попам» [Д. 359]; «Комитет освобождения Кавказа» [Д. 359]; «Конкордия» [Д. 317]; «Кооператоры» [Д. 58] «Корреспонденты» [Д. 359]; «Крестьянский союз» [Д. 359]; монархическая организация в Вятке [Д. 359]; «Московская инициативная группа мирян» [Д. 359]; «Народ» [Д. 49]; «Народный союз защиты родины и революции» [Д. 18]; «Национальный центр» [Д. 69,135]; «Нунция» [Д. 317]; «Организация Н.Н.» [Д. 317]; «Радикально-демократическая [группировка]» [Д. 49]; «Ревнителю православия» на Кубани [Д. 359]; «Русский комитет» [Д. 226]; Совет советов г. Серпухова [Д. 1]; «Спаситель» [Д. 359]; «Союз защиты родины и свободы» [Д. 1]; «Союз русского народа» [Д. 63]; «Тактический центр» [Д. 135]; «Трактирщик» [Д. 359]; «Ужас» [Д. 56]; «Христофоровцы» [Д. 359]; «Эвакуационный комитет» [Д. 226]; Аслана [Д. 56]; Баббит-Устинова [Д. 46]; Вольского [Д. 49]; Гакконена [Д. 317]; Дашинского [Д. 226]; Еремича-Рогоули [Д. 394]/ Калиниченко [Д. 56] Павлюнкевичар [Д. 56] Покровского [Д. 359], Сапонь-Педь [Д. 56], Сашки Гусева [Д. 56]; Станюкевича [Д. 394]; Старика [Д. 394]; Стаха [Д. 394]; Стешенко [Д. 56]; Федьки Калиныча [Д. 56] Червонца [Д. 56] и др.

В 1930 г. в *Нижне-Волжском крае* были ликвидированы следующие контрреволюционные организации: «*Служащие*» (контрреволюционная повстанческая организация численностью 139 человек, Клетский, Калачевский и Н.-Чирский районы), «*Даниловцы*» (контрреволюционная повстанческая организация численностью 65 человек Даниловский и Ольховский районы); «*Абрамовцы*» (Михайловская контрреволюционная организация с численностью 65 человек, Михайловский и Фроловский районы); «*Дурновцы*» (Дурновская контрреволюционная повстанческая организация, численностью 21 человек, Ново-Анненский район); «*Нововещенцы*» (Кумылженская контрреволюционная повстанческая организация численностью 46 человек, Кумылженский район); «*Хвосты*» (Иловленская контрреволюционная повстанческая организация численностью 64 человека, Кумылженский район); «*Фроловская контрреволюционная повстанческая организация*» (численность 300 человек, Иловлинский, Клетский и Калачевский районы); «*Котельническая контрреволюционная повстанческая организация*» (Фроловский район); «*Вешенцы*» (Кумылженская контрреволюционная повстанческая организация численностью 38 человек Михайловский и Фроловский районы); «*Донцы*» (Пяти-избянская контрреволюционная повстанческая организация Кумылженский район, численность 21 человек); «*Нарна-Герел*» (контрреволюционная повстанческая организация численностью 24 человека Кумылженский район); «*Мало-Дербетская контрреволюционная повстанческая организация*» численностью 47 человек); «*Деятели*» (контрреволюционная национал-шовинистическая организация Калмыкия (центр – Больше-Дербетовский улус).

По *Западно-Сибирскому краю* были выявлены следующие: «Связисты», «Городские повстанцы», «Проходимцы» (численность соответственно 30, 14, 11); «Бывшие командиры», «Проезжие», «Третья сила» (численность соответственно 11, 10, 62); «Русь», «Чужаки», «Неугомонные», «Лесорубы», «Тайга» (численность соответственно 10, 14, 47, 51, 8); «Объединенцы», «Бродячие», Остатки «Кныш», «Активные», «Змеиногорцы», «Союзники» (численность соответственно 65, 23, 13, 6, 13, 24); «Вербовщики», «Алтай», «Освободители», «Старые друзья», «Шестерка», «Исилькуль», «Активисты», «Черлак» (численность соответственно 11, 14, 56, 40, 12, 9, 12, 7). «Вояки», «Николаевка», «Зеленые», «Суетка», «Любаровцы», «Наш кружок», «Сброд», «Мартайгинцы», «Учпристань» (численность соответственно 10, 11, 14, 9, 19, 22, 33, 11, 13); «Ржавые пики», «Кольцевцы», «Таскаевцы», «Охотники», «Налетчики», «Чулым», «Русский флаг», «Исилькульцы», «Чупин», «Свободные» (численность соответственно 17, 10, 37, 89, 66, 204, 23, 18, 21, 310); «Твердолобые», «Повстанцы», «Уймон», «Дикари», «Гости», «Печатники», «Полковники», «Алтайцы», «Соседи» (численность соответственно 94, 137, 51, 12, 19, 13, 16, 46, 107). Итого 2 053 Всего: 54 организации.

По *Дальневосточному краю* только за 1930 г. были ликвидированы: «Контрреволюционная организация Сараева», «Союз за Новую Россию», «Русский Национальный Союз», «Лебеди», «Повстанцы», «Солочки» и др.

Среди важнейших контрреволюционных повстанческих организаций, ликвидированных *на территории Урала* за 1930 г., были; «Торопятся», «Догоняют», «Вестовые», «Побочные», «Жуки», «Обиженные», «Новые», «Босые» (всего действовали в 58 населенных пунктах численностью 118 человек).

Нелояльность русской части советского социума проявлялось в создании прорусских нелегальных организаций. Так, в Краснодаре действовал Комитет «Свободной Русской России» (г. Краснодар), «Кубанская группа левых эсеров» (г. Краснодар), группировка «Пахарь» (Владивостокский округ), «Петербургская группа анархов» (Ленинград), «Петербургская группа анархистов-социалистов» (Ленинград), «Северная федерация анархистов» (Ленинград), «Демократическая группа молодежи» (Ленинград), «Монархическая секта Михаила Архангела» (г. Тульчин), «Амурский комитет» (Дальневосточный край), «Новгород-Северская организация фашистов» (г. Новгород-Северский), «Комитет спасения Родины» (Сальский округ), «Общество подпольных работников и участников партизанской войны» (г. Благовещенск), нелегальная группа по созданию Всероссийского крестьянского союза (Москва).

В документах ОГПУ сохранились агентурные дела на подобные организации с кратким их содержанием (табл. 1)

Таблица 1

Агентурные дела организаций (краткое содержание)

Агентурное дело	Краткое содержание дела
«Кануники»	Контрреволюционная кулацко-белогвардейско-поповская повстанческая организация, охватившая Сорочинский и Покровский районы Средне-Волжского Края. Организация охватила своим влиянием свыше 500 человек, из коих привлечено к ответственности 285 человек.
«Линейные»	Контрреволюционная кулацко-белогвардейско-казачья повстанческая организация, охватившая собою казачьи станицы Соль-Илецкого и Илекского районов С.-В. Края. Организация подготавливала вооруженное восстание в ряде казачьих станиц. По делу привлечено к ответственности 157 человек.

«Смелые»	Контрреволюционная кулацко-белогвардейская повстанческая организация, которая объединяла казачество и кулацкие верхушки крестьянских (мужицких) поселков. Организация охватила Илекский, Сорочинский и Покровский районы Средне-Волжского края, подготавливая вооруженное восстание на осень 1930 года.
«Волы»	Контрреволюционная кулацко-белогвардейско-офицерская повстанческая организация, основным ядром, каковой являлось бывшее белое офицерство. Организация охватила своим влиянием г. Оренбург и ряд станиц Орского и Оренбургского районов. По делу привлечено к ответственности 55 человек.
«Красный Газ»	Контрреволюционная кулацко-белогвардейско-казачья повстанческая организация, охватившая собою г. Оренбург, Оренбургский, Соль-Илецкий и Илекский районы С.В. Края. Организация подготавливала вооруженное восстание на весну 1930 г. и проводила интенсивную работу по сколачиванию контрреволюционных сил среди Оренбургского казачества. По делу привлечено к ответственности 246 человек.
«Конспираторы»	Контрреволюционная офицерско-кулацкая повстанческая организация, охватившая собою гг. Самару, Сызрань и ряд сел указанных округов. Организация проводила большую контрреволюционную работу в среде бывших людей, подбирала кадры и подготавливала восстание. По делу привлечено к ответственности 34 человека.
«Сибиряки-треугольники»	Контрреволюционная кулацко-офицерская повстанческая организация, охватившая собою ряд поселков Сызранского и Ново-Спасского районов Средне-Волжского края. Организация проводила большую контрреволюционную работу и занималась вредительством в сельском и лесном хозяйстве. По делу привлечено к ответственности 69 человек.
Контрреволюционная повстанческая диверсионная организация	Контрреволюционная повстанческо-диверсионная организация, охватывала ряд крупных сел в районе Красного Сызранского железнодорожного моста через р. Волгу и крупных воензаводов г. Чапаевска, ставила целью объединить кулачество и контрреволюционный элемент с целью поднятия вооруженного восстания и взрыва воензаводов и ж.д. полотна. По делу привлечено к ответственности 21 человек.
Контрреволюционная шпионская организация	Контрреволюционная немецкая и шпионская организация на Поволжье, охватившая своим влиянием ряд городов и немецких колоний в районах Поволжья. Организация проводила широкую националистическую контрреволюционную работу среди немцев, используя для этого немецкую церковь. Одновременно проводилась шпионская работа по собиранию сведений военного, экономического и политического характера. По делу привлечено к ответственности 17 человек.

Документы «Лубянки» свидетельствуют также и о том, что ни о каком диалоге протестовавших слоев населения с властью речи не шло, и не могло идти, и инакомыслие в стране было задавлено главным образом применением силовых методов.

Отношение к новой советской власти и ее руководителям разъединяли русский социум. Исследованные донесения, сообщения, оперативные, специальные сводки во власть от органов ОГПУ свидетельствуют о значительных противоречиях в менталитете русских и других народов в отношении новой власти и ее руководителей.

Так, например, часть населения оплакивала уход из жизни Ленина и требовала упоминать имя Ленина в церквях и креститься на его портреты, желая ему царство небесное» (Смоленская губ. 1924 г.).

ОГПУ сообщало (1924 г.): *Масса слухов, распространенных в деревне, сводится к тому, что Ленина «отравили за то, что он защищал крестьянство» (Московская, Костромская губернии); выражается беспокойство, что у власти станут евреи, и положение крестьянства со смертью Ленина ухудшится».*

Также было зафиксировано: *«При проведении вечеров, посвященных кончине тов. Ленина, отмечены следующие ненормальности. В с. Шурки Красногорской вол. Клинцовского у. по докладу «Год без Ленина» зажиточными крестьянами задавалось много вопросов не по существу доклада, а сводившихся, главным образом, к вопросу «почему рабочие живут хорошо, а крестьяне плохо». В с. Старые Боровичи Новозыбковской вол. при проведении ленинской недели были выступления, в коих сравнивалось сделанное Керенским и тов. Лениным. Спрашивали, куда делись изъятые церковные ценности, почему коммунисты из них ничего не сделали. В с. Кропивном Чуровичской вол. Новозыбковского у. по такому же докладу выступивший гражданин критиковал учение тов. Ленина, и когда ему было указано на несовместимость его выступления в этот момент, то он указал, что Иисус Христос был еще лучшим коммунистом, чем тов. Ленин, а его коммунисты критикуют, так что и тов. Ленина можно критиковать. Затем выступил другой гражданин и говорил, что за 7 лет существования советской власти крестьяне от нее, кроме налогов, ничего не видели, крестьяне живут рабами у рабочих, рабочие живут хорошо, работают 8 час. в день, а 16 гуляют, от своего труда ничего государству не дают, едят белый хлеб, чай пьют».*

Актуализировались в документах и такие суждения: *«Вот до чего довел нашу страну Ленин, это самый есть враг России, но скоро прибудет крах на всех, а вы, коммунисты, и вы, комсомольцы, обдумайте хорошенько, что вы делаете и куда стремитесь. Я тоже был в партии, но я разобрал, к чему мы приведем страну, если так продолжать. Этому всему конец. Да здравствует свободная Россия, да здравствует Учредительное собрание и право народа, а не вас угнетателей»* [ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 2. Д. 754. Л. 30-34. Заверенная копия].

Достаточно часто людей заставляли менять свои взгляды с помощью силовых методов. Характерным примером могут являться факты закрытия властями церквей. А на защиту храма и батюшки выступали православные люди, но им пришлось сдаться при применении милицейскими отрядами вооруженной силы.

Присущую русскому социуму монархическую ментальность руководство ОГПУ рассматривало как опасную для Советской власти

***Работа монархистов внутри страны:
распространение листовок, обращений, слухов***

Монархия в России являлась, по выражению русского мыслителя К.Н. Леонтьева, «регулирующей и примиряющей общественной силой». Народные высказывания о монархии зорко отслеживались органами ВЧК-ГПУ-ОГПУ и докладывались в соответствующие органы власти. Память о монархии хранили и русские монархические организации, еще сохранявшиеся как в СССР, так и ушедшие за рубеж. Их деятельность также контролировалась органами советской госбезопасности. Спецслужбы пристально следили за деятельностью русских монархистов, которая с разной степенью временной активности вспыхивала в различных районах страны, преимущественно на территориях проживания русского населения, а также казачества.

ГПУ сообщало в Центр о том, что в марте 1922 г. работа монархистов выражалась главным образом в распространении листовок и прокламаций «**Союза русского народа**»; были отмечены многочисленные случаи, когда эти листовки и прокламации зачитывались крестьянами на сходах и собраниях. Сообщения с мест свидетельствовали о стремлении монархистов добиться своего влияния в приходских советах. ОГПУ отмечало факт роста монархических групп в Сибири, которые состояли преимущественно из офицеров, духовенства и кулачества и подготавливали восстание.

По данным ОГПУ, только за январь 1923 г. на Московском почтамте было задержано 9299 газет и журналов и 369 листовок монархического содержания. В 1925 г. ОГПУ фиксировало продолжающийся поток монархических изданий внутрь СССР. с воззваниями контрреволюционного и монархического характера из-за границы, в частности, из Бельгии и Америки, а также Франции, Румынии, Польши. В большом количестве направлялся монархический журнал «Старое время»; т.н. «рескрипт» Марии Федоровны и Николая Николаевича; вырезки из русских зарубежных газет с сообщениями, дискредитировавшие руководителей советской власти.

Органами ОГПУ были задержаны пересылавшиеся воззвания Николая Николаевича «Дорогие соотечественники» (Самарская, Брянская, Калужская, Архангельская, Саратовская губернии). В Пензенской губ. среди крестьян распространялись старые издания «Союза Михаила Архангела», в Красноярске — издаваемая в Харбине монархическая газета «Свет» и в Нижнем Новгороде — листовка Кирилла Владимировича «Российское воинство и русский народ».

Чекистам удалось пресечь деятельность монархической организации в Крыму, ориентировавшейся на Николая Николаевича и включавшей в состав кулаков, бывших унтер-офицеров и уголовных бандитов.

ГПУ фиксировало также, что в Орловской, Костромской губерниях отмечается антисоветская деятельность бывших членов «Союза русского народа» (СРН). В Костромской губ. ими велась агитация среди русского крестьянства. Большой интерес в этих группах вызывали «партдискуссии и фашистское движение за границей».

Группировки монархистов, руководившиеся из-за границы, были выявлены в разных местах Кубанской обл.; задержаны монархистские листовки из изб-читален Смоленской губ.; монархическая литература распространялась в Приморье на Дальнем Востоке, также по избам-читальням в Смоленской губернии.

Сохранилась докладная записка секретного и информационного отделов ОГПУ о политическом состоянии СССР от 17 февраля 1925 г., в которой содержится следующая характеристика монархических настроений:

«Работа этих монархических организаций в достаточной мере оживлена и сводится к созданию связи информационного характера между зарубежной организацией и соответствующими прослойками внутри СССР и, одновременно с этим, к печатной пропаганде своих идей при помощи рассылки значительного количества монархических листовок и газет в самые отдалённые углы Союза. Частично эти листочки попадают в деревню, вызывая оживленные толки среди крестьян.

Эта работа встречает нужную почву как в обломках кругов чиновничества, помещиков, духовенства, бывших белых офицеров, так и в среде антисоветски настроенного и главным образом кулацкого крестьянства. Для монархической агитации используется тяжелое положение крестьянина, сравнительная обеспеченность рабочего, недостатки нашей налоговой, лимитной политики и пр. На этой почве крестьянство довольно легко поддается подобной пропаганде, и в результате мы имеем проявления повышенного интереса к монархическому движению, которые конкретно выражаются в распространении монархических листовок (рукописных), в распускании всевозможных слухов о формировании ар-

мии Николая Николаевича или Кирилла Владимировича, в хулиганских выпадах монархического характера, вплоть до вывешивания **трехцветных флагов**, и, наконец, даже в использовании обзоров печати советских газет, в которых имеются сообщения о монархистах, в качестве агитационной литературы. Распространению идеи крестьянского союза мы обязаны в значительной степени и работе монархических организаций, низовые группы которых прикрывают свою работу под флагом защиты крестьянских интересов при помощи крестьянских союзов.

В отношении организационном монархические организации стремятся к созданию внутри нашего Союза, по мере возможности, в каждом уезде строго законспирированных троек и пятерок, которые должны взять на себя в нужный момент дезорганизацию советской власти при помощи террора, который признается всеми монархическими течениями. Эти тройки фактически должны рассматриваться как филиал **эмигрантских фашистских организаций**. В частности, террористические тенденции усваиваются не только определенными слоями крестьянства, но и интеллигенцией. Это подтверждается фактом существования ряда ныне ликвидированных террористических организаций – «Ордена русских фашистов», гнездившегося в среде Всероссийского союза поэтов, организации бывших офицеров под руководством Гвоздева, «Союза национального возрождения», Русской национальной демократической партии (в которой, между прочим, преобладали студенты) и пр., выдвигавшими планы террористической борьбы».

Анализ документов спецслужб свидетельствует о том, что, несмотря на активизацию с разной степенью и в разное время монархической деятельности внутри страны, все же основное поле ее деятельности в советское время не находилось внутри советской страны, а переместилось и развертывалось за рубежом. Однако зарубежная деятельность русского монархического движения сопровождалась жестким расколом внутри существовавших центров и организаций, что в конечном счете отражалось на тщетность выполнения главной цели – восстановлении монархии в России.

Оживление заграничных монархических групп

ОГПУ сообщало в Центр, что в январе 1922 г. в Висбадене (Германия) состоялся съезд виднейших монархистов (с присутствием Коковцева, Урусова, Гучкова), где было решено представить Пуанкаре меморандум от лица всей объединенной русской эмиграции, вплоть до эсеров включительно, с протестом против участия Советской России в Генуэзской конференции¹.

¹ На время конференции было признано необходимым присутствие в Генуе крупнейших монархических деятелей.

Оживление заграничных монархических групп произошло также в связи с открытием при французском Министерстве иностранных дел русского отдела во главе с бывшим русским послом Палеологом. Активизировалась германская группа монархистов и при поддержке Стиннеса при его фирме был *создан специальный русский отдел* по вопросам политического и экономического характера во главе с бывшим виленским прокурором монархистом Аккерманом.

По всей Германии были организованы русские контрразведывательные монархические ячейки, которые по преимуществу субсидировались германским генеральным штабом, а также русскими и германскими монархическими кругами. ГПУ обращало внимание на факт перемены тактики действий германо-русских монархических групп, связанных с тем, что надежды на скорую реставрацию монархии в Германии не оправдывались, а потому *монархистами решено было центром внимания сделать Россию.*

Вместе с тем, ГПУ обращало внимание на то, что существенный урон для деятельности монархистов был нанесен фактом раскола между группой видных деятелей русской эмиграции – Маркова и Ефимовского на почве выставления советом в качестве кандидата на русский престол великого князя Кирилла Владимировича. Созванный по инициативе Маркова совет старейшин лишь усилил разногласия между группами. В противоположность легитимизму совета, выставлявшего законным претендентом князя Кирилла, левая группа монархистов, напротив, считала необходимым *проведение всенародных выборов царя*, для чего они настаивали на политике сближения с крестьянством, на установлении «подлинной демократии», без которой монархия в России после опыта социалистической революции, по их мнению, была бы невозможна.

ГПУ с тревогой сообщало во власть, что усиленным темпом идет подготовка к весеннему наступлению монархистов по всему фронту от Финляндии до Черного моря и что во главе армии предполагалось поставить великого князя Николая Николаевича. В Болгарии шла работа по формированию антибольшевистской армии, субсидировавшейся американцами (обещавшими в случае выбора «популярного вождя» неограниченную финансовую поддержку). В связи с этим проектировалось создание полков из уроженцев Кубани и других местностей России. Группы снабжались сельскохозяйственными орудиями и направлялись под видом «раскаившихся врангелевцев» в Советскую Россию. Одновременно была послана делегация к бывшему великому князю Борису с просьбой поддержать движение. В Константинополе был образован союз «монархистов-террористов» под эгидой священника Востокова.

В Праге работал возникший в 1921 г. Союз освобождения казачества, а также группа Бенги, а в Константинополе вновь организовалось монархическое объединение им. Козьмы Минина.

Среди дальневосточных монархистов, а также в монархических группах, разбросанных по территории Китая, царила растерянность в связи с уходом атамана Семенова со всеми денежными суммами монархистов.

ГПУ отмечало, что Марков и его сторонники учитывают огромную роль, которую *играет антисемитизм*, объясняя, что «нет недостатка в погромных элементах, ставящих антисемитизм наравне с монархизмом».

Среди монархистов информационная служба ГПУ отмечала два основных течения по вопросу об интервенции против Советской России. Одно из них было франкофильское во главе с Треповым, руководителем монархистов в Париже, заручившееся «материальной и духовной» поддержкой со стороны Франции и считавшее необходимым возможно скорее начать вооруженную борьбу с Советской Россией. Пуанкаре согласился с известным планом интервенции в России при участии врангелевской и румынской армий.

По свидетельству документов ГПУ, каждое из этих течений аргументировало свои положения. Так, «Берлинская группа», считала, что лишь монархическая Германия может уничтожить большевизм в России, но за это Россия требует пересмотра Версальского договора, экономического разрушения Польши и предоставит Германии определенные экономические выгоды в России. Высший монархический совет в Берлине считал восстановление монархии в Германии делом ближайшего времени и не считал нужным сменить «...выжидательную политику на немедленную военную интервенцию в Советскую Россию».

ИНФО обращало также внимание еще на две значительные организации монархистов, как-то: крупная по количеству членов (1500 человек) организация, возглавляемая Русским комитетом в Данцигском районе и Русский совет при главнокомандующем русской армией генерале Врангеле.

Русские монархисты в Германии работали в тесном контакте с германскими монархистами. Марков 2-й, указывая на рост монархизма в России, заявлял, что монархисты представлены везде: в Красной армии и заграничных представительствах советской власти, где работали осторожно и обеспечивали себе позиции для будущего. Заявление о росте монархизма подкреплялось цифрами: в 1921 г. в монархическом съезде участвовало 23 организации, в 1922 г. — заявило об участии 120.

Информаторы ГПУ обращали внимание также на большие разногласия в среде монархистов возникавшие по вопросу о деятельности великого князя Кирилла Владимировича, который опубликовал во французских газетах манифест и заявил, что по праву первородства считает себя главой императорского и блюстителем русского престола. Кирилл Владимирович обладал довольно большими связями в монархической среде.

Николай Николаевич, призванный манифестом Кирилла Владимировича к верховенству над всеми российскими армиями (даже в том числе и над Красной армией), вел себя очень осторожно и от активной работы уклонялся. ГПУ объясняло это тем, что он сам хотел занять место Кирилла Владимировича, так как ВМС всегда стремился к тому, чтобы возглавить монархическое движение кем-нибудь

из членов дома Романовых и в качестве наиболее приемлемого кандидата выстав-
лялся Николай Николаевич.

В среде русской эмиграции пользовалось популярностью крайне монархи-
ческое «Братство белого креста», предполагавшее создать новый монархический
строй, не имевший дефектов, сваливших монархию в 1917 году.

Информационные документы ГПУ содержат аналитический материал и о
проходившем 15–18 сентября 1922 г. в г. Мюнхене международном съезде монар-
хистов, с целью противопоставления «красному» III Интернационалу — Интерна-
ционала «белого». О возникновении «белого Интернационала» ГПУ узнало уже в
1921 г. и констатировало, что деятельнейшее участие в организации этого нового
монархического международного движения приняли: военно-монархические
группы Германии, куда входили пресловутые «Оргеш» с «Консулом», «придвор-
ные круги Испании», «Ватикан с его клерикальной партией», французские монар-
хисты и другие, менее значительные монархические организации различных
стран. Центром «белого Интернационала» была Германия, а инициатором кон-
гресса в Мюнхене был Шейбнер-Рихтер.

Информаторы Лубянки в 1923 г. констатировали наличие единого нацио-
нального фронта и о том, что по предложению Франции и настоянию ряда монар-
хических групп Николай Николаевич взял на себя миссию возглавить русское
национальное движение в эмиграции. Трения между группами монархистов, од-
нако, далеко не были устранены, констатировало ГПУ.

Однако в 1924 г. международная обстановка резко изменилась — и не в
пользу русской эмиграции. Этот год стал годом признания Советского Союза. Ди-
пломатические отношения с СССР установила Франция. Надежды на открытую
военную интервенцию против СССР и возвращение на родину при помощи зару-
бежных держав откладывались на неопределенный срок. Вместе с тем, лидеры
российской эмиграции продолжали внимательно следить за процессами внутри-
партийной борьбы в СССР, делая ставку на углубление внутривластной кри-
зиса как предвестника падения советского режима. Однако в деле сокрушения со-
ветского режима слишком разобщенные и слишком амбициозные силы зарубеж-
ной монархической эмиграции так и не смогли успешно выполнить ставившиеся
ими задачи.

*«Долой ленинизм, да здравствует царизм». «не позже пасхи приедет в
Россию Николай II с семьей из-за границы»*

В русском менталитете сохранялись воспоминания о жизни «при царе» и
люди сравнивали царское время и советское. Разговоры преимущественно в среде
русского народа явно монархического характера были предметом зоркого внима-
ния чекистов. Документы информационного отдела ВЧК-ОГПУ свидетельствуют
о том, что руководство «Лубянки» достаточно подробно сообщало во власть об
отношении русских к свергнутой династии Романовых. ОГПУ было обеспокоено

и сообщало об этом во власть, что монархические слухи продолжали активно циркулировать внутри СССР.

В сводке ОГПУ упоминался крестьянин дер. Дегтяное Ряжского у. (Рязанская губ.) распространявший слух, что весь ЦМК СССР выехал из Москвы на Кавказ и больше оттуда не вернется, так как на престол скоро придет Н.Н. Романов и советской власти не будет. Не позже Пасхи приедет в Россию Николай II с семьей из-за границы.

Спецслужбы должны были ответить в своих материалах, какое отношение превалировало прежде всего в русском народе, в различных регионах страны – положительное или, напротив, критическое к свергнутому царскому режиму, царю, членам дома Романовых в целом.

Прежде всего, ОГПУ фиксировало разговоры о скорой войне и приходе Николая Николаевича (1924 г.); о скором вступлении на престол Михаила Романова и соответственно скором падении советской власти (1924 г.); в отдельных храмах пели царский гимн и с грустью вспоминали Николая II.

Настроения эти находили выражение в целом ряде выступлений крестьян на беспартийных конференциях, избирательных собраниях, районных, волостных и уездных съездах Советов и т.д. Основной тон этих выступлений сводился к тому, что власть «обюрократилась», «слишком дорого стоит крестьянству», «власть слишком мало дала полезного крестьянину»: дороги, мосты не чинятся, школы дороги, медпомощь платная и т.д., «налоги слишком велики, значительно выше царских»; «забывшее крестьян и заветы Ленина, нынешнее правительство нами осуждено» (резолюция по докладу «Год без Ильича», принятая общим собранием крестьян в дер. Дубинская Орехово-Зуевского района).

Люди сравнивали жизнь при царе и высказывали разные, порой противоположные суждения.

10 февраля 1927 г. в Самарской губернии (Поволжье), в Мелекесском уезде на отчетном собрании сельсовета в дер. Воскресенке Елановской волости зажиточные выступали со следующими требованиями: «За время существования советской власти нам говорили, что царское правительство нас угнетало, мы с этим соглашались, но, в конце концов, советская власть нас сжала в кулак, прикрываясь ширмой "власть рабочих и крестьян". Власть как будто рабочих и крестьян, а на самом деле у нее есть сынки и пасынки. Сынки — рабочие, а пасынками являемся мы, власть все внимание устремила на рабочих, им все, нам — ничего, нам совершенно невозможно стало жить. 9 лет вас слушаем, но теперь вас слушать больше не приходится, потому что власть совершенно не интересуется крестьянством».

Документы ОГПУ свидетельствуют, что в объединении Северолес Северодвинской губернии в Никольском районе (1927 г.), где отмечалось резкое недовольство низкой зарплатой, труженики говорили: *«При царе было работать куда лучше, а при советской власти — хуже»*.

В Сарапульском округе Рябковском районе избиратели высказывались: *«вот так право, кому можно делать собрания, а кому видно нельзя. А разве мы не люди полезные государству. Это не равенство, это хуже царского режима»* (Челябинский округ, Еткульский район).

В обзоре политического состояния СССР за сентябрь 1924 г. в разделе «Недовольство налогом» отмечалось: «Недовольство налогом в настоящее время принимает весьма широкие размеры. Имеются сведения сильнейшего возбуждения крестьян, указывающих, что *царский налог был гораздо легче*. В Тамбовской губернии крестьяне говорят, что «надо идти к власти» и требовать облегчения налогов. В Сибири идет широкая агитация кулачества за отказ от уплаты налога».

Много разговоров среди населения чекисты фиксировали в ходе избирательных кампаний. Одной из популярных тем были разговоры об увеличении налогов в советское время по сравнению с царским временем. Так, на собрании по перевыборам Вонюховского райсовета Костромской губернии в присутствии представителя укома председателем сельсовета — беспартийный крестьянин говорил:

«Царское правительство с нашей деревни раньше собирало государственных сборов 300 руб., земских 300 — всего 600 руб., а советская власть требует единый сельхозналог 2276 руб. 72 коп., да страховки 392 руб. — это на 136 домохозяев обойдется в среднем около 19 руб. сельхозналога и около 3-х рублей страховки, всего — 22 руб.» (1924 г.).

«Ай, коммунисты, здорово озаботились о своем-то содержании» (1924 г.). Крестьяне не довольны тем, что с них, приехавших на базар, «сборщики сейчас же требуют плату за простой на базаре в размере 50 коп. и зачастую приехавший, за отсутствием денег, вынужден уезжать обратно. Крестьяне говорят: *«Что даже при царском режиме не требовали денег до момента продажи товара. Тут душа с телом расстаётся, а сборщик тянет за рукав, неужели Рыков приказал ему драть нас, как курей»* (1924 г.).

Через 10 лет после Октября 1917-го среди крестьян и рабочих можно было в 1927 г. услышать разговоры, в которых все сильнее звучала мысль о том, что при царе многое было лучше: *«если бы сейчас поставили царя, то лучше было бы»*.

В дер. Колесниково Олтушевской волости Вязниковского уезда на отчетном собрании по докладу волостного исполнительного комитета (вик) была внесена резолюция, в которой указывалось: «Велика еще волокита в ВИКе и ЗАГСе, *«налог собирается строже, чем при царском режиме».*

В ходе антисоветской агитации в Первомайский праздник в Брянской губернии бывший эсер и бывший член ВКП(б) на крестьянском собрании заявил: *«В день 1 Мая мы должны требовать, чтобы с нас сельхозналог не брали, а если бы и брали, то поменьше и не со всех. Если бы сейчас поставили царя, то лучше было бы».*

В Нижне-Ундинском ВИКе Тулуновского уезда, Иркутского округа, Сибирь, в августе 1926 г. зажиточный крестьянин в группе собравшихся крестьян говорил: «Налоги в настоящее время совершенно задушили крестьян. *Советская власть не народная власть, а второй Николай. Власти народной нет, а есть лишь шайка какая-то, которая ни с чем не считается и положением крестьянина не интересуется. Пора бы приступить к созданию народной власти».*

Функционеры органов советской власти четко отслеживали персонально людей, которые служили при царском режиме в качестве чиновников, полицейских, бывших дворян, бывших профессоров, бывших офицеров царской армии, то есть лиц «бывших» – имевших чины и должности «при царе». Служба царю ставилась им в упрек и эти лица ни в коем случае не должны были попасть в списки избирателей, им место было только в списках «лишенцев». Так в Карягинском уезде в 1927 г. Ишихлинская сельская избирательная комиссия лишила права голоса бывшего николаевского судью и помощника юзбаши, служившего 5 лет при *царизме*. Если таких лиц включали в избирательные списки, то это квалифицировалось как «ошибки избиркомов» (1927 г.).

22 февраля 1925 г. кулаки деревни Красново Луганского РИКа Черников Дмитрий, Дудников Николай, Дудников Иван и другие вели агитацию, что власть налогами доведет до того, что придется взять дубину и гнать всех приезжающих в шею, что налог — это та же барщина, даже хуже. Ими же указывалось, что «...советская власть *обдирает крестьян хуже, чем Николай*. При Николае все эти коммунисты сидели в тюрьмах, им там и место, а никак нельзя этим тюремщикам править государством». Кулак пос. Ибреси (Батыревский уезд, Чувашия) говорил: «Скоро будет война, всех коммунистов, комсомольцев и пионеров перережут, и на троне опять будет восседать царь».

Память о царе сохранялась в листовках, прокламациях, листках, широко распространявшихся среди населения в разных регионах. В одних листовках народная молва вспоминала царя с благодарностью, в других – царский режим сравнивали с новым советским, в-третьих – о царе говорили без сожаления.

Так, 4 января 1927 г. в г. Мелитополе были обнаружены написанные от руки прокламации следующего содержания: *«Всем, всем, всем, русским гражданам. Еще раз призываем к уничтожению творящейся несправедливости. Ведь не так давно русский пролетариат добивался свободы, жертвуя тысячами своих братьев, и он ее добился, но какой свободы. Вместо царей и империалистов — опять кабала нового дворянства — жидов и коммунистов. Чуть русские открыли рот, как они уже в ДОПРе, а там лишены голоса. Где свобода слова, где свобода печати. Она согнута в бараний рог».*

В листовках повстанческого характера использовались главным образом лозунги *антисемитского характера* и антисоветские лозунги, связанные с производственными затруднениями.

По почте в Москве рассылалась листовка в адрес предприятий:

«Всем, всем, всем рабочим, крестьянам, красноармейцам, служащим, интеллигенции. Товарищи, граждане! Последний час пробил. Царствующая самодержавная коммунистическая партия всеми средствами пытается удержать ускользающую власть. Никто никогда так беззащитно не угнетал рабочих и крестьян и не имел наглости прикрывать свое угнетение именем той же рабоче-крестьянской массы. Никто этой власти уже не верит, и все ее ненавидят. Коммунистическая власть — контрреволюционная власть и коммунисты — контрреволюционеры. Задушено всякое право, всякая свобода, сплошное насилие и наглая лож».

25 апреля 1930 г. на собрании рабочих Середской прядильной фабрики (присутствовало 400 человек) выступил рабочий-мюльщик, систематически агитирующий против всех хозяйственных и политических мероприятий, со следующим заявлением:

«У наших товарищей за 13 лет много очень ошибок и недостатков имеется, есть и злоупотребления. При Николае все было, а теперь что стало, следки и то не стало. Неужели коммунисты не могли учесть, что не хватит хлопка, где же у них были головы?! Останавливают фабрику на маевку, будем гулять и получать деньги, а, чтобы остановить на Рождество или Пасху дня по два или по три, рабочие бы согласились и без оплаты, а почему-то товарищам такие праздники мешают. Теперь и церковь, и попы — все стало лишнее и все мешает. Крестьянству от налога дышать нечем: заведешь две-три коровы — считают кулаком, но какой же он кулак, когда наработал собственным трудом? Надо бы сделать так, чтобы крестьянам развязывать руки, а то налоги не дерут только с кошки да с собаки. Раскулачивать тоже не следовало бы».

ОГПУ было озабочено тем, что по международной почте продолжало поступать в ряд губерний значительное число монархических листовок. На Москов-

ском почтамте — до 5000 газет заграничных и эмигрантских групп и 160 воззваний. Было отмечено поступление листовок по почте из Ленинграда в ряд губерний. В своем большинстве листовки исходили от групп Николая Николаевича и содержали такие лозунги:

«Да здравствует объединенное крестьянство, костяк земли русской и фундамент российского государства, *да здравствует великий князь Николай Николаевич*» (листовка «Всем крестьянам» от имени «передовой группы крестьян-фронтовиков»), «Долой каторжный режим ГПУ, дайте свободу слова, мысли, печати», «Дайте землю в собственность крестьянам», «Долой народных вождей, прислужников **III** Интернационала».

В Псковском округе в октябрьские дни были обнаружены две контрреволюционные листовки по вопросу о продзатруднениях. Одна из них заканчивалась словами: «*Дашь царя, свободу и хлеб*».

В с. Щучьем Щученского района, Челябинский округ в 1928 г. у нардома была найдена листовка: «Товарищи, внимание. Вы, товарищи, подлецы и собаки. Вы прохвосты, мошенники, псы, вы грабители, шкуродеры и змеи. Слава богу, то время, что мы и желали, пришло. Долой коммунистов и их антихристский закон и право. Да пришел их царству конец и крах их еретическому праву. *Да здравствует батюшка белый царь*. Да здравствует религия, закон Божий. Да здравствует непобедимое царство. Да здравствует новый мир, веселые годы. Мука стала дешева, мы едим крупчатку — только беднота сталадохнуть с голоду... Хлеб есть, а выдохнете».

17 сентября 1928 г. в с. Отраднo-Ольгинском Григорипольского района, Армавирского округа среди крестьян распространялась прокламация, написанная карандашом на тонкой бумаге. Текст прокламации был следующим: «*Передавай дальше. Товарищи хлебоборы. За 10 лет советская власть причинила вам зла столько, сколько вы не видели за 300 лет царствования дома Романовых. Советская власть душит вас, будет душить и дальше. Все обещания оказались ложью. Она обещала вам землю, а теперь за нее дерут 10 шкур, обещала свободу слова, печати, совести, а вместо этого позажала вам рты, поотрезала языки, религиозных травит, разврат насаживает, выпускает 10000 газет, которые только врут, пугают кулаками, войной и буржуями. Советская власть уничтожила 6 тысяч помещиков и жандармов и посадила вам на шею 5 миллионов oprичников — коммунистов, комсу и других прислужников-паразитов. С вас сдирают налогов в 10-15 раз больше, чем в мирное время, вам обещают коммунисты коммунистический рай в будущем, чтобы теперь с вас больше драть. Советские горлодралы кричат, что помогают бедноте — врут, они грабят зажиточного, разоряют середняка и морят голодом бедняка, их цель — разорить вас, согнать в коммуну, чтобы легче вас заставить работать на новых помещиков — коммунистов. Кре-*

стьяне стонут под игом коммунистов, но не знают, как сбросить это ярмо, грязной метлой вышвырнуть эту коммунистическую нечисть туда, где их товарищи по разбою и грабежу — белогвардейская сволочь».

Во многих разговорах, листовках, слухах, высказывались угрозы в адрес советской власти. Так в «Информационном листке № 1», обнаруженном чекистами, было написано следующее: *«Приказываю всем гражданам хутора Кривого, которые состоят членами Авиахима, МОПРа, ВЛКСМ, ВКП (б) и тому подобных организаций, немедленно выписаться из них, в противном случае будем убивать. Все беспартийные граждане не должны ходить в Нардом вечером, так как мы будем кидать туда бомбы. Никто не должен платить налог и страховку, а кто будет платить, того будем поджигать. Угрозыск, ГПУ и милиция чтобы на хутор не показывалась, а то ей плохо будет. Ковалю, Абраму Сычу, Мазыным, Ивану-сопляку — беспощадная смерть. Смерть и гибель коммунистам, попам, кулакам, беднякам, царям и пр. Да здравствует террор. Начальник подпольной организации Остриев».*

12 октября 1927 г. в Пирховском районе Псковского округа была обнаружена листовка, брошенная на мостовую базарной площади. Содержание листовки следующее: *«Долой ленинизм, да здравствует царизм. Ура. Даешь царя, свободу и хлеб. Товарищи, довольно, поверили. Будет. Ура».*

В Пермском университете в 1927 г., по сообщению ИНФО ОГПУ, профессор Сырцов, группируя вокруг себя реакционно настроенных профессоров, старался захватить руководящие должности университета, угрожая уйти из вуза, и с согласия членов секции научных работников предполагал на всесоюзном съезде научных работников выступить с требованиями: 1) отменить советский устав высшей школы и *восстановить старый (бывший царский).*

При обсуждении вопроса о крестьянском союзе люди высказывались следующим образом.

На собрании в Тверской губ. 6 мая, в дер. Михайлова Гора, Бежецкого у. и волости выступил крестьянин дер. Гусарово с агитацией за Крестьянский союз:

«Нас большинство — 80% всего населения, а управляет нами кучка рабочих, а все потому, что они организованы, а мы нет. Поэтому они и сидят на нашей шее. Рабочие организованно защищают свои интересы и жмут мужика, надо и нам организовать в крестьянский союз, чтобы и мы могли защищать свои права. Вот придет война, а мы скажем: вы управляли, вы и воюйте. Свергая царя, мы думали, что советская власть будет лучше, а вышло, что никакой разницы между Советами и царем нет». Собрание раскололось пополам — одна половина поддерживала выступавшего, другая от суждений по данному вопросу воздержалась».

Разговоры явно монархического характера слышались в округах и казачьих станицах Северного Кавказа. Крестьяне, выступавшие за необходимость создания Крестьянского союза, высказывались так: *«Советской власти, как и царскому самодержавию, выгодно держать крестьянство неорганизованным и неграмотным. Власть это делает так ловко, что основная масса такого обмана не замечает и не скоро еще заметит. Коммунисты идут против крестьянских союзов и говорят, что если мы дадим крестьянству организоваться, то оно будет из себя представлять океан во время бури, а рабочий класс — лодочку, брошенную на произвол судьбы»*.

Среди зажиточных кулак с. Тенькино Юхновского уезда той же губернии выступил на собрании и заявил: *«Нам, крестьянам, жилось лучше при царизме, так как советская власть, хотя и отобрала землю у помещиков, но крестьянам ее не дала, а передала совхозам. Скорей бы война, тогда мы с коммунистами поговорим»*.

Наблюдатели ОГПУ сообщали о монархических настроениях казачества: *«С войной реакционное казачество связывает надежду на восстановление былых казачьих привилегий («сами пойдем, сыновей возьмем, а казачество отстоим» — Кубанский округ, «долой хохлацкую власть, да здравствует казачество» — Армавирский округ). Реакционное казачество открыто распекает монархические казачьи песни, призывая кулаков встать «на защиту царя» (Армавирский и другие округа)*.

В Армавирском округе среди казачества станицы Урупской, в связи со слухами о войне, отмечалось усиление казачье-патриотических тенденций. ОГПУ фиксировало: *«Казачи распевают новые песни, в которых говорится, что раньше они жили хорошо, а теперь казаков бьют и расстреливают, разоряя хозяйство. Казачи вынуждены скрываться в горах, но и там их преследуют. Недавно группа казаков в 6 человек, выехав на Красную улицу станицы Урупской, пропели песню: «царю Николаю и наследнику Алексею от всех казачьих войск привет» и т.д.»*.

ОГПУ фиксировало значительный рост религиозных настроений и религиозно-антисоветской активности. Например, во время одного из церковных праздников в церкви было собрано 1200 руб. (СКК). В с. Спас Буйского у. (Костромская губ.) существует религиозно-нравственный кружок, руководимый бывшим монахом. В состав этого кружка входят 24 человека, из них 5 человек детей в возрасте от 10 до 12 лет. В стц. Дурновской Хоперского округа приехавшего в станицу митрополита Константина Сталинградского крестьяне встречали с хлебом и солью, причем два казака вышли в полной казачьей форме с орденами, погонами и саблями. У церкви была прибита доска с надписью: *«За веру, царя и отечество жизнь свою положивших офицеров и казаков»*.

1925 г. Донецкая губерния. В хуторе Таловом Сорокинского района Луганского округа имеется группировка из 15-ти человек — бывшие офицеры и реакционно настроенные казаки, в большинстве — реэмигранты. Центральными фигурами данной группировки являются бывший полковник и бывший член войскового круга. Почти все участники группировки служили в «знаменитых» по зверствам гундоровских частях белой армии. В данное время все участники группировки, за исключением двух-трех человек, занимаются хлебопашеством, распространяют слухи о том, что *Николай Николаевич объявил войну коммунистам и направляет свои войска на Украину*.

В 1927 г. среди казачества распространилась антисоветская агитация в связи со слухами о войне. Среди казачества СКК, Урала и отдельных округов Сибири и ДВК особенно распространена антисоветская агитация вокруг слухов о войне и гибели советской власти. В стц. Тульской зажиточный казак, сын эмигранта, объединив вокруг себя других казаков-«лишенцев», распространял слухи о скором падении советской власти: *«Польская и румынская армии уже готовы и вот-вот грянут на Россию, тогда конец всей этой власти»*. В станице. Днепровской Кубанского округа казак-кулак говорил в кругу станичников: *«Польша начала войну и уже взяли Киев, во главе идет Николай Николаевич»*.

В г. Тургае Актюбинской губернии на квартире крупного бая состоялось собрание баев-аксакалов из рода Кипчак (присутствовали представители трех волостей) по вопросу о наборе киргизской молодежи в Красную армию. Выступавшие высказывались: *«Мы приходим из рода Кипчак, и когда русский царизм пытался взять нас в солдаты, мы все, как один, восставали и тем самым срывали мероприятия русского царизма и добились своего. Вот и теперь советская власть предполагает взять киргизскую молодежь в Красную армию, поэтому все кипчаковцы должны дать единодушный отпор подобным попыткам»*. По окончании совещания все присутствующие совершили «бату» в знак согласия никого из молодежи не отдавать в Красную Армию.

В с. Красноярово Свободненского района антисоветски настроенный зажиточный на глазах у крестьян сорвал со здания сельсовета красный флаг и бросил его в грязь, заявив: *«Этот дом с красным флагом — все равно, что дома с красным фонарем при царе»*.

ОГПУ отследило и настроения населения по поводу уплаты царских долгов. Разговоры были следующими:

«Лубенский округ. В с. Остапье крестьяне по поводу уплаты долгов Франции говорят: *«Нехорошо советская власть сделала, что сама заключала условие на выплату старых царских долгов Франции, а не созвала по этому поводу собрание крестьян, по крайней мере, сельсоветов и РИКов»*.

«Изюмский округ. На общем собрании крестьян сел Поповка и Пески по вопросу о «двухнедельнике сбережений» выступавшие середняки говорили:

«Прежде чем платить долги французам, правительство должно уплатить своим, тем, у кого пропали деньги в кассе, но не таким, у кого пропало по три и больше тысяч, а таким, у которых пропало от 10 до 100 руб., ибо эти деньги накапливались мозолями. Собираются платить каким-то французам — не нужно им платить». Предложение об открытии в селе Песках сберкассы было провалено».

Крестьянин с. Росихи, Барнаульский округ, среди крестьян на базаре говорил: *«Раньше, чем платить долги Франции, необходимо советскому правительству уплатить свои внутренние долги своему русскому народу, тогда только будет доверие к советской власти и тогда только крестьянин опять будет вкладчиком в сберкассы».*

«В пос. Алейской торговец среди крестьян высказывался: «Наше правительство согласилось платить царские долги Франции, наверное, согласится платить и другим государствам лишь только потому, что не их, коммунистов, будет терпеть карман, а рабочего и крестьянина. Надо было бы спросить сначала массу, согласилась ли бы она платить царские долги, ведь сейчас власть народная, а вот почему-то не спросили и такой вопрос они самостоятельно решают».

В 1924 г. кулаки в Костромской губернии распространяли слухи по поводу англо-советского договора о том, что крестьянству придется выплатить *все царские долги*. В 1924 г. в Полтавской губернии кулачество, чтобы парализовать активность незаможников на выборах, распускало слухи о скором возвращении собственности, об уплате царских долгов иностранным державам и т.п.

В с. Сагуны, Подгоренской волости, Россошанского у., Воронежская губ. середняк говорил: *«Лучше воевать, чем платить царские долги. Почему правительство уступает буржуазии, ведь еще недавно говорили, что долги платить не будем, неужели советская власть боится буржуазии».*

Зажиточный казак станицы Батуринской, Брюховецкого района, Кубанского округа по вопросу о долгах говорил: *«Признаем долги Франции, а потом и Англии. А все это ложится на шею крестьян. Крестьянам такая политика не нравится. Раз сказали, что не будем платить, так и не надо платить. Долги делал царь, пусть он и платит».*

В результате переговоров председателя советской делегации, полпреда СССР во Франции Х.Г. Раковского с французской стороной была вчерне разработана схема ежегодных платежей СССР в сумме 60 млн. золотых франков *по долгам царского правительства*, которыми должны были воспользоваться французские держатели русских ценных бумаг. Предусматривалось предоставление кредитов Советскому Союзу Францией для финансирования развития промышленности, что послужило бы расширению советского рынка для французской экономики.

1 ноября 1927 г. ОГПУ фиксировало факт отрицательного отношения к уплате долгов Франции со стороны середняка из села Дубки, Дубенского района Тульской губернии, который на собрании говорил: *«Если правительство заплатит долги, которые наделал Николай Франции, то придется платить долги и другим государствам и тогда у нас, крестьян, ничего не будет. Признание долгов есть политика, которая проваливает советскую власть»*. Большинство присутствовавших к данному выступлению относилось сочувственно.

В 1928 г. ОГПУ сообщало, что в городах Серпухове, Орехово-Зуеве Московской губернии, Сормово Нижегородской губернии большое количество текстильщиков находилось под влиянием попов, в Москве церковникам удалось при помощи верующих рабочих бывшей Трехгорной мануфактуры провалить решение собрания об отобрании церкви под клуб. Монахини, проживавшие на хуторе бывшего Никитского монастыря (под Москвой, 40 человек), вели работу среди рабочих фабрики «Красная поляна». Для антисоветской агитации церковники использовали обряды культа, читая на них молитвы антисоветского содержания, поминая «заключенных церковников», «невинно осужденных властью», *«расстрелянную царскую семью»* (Москва, Благовещенск, Сталинград, Владивосток).

В докладе ОГПУ (1925 г.) приводились факты из деятельности в ходе пере-выборов райсовета Костромской губернии. Беспартийный крестьянин, выступая, задавался вопросом:

«Почему РКП (большевиков), проводя в жизнь заветы и идеи великих вождей Карла Маркса и Владимира Ильича Ленина, проводит их только на словах и на бумаге, а не на деле. Ведь наша РКП(б) является ядром, авангардом и вождем темных рабочих и крестьянских масс чуть ли не всего мира, и вся она вышла из рабоче-крестьянской среды, испытав на себе эксплуатацию капиталистов и помещиков, а, взявши власть в свои руки, превратилась тоже в эксплуататоров, так как работает меньше рабочего и крестьянина, а содержание берет себе слишком солидное, и чем выше пост, тем выше содержание. Проще говоря, партия сильно обюрократилась. Где же те борцы за пролетарскую революцию, которые руководили и дрались с царскими генералами и контрреволюционной бандой, что они молчат и позволяют обюрократиться своим товарищам. К сожалению, я полагаю, большинство их честно пали в бою, а остались, видно, шкурники, и после пения похоронного марша о павших борцах, отстоявших революцию, стали устраиваться потеплее. Товарищи, ведь эта революция далеко не кончилась, иностранная буржуазия может напасть в любое время, надо быть готовым, это вы прекрасно учитываете».

В станице Спокойной (Армавирский округ) в **1925г.** казачеством распространялись слухи о том, что *Николай Николаевич с большой армией двинулся через Румынию в Россию*. По станице Каладжинской расползались слухи, что весной

придет полковник Шкуро для освобождения казачества от ига большевиков. Главными источниками слухов являлись письма эмигрантов.

В пос. Таврическом Антоновской волости Денисовского уезда кулак в 1925 г. распространял слух, что Англия, Франция и даже Америка объявили войну Советской России и *президентом должен быть бывший великий князь Николай Николаевич*.

В районе Махорочной фабрики и мельниц в Ярославле в 1925 г. были расклеены монархические листовки в количестве 30 штук с призывом: *«проснуться, стряхнуть насилие и урезать ставки верхушкам, сократить дармоедов, утопающих в удовольствии»*. На общем собрании Союза строителей в г. Покровске (Немреспублика) рабочие по докладу представителя совпрофа говорили, что *«рабочим живется хуже, чем при Николае II, и что фактически разница только в том, что одного тирана сменили на многих»*. Из группы присутствовавших раздался голос: «Да здравствует Николай II».

Среди отдельных крестьян с. Лотовое Щебекинской волости Курской губернии в 1925 г. ОГПУ наблюдало толки о близости войны и разговоры о том, что, когда крестьян вооружат винтовками, они повернут штыки против рабочих и большевиков за то, что на Щебекинский сахзавод наняты рабочие из других губерний. Крестьяне высказывали свое мнение о том, что при бывшем помещике Рыжкове им жилось лучше, потому что *хозяином России был Николай II*, «хорошо бы, если и теперь он был». По большим деревням, есть организации, и борьба с большевиками будет организована.

ОГПУ сообщало, что в с. Михайловском Ставропольского района группа активных тихоновцев ведет пропаганду против советской власти: *«Советская власть наполовину упала, из Польши идет Николай Николаевич со своей армией и забрал несколько городов. За границей в скором времени будут переговоры, где решится судьба Советской власти, так как царь за границей признан и, если на переговорах будет признан царь, то Советской власти не будет и будут служить в церквах по-старому, будут поминать царя и бывшего патриарха Тихона»*.

В 1925 г. в Чечне среди крестьян станицы Грозненской и слободок циркулировали усиленные слухи о том, что иностранные государства объявили войну России. *С польской границы начал наступление Николай Николаевич с «русскими войсками»* и скоро большевикам конец. Распространяются слухи о скорой мобилизации лошадей. В Галанчожском районе идут слухи, что иностранные войска подходят к Баку и Ростову, города Грозный и Владикавказ укрепляются.

По слухам, распространившимся в *Ойратии*, Майминский аймак, село Александровка, в Кот-Агаче строятся окопы, так как *«бывший царь Николай под фамилией Чжан-Цзолия идет на Россию»*.

ОГПУ обращало внимание на то, что кулачество и антисоветские элементы, не ограничиваясь распространением слухов о войне, ведут вокруг них антисоветскую агитацию в форме слухов о приходе белых, конце советской власти и прямых угроз расправой над коммунистами. Иногда эти слухи связывались с событиями в Китае. Так, в Кирсановском уезде Тамбовской губернии поп распространял слухи о том, что *«недолго осталось вашей власти барствовать, вам властвовать осталось только до весны, а там — крышка»* (кулак, Терский округ). *«Скоро будет война, и тогда начнем бить коммунистов и комсомольцев и резать тех, кто стоит за советскую власть»* (зажиточный, Пермский округ). *«Вот-вот скоро война, коммунистам крышка и взойдет на престол Николай Николаевич»* (Иркутский округ). *«Только бы винтовку получить, тогда забудут, что мы, лишенные права голоса, с оружием, мы знаем, что делать»* (бывший капитан, Иркутский округ). *«Скоро будет переворот, и мы опять будем обрезать уши у коммунистов, как резали в 1922 году»* (бывший партизан, Амурский округ).

* * *

Вывод. Анализ представленных материалов позволяет сделать вывод о том, что собранные в документах спецслужб «наблюдения» об особенностях менталитета русского социума в первые два десятилетия после революции 1917 г. свидетельствуют о наличии таких присущих русским людям традиционных чертах как стремление к справедливости в труде и вознаграждении за него; о требованиях крестьян к равноправному с другими слоями общества положению; соблюдения прав по закону распоряжаться землей, водой; о неприятии насилия и притеснений от власти.

Проанализированный источник также свидетельствует и о такой во многом идеалистической черте ментальности русского народа как вера в доброго царя и ожидания его прихода из-за рубежа, вместо приверженности и отстаивании на практике идеи национального самосохранения.

Среди современного российского социума, его некоторой части, еще сохранялись идеалистические верования возврата к вековым утраченным ценностям, характерным для поколений русских людей уже ушедшего времени, к которым вернуться просто невозможно в связи с тем, что XXI век заставляет российский социум отвечать на совершенно иные и жесткие гуманитарные мировые вызовы единственным традиционным путем.

Но тем не менее, остаются по-прежнему вполне актуальными заветы мыслителя В.О. Ключевского, утверждавшего то, что прошлое надо постоянно ворошить и допрашивать, чтобы все-таки время от времени извлекать исторические уроки, которые так трудно бывает понять и усвоить.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. – 1989. – № 7. – С. 65-67.
2. Алексеенко А.Н. Голод начала 30-х годов в Казахстане // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. – М., 1992. – С. 76-78.
3. Байрактар Р., Баш Б. Менталитет арабов, персов, турок и славян в теории климата и умрана Ибн Халдуна // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2023. – Т. 15. – № 1. – С. 113-149. DOI: 10.17748/2219-6048-2023-2023-15-1-113 – 149.
4. Барсенков А.С., Вдовин А.И., Корецкий В.А. Русский народ: историческая судьба в XX веке. – М., 1993.
5. Бугай Н.Ф. Русские на Северном Кавказе: социальное положение, трансформации этнической общности (1990-е годы – начало XXI века). – М., 2011. – 337 с.
6. Гонов А.М. Северный Кавказ: актуальные проблемы русского этноса. – Ростов н/Д, 1997.
7. Исрафаилов А.М. Русский народ в преобразованиях ДАССР. – Ростов н/Д., 1991.
8. Касьянов К.А. О русском национальном характере. – М., 1994.
9. «Совершенно секретно»: Лубянка – Сталину о положении в стране (1922–1934 годы). В 10-ти т. – М.: Наука, 2001–2008. Т. 4. 1925 г. – М.: Наука, 2002.
10. Русская нация: историческое прошлое и проблемы возрождения. – М., 1995.
11. Русские на Северном Кавказе. – М., 1995.
12. Руткевич М. О судьбах русского этноса // Свободная мысль, XXI век. – 2006. – № 1.
13. Харченков Н. Способны ли русские защитить себя // Кубань сегодня. – 23 июня 2000 г. и др.

REFERENCES

1. Abylkhozhin J.B., Kozybaev M.K., Tatimov M.B. Kazakhstan tragedy // Voprosy istorii. - 1989. - № 7. - С. 65-67.
2. Alekseenko A.N. Famine of the early 30s in Kazakhstan // Historical demography: new approaches, methods, sources. - M., 1992. - С. 76-78.

3. Bayraktar R., Bash B. Mentality of Arabs, Persians, Turks and Slavs in Ibn Khaldun's theory of climate and umran // Historical and Social-Educational Thought. - 2023. - Т. 15. - № 1. - С. 113-149. DOI: 10.17748/2219-6048-2023-2023-15-1-113 - 149.
4. Barsenkov A.S., Vdovin A.I., Koretsky V.A. Russian people: historical destiny in the XX century. - М., 1993.
5. Bugai N.F. Russians in the North Caucasus: social status, transformation of ethnic community (1990s - early XXI century). - М., 2011. - 337 с.
6. Gonov A.M. North Caucasus: topical problems of the Russian ethnos. - Rostov n/D, 1997.
7. Israfilov A.M. Russian people in the transformations of the DASSR. - Rostov n/D., 1991.
8. Kasyanov K.A. About the Russian national character. - М., 1994.
9. "Top Secret": Lubyanka to Stalin about the situation in the country (1922-1934). In 10 vols. - М.: Nauka, 2001-2008. Т. 4. 1925 г. - М.: Nauka, 2002.
10. The Russian Nation: Historical Past and Problems of Revival. - М., 1995.
11. Russians in the North Caucasus. - М., 1995.
12. Rutkevich M. On the Fate of the Russian Ethnos // Svobodnaya Mysl, XXI Century. - 2006. - № 1.
13. Kharchenkov N. Are Russians able to defend themselves // Kuban Today. - 23 June 2000, etc.

Информация об авторах: Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, действительный государственный советник Российской Федерации III класса. Москва, ул. Дм. Ульянова, 19. 117292
Orcid ID: <http://orcid.org/0000-0002-8363-1638>
e-mail: nikolay401@yandex.ru

Бушуева Татьяна Семеновна, кандидат исторических наук, Институт национальной памяти,
г. Москва, Россия
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-7298-768X>
e-mail: t_bush@mail.ru

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Bugai Nikolay Fedorovich – Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Acting State Councilor of the Russian Federation of the III class. Ulyanova str., 19, 117292
Moscow, Russia
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>
e-mail: nikolay401@yandex.ru

Tatiana S. Bushueva, Candidate of Historical Sciences, Institute of National Memory
Moscow, Russia

ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-7298-768X>

e-mail: t_bush@mail.ru

The authors have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 04.07.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and
revision: 22.07.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.08.2023

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / The authors declare no
conflicts of interests

© Бугай Н.Ф. 2023
© Бушуева Т.С. 2023
© «ИСОМ». 2023

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-67-91

УДК 93/94

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ КАЗАЧЕСТВА:
ЭТАПЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВ
И ИНКОРПОРАЦИИ КАЗАКОВ В СОВЕТСКУЮ СИСТЕМУ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ 1920-х гг**

Сергей Алексеевич КИСЛИЦЫН

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

orcid.org/0000-0003-2264-8636

г. Ростов-на-Дону, Россия

kislizins@yandex.ru

Аннотация. В середине 1920-х годов была сделана своеобразная, противоречивая, но позитивная попытка политической реабилитации казачества – создания системы взаимозависимых мероприятий, ориентированных на формирование советских гражданских прав казаков. Выделяются этапы советского реабилитационного процесса в отношении казачества. 1-й этап – ряд амнистий в начале 1920-х годов и реэмиграция рядовых белоказачков. 2-й этап (1924–1926 гг.) – курс «лицом к казачеству», конструирование советских гражданских прав лояльных казаков. Определена роль Н.И. Бухарина, Г.Я. Сокольникова, С.И. Сырцова, А.И. Микояна в инициировании и подготовке нового курса. Прослежен процесс обсуждения решений по казачьему вопросу на ряде партийных совещаний и на заседании большевистского квазипарламента – пленуме ЦК РКП(б) в 1925 г. Раскрыто государственное значение инновационного решения пленума по инкорпорации казачества в советскую систему. Отмечено полупризнание казачества народностью. 3-й этап (1927–1935 гг.) – свертывание курса апрельского 1925 г. пленума ЦК РКП(б), рост противоречий в ходе реализации новой казачьей политики. Развертывание в ходе раскулачивания репрессий представителей казачества. 4-й этап (1936–1945 гг.) – частичный возврат к курсу апрельского пленума 1925 г. Статья Б.П. Шеболдаева и передовая статья в газете «Правда» о завершении советизации казачества в ходе коллективизации. Решения 1936 г. снятия с

казачества ограничений по службе в регулярных частях армии. Продолжение репрессий представителей казачества в ходе «большого террора» в 1937–1938 гг. Активное участие большинства казачества в разгроме немецко-фашистских оккупантов в Великой Отечественной войне и ликвидация казачьих армейских частей после ее окончания. Завершающий этап – политико-правовая реабилитация казачества Верховным Советом РСФСР 16.07.1991 г.

Ключевые слова: реабилитация казачества, большевизм, амнистия, реэмиграция белоказаков, реконструкция гражданских прав казаков, инкорпорация казаков в партийно-советскую систему, репрессии представителей казачества, полная юридическая реабилитация

Для цитирования: Кислицын С.А. Политическая реабилитация казачества: этапы реконструкции гражданских прав и инкорпорации казаков в советскую систему в условиях новой экономической политики 1920-х годов // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том 15. № 4. С. 67-91
DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-67-91

Original article

POLITICAL REHABILITATION OF THE COSSACKS: STAGES OF RECONSTRUCTION OF CIVIL RIGHTS AND INCORPORATION OF THE COSSACKS INTO THE SOVIET SYSTEM UNDER THE NEW ECONOMIC POLICY OF THE 1920S.

Sergey A. KISLITSIN

South-Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration

orcid.org/0000-0003-2264-8636

Rostov-on-Don, Russia

kislizins@yandex.ru

Abstract. In the mid.1920s. a peculiar, contradictory attempt was made to rehabilitate the Cossacks – to create a system of interdependent actions focused on the formation of Soviet civil rights of Cossacks. The stages of the Soviet rehabilitation process in relation to the Cossacks are highlighted. Stage 1 – amnesties in the early 1920s and the re-emigration of ordinary White Cossacks. 2nd stage (1924–1926) – the course "facing the Cossacks", the construction of the Soviet civil rights of loyal Cossacks in 1924–1926. The role of N.I. Bukharin, G.Ya. Sokolnikov, S.I. Syrtsov, A.I. Mikoyan in initiating and preparing a new course. The process of discussing decisions on the Cossack issue

at a number of party meetings and at a meeting of the Bolshevik quasi-parliament – the Plenum of the Central Committee of the RCP(b) in 1925 is traced. The state significance of the innovative decision of the Plenum on the incorporation of the Cossacks into the Soviet system is revealed. The semi-recognition of the Cossacks by the ethnic group was noted. The 3rd stage (1927–1935) was the curtailment of the course of the April 1925 plenum, the growth of contradictions during the implementation of the new Cossack policy. Deployment during the dekulakization of repressions of representatives of the Cossacks. Stage 4 (1936–1945) – partial return to the course of the April plenum of 1925. The article by B.P. Sheboldaev and the editorial of the newspaper "Pravda" about the completion of Sovietization and collective farming of the Cossacks. The 1936 decision to remove restrictions on service in the Red Army from the Cossacks. Continuation of repressions of representatives of the Cossacks during the "great terror" in 1937–1938. Active participation of the Cossacks in the Great Patriotic War. The final stage is the anti-communist political and legal rehabilitation of the Cossacks by the Supreme Soviet of the RSFSR on 16.07.1991.

Keywords: rehabilitation of the Cossacks in the Bolshevik way, broad amnesty, re-emigration of the White Cossacks, reconstruction of the civil rights of the Cossacks, incorporation of the Cossacks into the party-Soviet system, repression of representatives of the Cossacks, full legal rehabilitation

For citation: Kislitsin S.A. Political Rehabilitation of the Cossacks: Stages of Reconstruction of Civil Rights and Incorporation of the Cossacks into the Soviet System under the New Economic Policy of the 1920s. Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 4. P. 67-91 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-67-91

Политическая реабилитация – восстановление необоснованно нарушенных политических и гражданских прав, признание незаконным уголовного наказания и иных видов политико-юридических санкций и репрессий. В отношении казачества этот противоречивый процесс начал формироваться в 1920-х годах. В исторической литературе прослеживаются две тенденции в оценке политического значения советских правовых актов в отношении казачества. В материалах А.Н. Баранова, А.С. Кириченко, С.А. Кислицына, А.П. Кожанова, Я.А. Перехова, А.П. Скорика, Р.Н. Тикиджьяна, В.П. Трута, О.В. Рвачевой и других подчеркивается большое позитивное значение таких решений [1]. Но ряд историков, а также публицисты писали только о некотором смягчении казачьей политики при сохранении ее антиказачьего характера или игнорировали ее. В этой связи полезно проследить этапы, уточнить позиции, показать масштаб и значение

большевистской реабилитации казачества 1920-х годов. В работе использованы материалы из наших книг «Государство и рассказывание». (Ростов н/Д, 1997) и «Указ и пашка. Политическая власть и донские казаки в XX веке» (Ростов н/Д, 2007; 2-е изд. М., 2012).

В годы Гражданской войны большевики, несмотря на свое представление о казаках как о карателях революции 1905–1907 гг., попытались весной 1918 г. установить союз с трудовым, прежде всего фронтовым, казачеством. Они сформировали Донскую республику во главе с казаками Ф.Г. Подтелковым, М.В. Кривошлыковым, В.С. Ковалевым, но казачество после колебаний сделало выбор в 1918 г. в основном в пользу белого движения. Два крупных поражения советской власти на Дону в 1917–1918 гг. и развернутый белоказачий террор вызвали ответную жестокую реакцию большевизма в январе 1919 г. Не только Я.М. Свердлов и Л.Д. Троцкий, но и И.В. Сталин назвал казачество не просто «оплотом деникинско-колчаковской контрреволюции», а исконным орудием «русского империализма, пользующимся привилегиями и организованным в военное сословие» [2]. Идея «Дон – Вандея русской революции» стала обоснованием политики террористического рассказывания. С.И. Сырцов, С.Ф. Васильченко, М.П. Жаков подробно осветили эту ситуацию в своих работах [3]. Некоторые большевики считали казачество не просто военно-феодалным сословием, а «воинственным народом, у которого каждая станица – вооруженный лагерь, каждый хутор – крепость» [4].

Такой подход вызвал массовые эксцессы при проведении десословизации казачества и новые восстания, которые привели к затягиванию Гражданской войны на юге России. Трагический опыт убедил В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого, И.В. Сталина, Н.И. Бухарина и других руководителей в необходимости пересмотра отношения к казачеству как к однородной контрреволюционной общности. Это было тем более важно, что почти треть казаков воевала на стороне советской власти. Большую роль сыграли видные большевики казачьего происхождения В.С. Ковалев, И.А. Дорошев, Е.А. и В.А. Трифионовы, В.Ф. Ларин, Д.В. и Я.В. Полуяны, Ф.К. Подтелков, Н.Д. и И.Д. Каширины и др. Казачий отдел ВЦИК и другие органы формировали кавалерийские части РККА с участием казаков и во главе с казаками А.И. Автономовым, П.В. Бахтуровым, М.Ф. Блиновым, К.Ф. Булаткиным, О.И. Городовиковым, Д.П. Жлобой, И.А. Кочубеем, Н.П. Колесовым, В.В. Коробковым, Ф.Т. Кузюбердиным, Ф.М. Литуновым, Ф.К. Мироновым, Ф.М. Морозовым, П.Я. Стрепуховым, М.С. Свечниковым, Ф.А. Текучевым и др. [5]. На заключительном этапе противостояния большинство казачества осознало бесперспективность белого движения. Это объективное обстоятельство резко актуализировало для большевиков казачью проблему.

В сентябре 1919 г. были опубликованы подготовленные Л.Д. Троцким «Тезисы о работе на Дону», в которых содержалось новое положение о переходе к строго дифференцированной политике партии по отношению к различным слоям казачьего населения в зависимости от их отношения к Красной армии. Особо выделялся пункт о наказании «лжекоммунистических элементов», виновных в злоупотреблениях против казачества. Донбюро РКП(б) было реорганизовано в Донской комитет РКП(б), что означало полное дезавуирование его прежней тактики. Начался рост красноказачьих частей, которые к тому времени насчитывали, по разным подсчетам, от 30 до 40 тыс. сабель. В конце 1919 г. Красная армия опрокинула войска Деникина и вступила в Донскую область. В конце февраля 1920 г. прогремело легендарное Егорлыкское кавалерийское сражение, в котором войска 1-й Конной армии под командованием С.М. Буденного разбили белоказачью группировку генерала А.А. Павлова.

Первая амнистия и реэмиграция. По инициативе Казачьего отдела ВЦИК (вскоре распущенного) в конце февраля – начале марта 1920 г. в Москве был созван I-й Всероссийский съезд трудового казачества. Председатель РВС республики Л.Д. Троцкий в статье «Казаки, в советскую колонну стройся!» указал, что советская власть открывает теперь широкие ворота казачеству для примирения и единения с рабочим классом и крестьянством России. Председатель ВЦИК М.И. Калинин выступил на съезде трудового казачества с обоснованием сословного расказачивания и превращения казаков в крестьян. Калинин продемонстрировал обновленное понимание большевиками казачества как «задавленной воинскими нарядами крестьянской массы». Это было, конечно, шагом вперед по сравнению с определением казачества как «сословия палачей и нагаечников». Калинин утверждал: *«Конечно, советская власть нравственно обязана расказачивать казачество, и она должна это делать – но в каком отношении? Расказачивать – это не значит снимать или срезать красные лампасы с брюк – обыкновенное украшение, которое привыкло носить все казачье население. Расказачивание состоит не в этом, а в том, чтобы в казачьих областях были проведены железные дороги, чтобы казацкая женщина поднялась на более высокий уровень культурного развития, чтобы с казачьего населения были сняты воинские повинности, которые тяготели над ним раньше, чтобы казаки несли такую же воинскую повинность, какую несет весь русский народ. Если вы вникните, в чем состоит сущность этого расказачивания, то вы увидите, что оно не должно идти вразрез с интересами казачьего населения, а должно им приветствоваться»* (курсив наш. – Авт.). В резолюции, принятой по докладу В.И. Ленина, съезд записал, что казачество не является особой народностью или нацией, а составляет неотъемлемую часть русского народа. Большевистское руководство добивалось, чтобы казачество в процессе такого расказачивания отказалось от своего контрреволюционного прошлого, от своих претензий на самостоятельность местного самоуправления, на автономию, на особые права, на льготы и преференции, но при этом служило новой власти [6].

28.03.1920 г. Президиум ВЦИК утвердил постановление «Об амнистировании и освобождении из концлагерей военнопленных трудовых казаков, принимавших участие в рядах белых или по своему невежеству, или по принуждению». Таковых было около 40 тыс. человек. 5.05.1920 г. Полевой штаб РККА конкретизировал: в отношении офицеров амнистия не распространяется. После этих мероприятий немалая группа казаков пошла в РККА и составила большинство красной кавалерии на польском и врангелевском фронтах. Из частей с преобладанием казаков была создана 2-я Конная армия во главе с О.К.Городовиковым, Ф.К.Мионовым, которая сыграла значительную роль в разгроме врангелевской армии в Крыму [7]. Но среди высшего военно-политического руководства РСФСР сохранялось недоверие к казачеству, в том числе к командирам из казаков или около-казачьей среды. Об этом свидетельствовало дело командарма Ф. Миронова [8]. Участие в боях на стороне большевиков уже стало заметным элементом политического поведения казачества. Однако нельзя переоценивать этот факт и утверждать, что все трудовое казачество в основном уже перешло на сторону большевиков.

После крымского разгрома большая часть врангелевских казаков ушла в эмиграцию в составе 30-тысячного Донского корпуса. Оставшиеся на Дону казаки и их семьи были деморализованы, подавлены психологически. За исключением слоя красных казаков, казачество в целом ощущало себя проигравшим в схватке с большевизмом и чужим в новой системе власти. Но, несмотря на психологическую подавленность, значительные потери людского состава, казачество в глазах большевистских органов власти по-прежнему представляло потенциальную угрозу для их функционирования.

Политика сотрудничества с трудовым казачеством стала проводиться на Дону бывшим идеологом и практиком расказачивания С.И. Сырцовым, который весной 1920 г. руководил Ростово-Нахичеванским Советом и Донским комитетом партии. Данная метаморфоза была не единственной в жизни этого типичного представителя опоры советской власти в городе и большевистской элиты¹. Новая линия на расширение социальной станицы, привлечение лояльных элементов из казачьей среды вызвала недовольство ряда донских руководителей (С.Ф. Васильченко, М.П. Жаков), по-прежнему видевших в казачестве главного врага ростовского пролетариата.

¹ В 1927 г. в Сибири Сырцов провозгласил призыв к крестьянству «Накопляйте, в добрый час!», а в 1928 г. помогал Сталину апробировать карательный метод хлебозаготовок. В 1929 г. поддержал Сталина в борьбе с бухаринско-рыковской оппозицией, но в 1930 г. образовал антисталинскую группу в СНК РСФСР. Аналогичные колебания и противоречия прослеживались и в его понимании казачьей проблемы. *Кислицын С.А.* Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов. – М., 2013.

В связи с обостренной борьбой по этому вопросу в руководстве области, оппонентов перевели в другие регионы. С.И. Сырцов был направлен первым секретарем в Одесский губернский комитет РКП(б). Перед отъездом он обратился с письмом к фракции коммунистов созываемого съезда Советов Дона, на котором он должен был выступать: «Главным препятствием на пути советского и коммунистического строительства стояли казачьи сословные националистические предрассудки. Если мы можем и должны давать уступки предрассудкам широкой непартийной массы, то внутри партийной организации мы должны от этих предрассудков избавиться. Делению внутри партийной организации на казачьих коммунистов и неказачьих, местных и пришлых, не должно быть места. Тем, кто попытается это отделение проводить, обособить казаков от неказачьих, не место в нашей партии. Их невежество и мелкобуржуазная природа, неотрывные от казакманства, должны быть вскрыты» [9].

Юго-Восточный край представлял удобную почву для всякого рода контрреволюционных действий со стороны белогвардейских элементов, осевших здесь еще со времен Гражданской войны. Они выдвинули лозунг: «Мы только против коммунистов-большевиков-насильников-угнетателей, но не против Советов». В сентябре 1920 г. бандформирования махновцев захватили город Миллерово. Формирования повстанцев Смелова-Аржеусова, Колычева, Колесникова, Сизова-Донского, Фомина, Варравы, Колесникова-Попова насчитывали суммарно несколько тысяч сабель. Такая же ситуация была на Кубани и Терреке, что потребовало срочного применения армейских сил. Донисполком рассмотрел вопрос «О восстаниях в Донобласти» и возбудил ходатайство перед Реввоенсоветом Кавказского округа о переброске в область регулярных кавалерийских частей для уничтожения формирований повстанцев. После возвращения с Кубани 1-й Конной армии в регионе были развернуты боевые действия, ликвидировавшие повстанческое казачье движение на Дону [10]. На Северном Кавказе в 1921 г. по приказу Орджоникидзе и Сталина произошло выселение пяти терских и сунженских станиц, восставших против власти. Несмотря на это, большевики вынужденно перешли к политике системного умиротворения казачества. 25.03.1920 г. Совнарком РСФСР принял декрет «О строительстве советской власти в казачьих областях», который формально обеспечивал казакам одинаковые права с рабочими и крестьянами. Принципиальное значение имело новое решение Президиума ВЦИК от 28.03.1920 г. об амнистии казаков.

Вторая амнистия. После решений X съезда РКП(б) 1921 г. ВЦИК принял Декрет о введении свободного обмена в пределах местного хозяйственного оборота. Местные органы власти стали осуществлять по мере возможностей поддержку крестьянских и казачьих комитетов по улучшению сельскохозяйственного производства, стали освобождать из-под ареста осужденных за невыполнение продразверстки. 3.11.1921 г. в связи с годовщиной Октябрьского переворота

и начавшимся переходом страны на мирное строительство был издан декрет «Об амнистии лицам, участвовавшим в качестве рядовых солдат в белогвардейских организациях». Прощались все, кто «обманом или насильственно был втянут в борьбу против советской власти». Белые рядовые могли вернуться из эмиграции в Европе вместе со своими семьями. Возвращенцев ставили на учет в НКВД, а в вид на жительство вносилась пометка: «...за службу в белых армиях суду и наказанию не подлежит». Казаки-эмигранты, проживающие в Болгарии, Сербии начали подготовку к реэмиграции в СССР. Советское правительство одобрило этот процесс [11].

К 1924–1925 гг. относится массовое возвращение на Родину части донских, кубанских и терских казаков, оказавшихся за границей после Гражданской войны. 23 тыс. казаков из 30 тыс. эмигрантов Донского корпуса вернулись на Дон. Но на Дону еще шла «малая гражданская война» – борьба с повстанческими, в том числе казачьими, формированиями, что осложняло решение вопроса о казачьей эмиграции и казачестве в целом. У власти усилилось понимание, что нужно как можно быстрее политически и юридически успокоить казачество.

Областной съезд Советов в Ростове 17.06.1921 г. утвердил инструкцию на распределение земель в области на 1920–1921 гг., которая гарантировала неприкосновенность земельных наделов трудовых казаков, находившихся в их фактическом пользовании. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 18.11.1920 г. «О землепользовании и землеустройстве в бывших казачьих областях» распространил на территорию казачьих областей все действовавшие в республике общие законоположения о землеустройстве, землепользовании и лесах.

В начале 1920-х годов большевистская элита все еще исходила из того, что не только Дон, но весь Северный Кавказ был, как неоднократно говорил А.И. Микоян, «богатым резервуаром пушечного мяса для белых», фактически настоящей «советской Вандеей», что долго сказывалось в дальнейшем. В документах отмечалась замкнутость казачьей массы, ее недоверчивое, временами враждебное отношение к советской власти, низкий культурный уровень, консерватизм, особенно в среде староверов, различные проявления сословной психологии и казако-манства. Причиной этого крайком считал: непонимание казаками сущности новой власти; оторванность власти от казачьих масс; отсутствие возможности охватить и наладить жизнь станицы; вековую сословную вражду между казаками и крестьянами; незавершенное землеустройство; слабую агитационно-пропагандистскую работу партии в казачьей среде. Однако не назывался фактор исторической памяти казачества об экстремистском циркуляре Оргбюро 24.01.1919 г. о террористическом расказачивании.

Поиск путей выхода из кризиса и третья амнистия. По инициативе революционеров и партийных интеллектуалов Н.И. Бухарина и Г.Я. Сокольникова Политбюро приняло решение о принципиальном пересмотре политики партии в

отношении казачества. Бухарин доказывал, что в условиях новой экономической политики необходим союз рабочего класса со всем крестьянством, включая и казачество. Сокольников и в годы Гражданской войны выступал против террористического расказачивания, и теперь продолжал доказывать необходимость советизации всего казачества без принуждения и насилия. Органы ОГПУ активно возражали против такого изменения казачьей политики. Ненавистник казачества генсек И.В. Сталин, занятый внутрипартийной борьбой, воздерживался от публичных заявлений по этому поводу.

Октябрьский 1924 г. пленум ЦК РКП(б), разработавший политику «лицом к деревне», обязал совещание по работе в деревне также обсудить вопрос о положении казачества, особенно в пострадавших во время войны районах, с привлечением к обсуждению работников мест и доложить о результатах работы следующему пленуму ЦК.

Проблема заключалась в том, что девять десятых низового советского аппарата составляли иногородние – активные участники революции. Казачья прослойка в партии в среднем по округам едва достигала 2%. Многие большевики пытались представить дело так, будто в станицах и хуторах есть в основном крестьяне-хлеборобы. Однако первый секретарь Северо-Кавказского крайкома РКП(б) А.И. Микоян в своих выступлениях и статьях указывал на бесспорную связь реально существующего казачьего вопроса с общекрестьянским, раскрывал формы и методы решения проблемы [12].

21.12.1924 г. была создана специальная подкомиссия ЦК РКП(б), в состав которой входили деятели партии, работавшие в казачьих регионах: С.И. Сырцов, К.К. Аболин, Э.И. Квицинг, М.П. Мошкарёв, И.С. Ружейников, П.В. Асаульченко, М.И. Лацис, И.Я. Власов, В.Ф. Ларин, И.А. Дорошев, М.Л. Черный. Подкомиссия ЦК РКП(б) сделала вывод, что казачество – по преимуществу хозяйственно крепкая крестьянская группа, имевшая в прошлом самостоятельную военно-сословную организацию, боровшуюся против Советов (Донской войсковой круг, Кубанская Рада) и потерпевшую в борьбе поражение, при участии на стороне Советов красного казачества в союзе с иногородними (крестьянством, «новожилами») и большинства ранее угнетенных народностей, сохранившая до сих пор свои общественные навыки и частично сословные традиции [13].

Комиссия уже 3.01.1925 г. заслушала доклад представителя ОГПУ Г.Е. Прокофьева «О политическом состоянии казачьих областей», в котором доказывалась необходимость продолжения прежней политической классовой линии на подавление кулацкого казачества. В.Ф. Ларин отметил на заседании комиссии, что доклад чекиста неудовлетворителен, в нем нет донской специфики – сословной борьбы, а в реальности «среди казачества нет классовой борьбы, все казачество выступает как единое целое». К.К. Аболин продолжил: «Во-первых, специфическим следует считать то, что казачество является крепкой хозяйственной

группой, во-вторых, имеет общественные навыки, в-третьих, оно получило историческое закрепление в форме казачьих обществ и вольностей. Имея эти навыки, казачество ярче и резче реагирует на существующие ненормальности». Тихоновского (религиозного. – С.К.) движения среди казачества нет, в этом докладчик ОГПУ не прав. Надо больше внимания уделять кооперации и Советам в казачьих областях. Нельзя огульно относиться к казачеству как к контрреволюционной массе. И.С. Ружейников и вовсе сказал, что «дело обстоит не так страшно», как его показывает Прокофьев. Сословная борьба, конечно, есть, кроме того, примешивается национальный фактор на Тереке. (Ружейников имел в виду противоречия между терским и сунженским казачеством и горским населением Северного Кавказа).

Позднее Ружейников представил отдельный доклад в комиссию по казачьему вопросу, в котором осветил состояние этой проблемы в Киргизской (совр. – Казахской) ССР, где проживали казаки бывших Сибирского, Оренбургского, Уральского казачьих войск. На основании сообщений полномочного представителя ОГПУ по КазССР И.Д. Каширина автор сделал вывод: казачество региона, которое в годы Гражданской войны в основном было у белых, в массе своей сохраняет пережитки психологии бывшей привилегированной военной касты, а поэтому идеологическое перерождение (советизация) идет медленнее, чем в крестьянстве. Ружейников отметил, что в казачьей среде наблюдается шовинизм; социальное расслоение медленно развивается; сохраняется мощный слой зажиточных. Существующая в этих регионах сословно-национальная борьба заметно мешает советизации казачества.

П.В. Асаульченко представил сообщение по Кубани и Тереку. По его мнению, беднейшая часть казачества боролась в красных рядах и вообще Гражданская война в регионе шла не по сословному, а по классовому критерию. В 1920–1922 гг. в настроении казачества преобладала ненависть к советской власти в связи с преследованиями казаков. В 1923–1924 гг. заметно успокоение в связи с НЭПом. Возникло «душевное расположение» казачества к советской власти. Казаки региона в новых условиях хотят: 1) свободы выборов в Советы; 2) равенства граждан перед законом; 3) полной амнистии; 4) вернуть казачью военную службу; 5) предоставить автономию казачьим областям.

Выводы комиссии ЦК были выдержаны в духе классовой идеологии правящей партии, но тем не менее отражали ряд элементов реальной действительности, что было закономерно, ибо в ином случае нельзя обеспечивать адекватное управление. Казачий вопрос в его современной постановке – это вопрос о крепком крестьянском хозяйстве, осложненный сословными историческими и национальными моментами. Процесс дифференциации в казачьих областях происходит с большей быстротой, чем во внутренних губерниях, захватывая в свое русло казачьи хозяйства и продолжая ломку сословных граней, начавшуюся в ходе Гражданской войны (третий тезис частично вызывает сомнения. – С.К.). Упрощенные

методы проведения национальной политики, отсутствие классовой линии при подходе к казачеству, игнорирование процесса дифференциации, рассмотрение казачества как сплошной контрреволюционной массы содействует восстановлению сословных традиций и влияет на сплочение и объединение казачества. Но при этом нужно преодолевать то положение, когда землепользование иногородних ограничивается теми землями, которые ими арендовались до революции.

Обращалось особое внимание, что даже красное казачество оказалось не вовлеченным в советское строительство, что выражалось в необоснованном занесении красных казаков в списки лишенных избирательных прав, в отстранении от советских функций и т.д. Казачья молодежь не допускалась к поступлению в вузы, на рабфаки, в станицах произошло резкое сокращение школьной сети. В агитационно-пропагандистских целях необходимо изучение истории казачества, но не истории службы царю, а истории бунтов и восстаний казачества против царской власти.

Некоторые большевики прямо признавали, что на местах все еще осуществляется политика огульного преследования всей казачьей общности, включая игнорирование красных казаков. Эта политика осуществлялась в основном методами повышенного налогообложения, лишения гражданских прав и возможностей участия в общественной жизни. Если вспомнить факты заложничества семей повстанцев и бессудных расстрелов, проводившихся в 1921–1922 гг., то можно сказать, что это было самое настоящее расказачивание.

Пленум Северо-Кавказского крайкома РКП(б) в ноябре 1924 г. высказался за полное восстановление в гражданских правах тех казаков, кто показал себя гражданами Советской России. Крайком также создал специальную казачью комиссию в составе С.И. Комиссарова, председателя краевой КК-РКИ В.Н. Толмачева, зам. председателя крайисполкома и председателя Донского исполкома Е.А. Патрикеева, а также ряда представителей казачества.

Комиссия обследовала донские станицы Егорлыкскую и Мечетинскую, ряд станиц на Кубани и Тереке, собрала обширный статистический материал, позволявший судить об изменениях, происшедших в казачьих хозяйствах за годы советской власти. Было предложено внести во все статистические материалы по казачьим районам и округам графу «бывшее сословие», что ставило изучение жизни и быта казачества на научную основу. Комиссия отметила негативные факты сохранения у значительной части низового отряда советских и партийных работников антиказачьих настроений, неумение станичных советов и партячеек работать с казачеством и крестьянством в новых условиях, тяготение к простым военнo-коммунистическим методам руководства.

В январе 1925 г. состоялся Первый Северо-Кавказский съезд Советов, в котором принял участие Председатель СНК СССР А.И. Рыков. Он заявил, что расказавшееся казачество должно получить полноправие. Президиум ВЦИК 26.01.1925 г. принял постановление «Об амнистии по поводу I-го краевого съезда

Советов Северного Кавказа», по которому все казаки, вернувшиеся в СССР на 01.02.1925 г., получали избирательные права. Было решено *восстановить в гражданских правах* (курсив мой. – С.К.) возвратившихся до сего времени в пределы края репатриантов-врангелевцев, высказавших свое честное лояльное отношение к советской власти. Амнистированы были рядовые участники и младший командный состав, повстанцы и должностные лица казачьих войск. Амнистии не подлежали чины старше унтер-офицера, служащие контрразведок и карательных органов, жандармы, сотрудники пропагандистских структур белого движения. Президиум крайисполкома продлил амнистию до 01.06.1925 г. и восстановил в правах бывших станичных атаманов, политических ссыльных и офицеров [4]. Естественно, речь шла о новых советских, а не о дореволюционных гражданских правах казаков.

С 24 января по 4 февраля 1925 г. в Ростове-на-Дону под руководством А.И. Микояна работал V Пленум Северо-Кавказского крайкома РКП(б). В докладе С.И. Комиссарова было сформулировано категоричное суждение о том, что казачество в прошлом являлось «коллективным помещиком, народным помещиком, если можно так определить, многоголовым, вооруженным до зубов, хорошо организованным помещиком по отношению к иногороднему, по отношению к крестьянству». Когда после революции иногородние потребовали землю у казаков, казачество выступило против этого. В результате возникла так называемая «Вандея на Дону». После Гражданской войны у казачества развилась, можно сказать, «политическая пришибленность», что позволило новым властям успешно проводить свою политику. Пленум крайкома в резолюции «О казачестве» отметил, что прошлое казаков ушло безвозвратно и теперь созданы все условия для окончательного решения земельного вопроса – гвоздя казачьей проблемы. В окружных парткомах создавались казачьи подкомиссии, и в некоторых округах были подготовлены пленумы по работе среди казачества.

В материале секретаря Кубанского окружкома Вл. Черного названы особенности дореволюционного казачества, которые партии необходимо было иметь в виду. Коренная задача партии в казачьих районах состояла в том, чтобы завоевать симпатию большинства казачества, добиться мирного сожительства и сотрудничества между казаками и другими группами населения *на основе фактического и юридического равенства их* (курсив мой. – С.К.) в политической, хозяйственной и культурной жизни [15].

Особое внимание подкомиссия уделяла изучению истории казачьего вопроса начиная с дореволюционного времени. В намеченном плане научной деятельности были определены в качестве основных следующие исторические проблемы: «1. Характеристика дореволюционного правового и хозяйственного положения казачества до 1914 г. (землевладение и землепользование, дифференциация казачьего хозяйства в динамике, взаимоотношения с иногородними, помещиками,

офицерством, горцами, правовые и культурно-бытовые условия, повинности, самоуправление, права и преимущества, позиции в 1905 г.). 2. Характеристика положения казачества в 1917 г. (настроения казаков и войсковых правительств, движение иногородних и раскол казачества). 3. 1918 г. (Красная гвардия – формирования из фронтовиков, иногородних, казачьей молодежи; отношения с горцами, с Радой, к лозунгу Учредительного собрания; ошибки – расказачивание, реквизиции, игнорирование традиций; Автономов, Сорокин, украинофильство, религиозный вопрос). 4. 1919 г. (Рада и Деникин, казачество в гражданской войне, Макаренко, Калабухов, Рябовол и др.) 5. 1920–1921 гг. (Приход советской власти и казаки, расслоение, эмиграция в казачьей среде; подразверстка и бело-зеленое движение 1921 г. и «характерность его (отчаяние)»: НЭП. 6. 1922–1924 гг. Характеристика казачества с учетом географических и климатических условий за 10-летие. НЭП как «успокоитель умов казачества»; правовые условия казачества (ограничение прав), соотношение сил: интеллигенция, эмигранты, реэмигранты, демобилизованные красноармейцы; общественная жизнь (казаки и Советы, партия), карательная политика ГПУ; воспитание казачьего поколения, воинская политика, территориальники и комсомол, чаяния казачества». Этот подробный план был частично реализован в работах сотрудников Донского, затем краевого Истпарта Н.Л. Янчевского, И.П. Борисенко [16].

Определенное влияние на подготовку доклада к пленуму ЦК партии Сырцовым оказало письмо 78-летнего казака станицы Константиновской Черткова, посланное в ЦК на имя Сталина. Казачий патриарх писал, в частности, что казаки обижены за то, что они как бы разжалованы в простой пролетариат, который они величают именем «хамло». Казачество враждебно относится к компартии, ждет прибытия генералов и готовится к восстаниям. Казачество ничего не знает толком о новой власти, а она не понимает духа казачества. Надо назначить на ответственные посты людей, знающих историю борьбы казачества с царизмом. Казачество любит старину, и надо с помощью истории «двинуть вперед» их сознание. Рассказы о Разине, Ермаке, Некрасове, Булавине, кончая Подтелковым, о казнях 1800 года и т.д., восстановление Старочеркасска – все это «всколыхнет народ».

Комиссия ЦК проанализировала также доклад Казахского (Киргизского) комитета о состоянии дел в казачьих районах азиатской части страны, доклад группы инструкторов ЦК и ЦКК, изучавших ситуацию во 2-м Донском и Усть-Медведицком округах, отошедших к Царицынской губернии в 1921 г., а также доклад ГПУ «О политическом состоянии казачьих районов СССР». Если оценки партийных руководителей сводились к характеристике положительных измерений в казачьей среде и необходимости коррекции политики в отношении казачества в сторону ее либерализации, то мнение ГПУ было противоположным.

Курс «Лицом к казачеству». 23–30 апреля 1925 г. состоялось заседание большевистского квазипарламента – пленума ЦК РКП(б), на котором с основным докладом о прошедшем совещании по работе в деревне выступил секретарь ЦК В.М. Молотов. Завотделом ЦК РКП(б) С.И. Сырцов, считавшийся специалистом по казачеству, на пленуме сделал отдельный специальный доклад «О положении казачества», в котором обосновал необходимость осуществления в русле общей политики «лицом к деревне» такого же курса по отношению к казачьим массам [17].

Сырцов подчеркнул в докладе, что важно учитывать специфические особенности казачества, вызванные условиями, в которых существовала эта самобытная группа, и особенно той ролью, которую казачество играло в Гражданской войне в силу ряда экономических и политических причин. Казачество обладало немалыми привилегиями по сравнению с иногородним и крестьянским населением, что привело к известному совпадению интересов части зажиточного казачества с позициями господствующих классов царской России. Именно это обусловило то, что Гражданская война протекала в казачьих районах с необычной остротой и большой жестокостью с обеих сторон. Крестьянское и иногороднее население дружно встало на защиту советской власти и «жестоко мстило» казачеству. Последствия Гражданской войны для казачества оказались исключительно тяжелы – была истреблена значительная часть кадровых казаков. Ненависть к казачеству со стороны крестьянства еще не сгладилась, в свою очередь, казачество восприняло победу советской власти как победу иногородних. Эта «отрыжка» Гражданской войны была чревата большими политическими осложнениями. Ненависть к казачеству, как к сплошной контрреволюционной массе, продолжение деления на «казак» и «не казак», деления по линии *«сословных признаков, а не классовых»*, – все это могло привести только к рецидивам противостояния. Для успеха советизации казачества было необходимо *«повышение темпов разрушения его единства»* как самобытной социально-сословной общности (курсив мой. – С.К.).

В партийных кругах на местах культивировалось враждебное отношение к казачеству в целом, а не только к атаманско-офицерской его части. Это в известной мере, наряду с другими причинами, привело к временному усилению сословной спайки среди казачества. Тот факт, что во время выборов середняцкое казачество и часть бедноты пошли за казачьими верхами, свидетельствовал о серьезных просчетах местных партийных организаций и советов, не сумевших вовлечь в свою орбиту трудовое казачество. В 70% обследованных партиячек оказалось всего 5–7% представителей казачества, что закономерно отразило недоверие казачества к власти как к «партии иногородних». В целом делался вывод, что к середине 1920-х годов казачество примирилось с советской властью, но органически с ней не соединилось, не приняло ее в свою казачью жизнь в качестве «бытового элемента». Это объяснялось тем, что казаки не видели своих представителей

в Советах, в которых, если они были, то совершенно как «декоративные фигуры», не имевшие органичной связи с казачеством. Нужно учесть, что казачество привыкло в прошлом к отсутствию налогов. Поэтому надо увеличить местный бюджет в станицах, чтобы налоговая политика не воспринималась казачеством сугубо негативно. Важно создать льготные условия для сельхозкредита казакам.

Сырцов призвал власти на местах привлекать авторитетных в казачьей среде «влиятельных лиц», даже если они в прошлом входили в состав станичных и окружных казачьих органов. Сырцов проанализировал ситуацию с реэмигрантами-казаками, которые были амнистированы советской властью. Отношение к ним со стороны парторганизаций было отрицательным, что выражалось в различных ограничениях их политической и экономической деятельности. Они считались «дежурными преступниками», «порочным элементом», который должен отвечать за все. Специальный раздел доклада был посвящен казачьей политике в национальных районах Кубани, Терека, Киргизии. Отмечалось, что политику коренизации государственного аппарата, воспитания национальных кадров (горских. – С.К.) необходимо «смягчить», чтобы не ущемлять казачье население.

По докладу совещания ЦК о работе в деревне и по содокладу о положении казачества развернулась острая дискуссия, в которой приняли участие Н.П. Комаров, Я.А. Яковлев, И.А. Зеленский, Г.И. Петровский, А.И. Криницкий, М.И. Калинин, В.Я. Чубарь, Б.П. Позерн, А.И. Свидерский, А.И. Микоян. В частности, В.Я. Чубарь выступил против акцентирования внимания на казачестве, так как это только часть крестьянства, и поэтому нет необходимости в наименовании Советов дополнять: «крестьянских и казачьих депутатов». Это может якобы создать условия для восстановления казачьего сословия, а в партии может возникнуть «казачий уклон». Б.П. Позерн частично поддержал Чубаря, подчеркнув, что в докладе Сырцова есть противоречия. На предстоявшем съезде Советов не следует «выпячивать» казачий вопрос, так как кубанское казачество – «самое матерое», а за ним и другие не нуждаются в приглашении в Советы. Поэтому нужно снять с повестки дня очередного съезда Советов казачий вопрос (что и было впоследствии, к сожалению, сделано. – С.К.).

Микоян солидаризировался с докладом Сырцова и не согласился с позицией Чубаря. Он отметил принципиальный характер сохранения в новом наименовании Советов слов «...и казачьих депутатов». Это необходимо для учета особых традиций казачества, которое имело в прошлом развитое самоуправление, богатый местный бюджет, развитое сельскохозяйственное производство, богатейшую кооперацию. Если удастся это восстановить, привлечь к советской власти 10 тыс. казаков-реэмигрантов, то казачий вопрос будет решен. «Мы оккупировали казачий район Северного Кавказа и все эти годы до последних месяцев управляли как завоеватели в покоренной стране». Он отме-

тил необходимость широкого использования территориальных воинских формирований для вовлечения казачества по военной линии, издавна являвшейся важнейшим элементом жизни казаков.

В заключительном слове Сырцов выразил согласие с предложениями Микояна, заявив, что лично убежден в целесообразности и позитивности этого опыта и необходимости его распространения, при условии обеспечения частей командным и политсоставом и включения в состав террчастей 30-40% иногородних. При этом он возразил против реплики Н.Н. Скрыпника, опасавшегося восстановления старых казачьих привилегий. В новых условиях воинская служба казаков, доказывал Сырцов, не влечет за собой как никаких поблажек, так и материальных тягот для новобранцев; это форма с новым содержанием, выгодным для советской власти. Сырцов отметил ошибочность суждений Чубаря, не понявшего, что все мероприятия способствуют ликвидации казачьего сословия, потому что ничто так не стимулирует старосословных настроений, как ограничения и обиды.

Заключительный вывод докладчика звучал согласно общепартийному представлению о судьбе казачества. В ходе социально-классовой дифференциации и объединения значительной части трудового казачества с иногородними против кулацких верхов казачество исчезнет как единая спаянная сословная группа и станет прочной базой советской власти. На данном этапе нет необходимости в игнорировании бытовых особенностей казачества. В настоящее время казачество не пойдет под лозунгами казачьей автономии, так как великолепно помнит уроки Гражданской войны.

В постановлении Пленума были зафиксированы меры, направленные на все казачьи области: восстановление избирательных прав станичных и хуторских атаманов, привлечение в аппараты местных Советов казачьей интеллигенции, широкое вовлечение казачества во все общественные организации – комсомол, кооперацию, ККОВы, равные права казаков и крестьян при поступлении в учебные заведения, недопущение дискриминации казачества в национальных районах и создание в местах с компактным казачьим населением отдельных административных единиц. «Совершенно недопустимо игнорирование особенностей казачьего быта и применение насильственных мер по борьбе с остатками казачьих традиций». В наименовании Советов в казачьих районах должно быть обязательным упоминание: «и казачьих депутатов». Разрешалось употреблять самоназвание «казак» и носить традиционную форму военного образца.

Одним из наиболее важных практических шагов в осуществлении на Дону и Северном Кавказе курса «лицом к деревне» стала кампания по перевыборам Советов, проходившая в марте 1925 г. Решение о проведении перевыборов было принято крайисполкомом в связи с тем, что выборы в Советы осенью 1924 г. проводились без учета местными организациями роста политической активности казачества и крестьянства, с применением известной доли нажима и командова-

ния, вследствие чего в выборной кампании участвовало лишь около 30% сельского населения. После перевыборов состав станичных и сельских Советов Дона и Северного Кавказа в результате перевыборов значительно изменился. Во вновь избранных Советах преобладали середняки (в среднем по казачьим округам от 48,1 до 49,4 %). Удельный вес беспартийных депутатов в новых Советах возрос на 15,6% за счет сокращения числа депутатов коммунистов. При этом крайком партии на данном этапе рассматривал такие изменения как положительный фактор (курсив мой. – С.К.)

В Ростове-на-Дону было опубликовано постановление Северо-Кавказского исполнительного комитета от 26.08.1925 г. «О работе Советов в бывших казачьих областях Северо-Кавказского края». Помимо политических моментов в нем говорилось, что необходимо поддерживать боевые качества казачества, любовь к военному делу, для чего, между прочим, всемерно содействовать устраиваемым конским состязаниям в станицах. Наряду с ношением обычной красноармейской формы было разрешено в территориальных частях целых соединений ношение казачьей военной одежды. Новый нарком по военным и морским делам К.Е. Ворошилов в сентябре 1926 г. подписал приказ о расширении территориальных формирований конницы из казачьего населения Дона и Северного Кавказа. На территориальную систему были переведены два полка кадровой 5-й Ставропольской кавалерийской дивизии им. М.Ф. Блинова.

Был сделан определенный шаг в направлении реабилитации казачества как этнокультурной общности. В резолюции апрельского пленума было сказано, что способы проведения национальной политики в казачьих районах требуют особого такта. В районах со смешанным национальным составом усилить участие казачества в руководящих органах национальных республик и областей, «признать допустимыми районы с компактным казачьим населением в нац. областях, выделять в отдельные административные единицы» (например, Оренбургский район). Исходя из этого, Президиум ЦИК разрешил при проведении всесоюзной переписи населения 1926 г. в Северо-Кавказском крае отображать в графе «народность» наличие казаков [18]. Во время этой переписи регистрация казачьего населения была произведена на личных листках, путем дополнительного ответа на вопрос о народности. Определение принадлежности к казачеству предоставлялось самому опрашиваемому по всему краю без всяких исключений. Так партийное руководство латентным образом признало право считать казачество отдельной народностью. Выяснилось, что казачество на Дону составляло 33% всех сельских жителей, а в некоторых округах и того выше: в Шахтинско-Донецком – 55%, Донском – 37%, Донецком – 34,7%. Основную массу казачьего населения составляли середняцкие хозяйства – свыше 70%, более 20% приходилось на бедняцкие хозяйства. Около 7% зажиточных хозяйств эксплуатировали наемный труд [19]. Тем не менее, несмотря на признание казаков народностью, казачий вопрос на Дону и в других регионах выводился на пределы национальных отношений и становился

официальной составной частью крестьянства и в целом проблемы преобразования сельского хозяйства. Таким образом большевиками была сделана своеобразная попытка создания многоуровневой, комплексной системы взаимозависимых и взаимосвязанных действий, ориентированных на формирование новых советских гражданских прав казаков как этносоциальной группы в статусе и дееспособности.

Свертывание казачьей политики. Кризис нэпа, связанный с хлебной стачкой крестьянства, активизация оппозиций всех направлений, обострение внешнеполитической ситуации (так называемая «военная тревога» 1927 г.) вызвали у власти опасения и боязнь новых мятежей и восстаний. ОГПУ взяло на учет всех «неблагонадежных» казаков, особенно репатриантов. Начались новые внесудебные расправы над «антисоветскими элементами». Эти меры вызвали разочарование казаков в местной власти, сокращение участия казаков в местных Советах, в кооперативах и крестьянских обществах взаимопомощи [20].

Характерным примером действий властей стало преследование бывших участников Верхнедонского восстания, которые давно сложили оружие. Один из руководителей мятежа – Харлампий Ермаков, ставший для М.А. Шолохова прототипом Григория Мелехова, – был привлечен к уголовной ответственности, несмотря на то, что в 1925 г. его дело рассматривалось в судах и было полностью прекращено. В 1927 г. он был вновь арестован ОГПУ. На основе показаний свидетелей об антибольшевистской настроенности Ермакова коллегия ОГПУ приговорила его к расстрелу, и приговор был приведен в исполнение 17 июня 1927 г. [21].

ОГПУ накануне сплошной коллективизации в своих реляциях сгущало краски и фактически сводило на нет достижения реформы, считая, что казачьи районы, особенно СКК, – это районы значительного оживления активности антисоветских элементов казачества и кулацких элементов иногородних. Особенно явными движения казачества, с точки зрения ОГПУ, является то, что оно идет под флагом борьбы за сословные интересы и против иногородних, что придает своеобразный оттенок всему движению, имеющему значительное количество групп, которые пытаются восстановить старые казачьи традиции, монархический и военный характер организации и т.д. [22]. Но, несмотря на такие оценки, власть не признавала в новых условиях казачество ни сословием, ни народностью и уже не предпринимала прямых и непосредственных фиксированно антиказачьих акций.

Казачья политика большевизма еще более трансформировалась по мере форсирования сплошной коллективизации. Внимание к казачьим особенностям быта и деятельности полностью иссякло, происходило де-факто латентное расказачивание. В архивах удалось обнаружить только одно решение одного райкома ВКП(б) Азово-Черноморского края с призывом новых репрессий именно казачества. Все жестокие формы и методы осуществления коллективизации и раскулачивания на Дону и Кубани адресовались к крестьянству, а не к казачеству, хотя

власти не переставали вспоминать зигзаги казачества в Гражданской войне. При этом осуществлялись репрессии против реэмигрантов, прежде всего бывших казачьих атаманов и офицеров.

Частичное возвращение к курсу «Лицом к казачеству» в 1936 г. В первой половине 1930-х годов старое казачество в ходе репрессий было заметно сокращено, подросло новое советское поколение. После завершения коллективизации и в связи с нарастанием угрозы новой войны в 1936 г. было объявлено, что казачество стало полностью колхозным и советским и заслужило службу во вновь создаваемых регулярных казачьих дивизиях РККА. Формальный импульс к обновлению казачьей политики задавала статья первого секретаря Азово-Черноморского крайкома ВКП(б) Б.П. Шеболдаева «Казачество и колхозы» [23], передовая статья в газете «Правда» от 18.02.1936 г. «Советские казаки». ЦИК СССР принял постановление от 20.04.1936 г. «О снятии с казачества ограничений по службе в РККА». Но выборочные репрессии среди всех слоев казачества продолжались. НКВД придумал контрреволюционные казачье-троцкистские центры, которые якобы возглавляли большевики-революционеры. Погибли крупные партийные и военные деятели казачьего происхождения В.Ф. Ларин, И.А. Дорошев, В.А. и Е.А. Трифионовы, Я.В. и Д.В. Полуяны, Н.Д., И.Д., П.Д. Каширины и др. Были уничтожены вдохновители и организаторы реабилитации казачества Н.И. Бухарин, Г.Я. Сокольников, С.И. Сырцов, Б.П. Шеболдаев [24].

В годы Великой Отечественной войны вновь созданные советские казачьи корпуса и другие формирования покрыли свои знамена неувядаемой славой. Краснов и другие казаки-коллорационисты понесли заслуженное наказание. О казачестве как историко-культурном феномене публиковались книги (роман М.А. Шолохова «Тихий Дон»), снимались фильмы («Кубанские казаки»), пели песни и т.д., но вопрос о казачестве как особой военно-служилой и этно-социальной общности был полностью снят с военной и этнополитической повестки дня. Казачья проблема считалась для советской власти решенной.

Окончательная реабилитация. Финальную точку процесса реабилитации поставил советский высший орган власти – Верховный Совет РСФСР, который принял рамочный Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-1 «О реабилитации репрессированных народов», к числу которых отнес и «культурно-исторические общности, например казачество». ВС РСФСР 16.07.1992 г. принял отдельное легитимное постановление № 3321-1 «О реабилитации казачества». ВС РСФСР отменил, как «незаконные», советские акты в отношении казачества, как исторически сложившейся культурно-этнической общности, принятые с 1918 г., в части, касающейся применения к нему репрессивных мер. За казачеством вновь признавались права: на возрождение традиционного социально хозяйственного уклада жизни и культурных традиций; установление общественного самоуправления в

традиционных формах; возрождение традиционных форм землевладения, землепользования и распоряжения землей; несения воинской службы в частях Вооруженных сил России. В документе был не учтен тот факт, что многие реабилитационные моменты были реализованы в 1920-х годах. Современные казаки, потомки этнокультурной и военно-служилой общности, возрождают лучшие традиции военной службы Отечеству и развития казачьей этнокультуры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Баранов А.В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» нэпа 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 3. – С. 55-62; Донские казаки в прошлом и настоящем / Под общ. ред. Ю.Г. Волкова. – Ростов н/Д, 1998; Гражданов Ю.Д. Государственная власть и казачество. – Волгоград, 1998; Российское казачество: Научно-справочное издание / Под общ. ред Т.В. Таболиной. – М.: РАН, 2003. – С. 99-142; Кислицын С.А. Государство и расказачивание. 1917–1945 гг.: Учеб. пособ. к спецкурсу. – Ростов н/Д, 1996. – С. 42-66; Кислицын С.А., Кириченко А.С. Указ и шашка. Политическая власть и донские казаки в XX веке. – Ростов н/Д, 2007; Кожанов А.П. Донское казачество в 20-х гг. XX века. – Ростов н/Д, 2005. Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия (1920–1926 гг.). – Ростов н/Д, 1997; Скорик А.П., Тикиджьян Р.Г. Донцы в 1920-е годы: Очерки истории. – Ростов н/Д, 2010. – С. 88-124; Скорик А.П. Казачий Юг России в 1930-е годы: грани исторических судеб социальной общности. – Ростов н/Д, 2009. – С. 108-280; Рвачева О.В. «До сих пор мы все-таки плохо знаем, чем дышит казачество...». Изучение настроений донского казачества партийно-советскими структурами в середине 1920-х годов // Каспийский регион: политика, экономика, культура... – 2018. – № 1. – С. 15-23; Тикиджьян Р.Г. Политика советского государства «лицом к деревне» и проблемы взаимоотношений казачества, крестьянского и иногороднего населения Дона в 1920-е годы // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Сер.: Общественные науки. – 2011. – С. 46-50.
2. Сталин И.В. Соч. Т.4. – С. 124.
3. Сырцов С.И. Вандея русской революции // Кислицын С.А. Донская персоналия советской эпохи. – Ростов н/Д, 2021; Он же. «Борцы идеи...». Семен Васильченко и Михаил Жаков о Донской революции и контрреволюции. – Ростов н/Д, 2015.
4. Большевицкое руководство. Переписка. 1912–1927 гг. – М., 1996. – С. 108.
5. Дедов И.И. В сабельных походах. (Создание красной кавалерии на Дону и ее роль в разгроме контрреволюции на Юге России в 1918–1920 гг.). –

- Ростов н/Д, 1989. – С. 157-158; Венков А.В. Красные донские казаки в 1918 году // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2019. Т. 24. – № 4. – С. 71-83.
6. Известия Центрального комитета Российской Коммунистической партии (большевиков). 30 сент. 1919. Известия ЦК КПСС. – 1989. – № 12. – С. 91-92; Документы героических лет. 1917–1920. – Ростов н/Д, 1987. – С. 281-284.
 7. Венков А.В. Выход донских казаков из гражданской войны. Гражданская война в России: проблемы выхода, исторические последствия, уроки для современности: Сб. науч. трудов. Институт истории СО РАН. – Новосибирск, 2022. – С. 282-293.
 8. Филипп Миронов. Тихий Дон в 1917–1921. Документы. Введение. – М., 1997. – С. 22.
 9. Кислицын С.А. Председатель Совнаркома Советской России Сергей Сырцов. – М., 2013. – С. 77-78.
 10. Трудовой Дон, 27 июля 1922 г.
 11. Белковец Л.П., Белковец С.В. Восстановление советским правительством российского (союзного) гражданства реэмигрантов из числа участников белого движения и политических эмигрантов // Юридические исследования. – 2014. – № 4. – С. 169.
 12. Микоян А.И. Партия и казачество. – Ростов н/Д, 1926.
 13. Докладная записка первого зам. заведующего Агитационно-пропагандистским отделом ЦК РКП(б) А.К. Аболина «Предварительные выводы общеполитической подкомиссии Комиссии ЦК РКП(б) по казачьему вопросу» / Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф.17. Оп.68 Д.241 Л.8, 9.
 14. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «Об амнистии и некоторых льготах трудящимся Северо-Кавказского края в связи с созывом I-го краевого съезда Советов». 26 января 1925 г. / Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР за 1925 г. № 1-44. Отдел первый. – М., Б. г. (332); Баранов А.В. Тенденции гражданского примирения в политических реформах «расширения» нэпа 1924–1926 гг. на Юге России // Научная мысль Кавказа. – 2013. – № 3. – С. 55.
 15. РГАСПИ. Ф.17. Оп.68. Д.241. Л.33-39.
 16. Янчевский Н.Л. Гражданская борьба на Северном Кавказе. Т. 1-2. – Ростов н/Д, 1927; Он же. Революционный шквал // На подъеме. – 1930. – № 11. – С. 129-145; Борисенко И.П. Советские республики на Северном Кавказе в 1918 году / под ред. Н. Лихницкого. Т. 1-2. – Ростов н/Д, 1930.

17. РГАСПИ. Ф.17.Оп.2. Д.179. Л.56. Впервые опубликовано: Кислицын С.А., Перехов Я.А. Почему Гражданская война в казачьих районах протекала с необычной остротой // Журнал ОК КПСС «Контакт». – 1990. – № 30–32.
18. Государственный архив Российской Федерации. Ф.3-1235. Оп.71. Д.384. Л.3.
19. Кожанов А.П. Донское казачество в 20-х гг. XX века. – Ростов н/Д, 2005.
20. Баранов А.В. Политическая активность и сознание казаков на Северном Кавказе // Казачий сборник №.2. Ученые записки ДЮИ. – Ростов н/Д, 2000. – С. 157-171.
21. Козлов А.И. Хроника трагедии Харлампия Ермакова (или документальный эпилог «Тихого Дона»). По материалам ФСБ // Казачий сборник № 3. – Ростов н/Д, 2002. – С. 86-216.
22. Из доклада Секретного отдела ОГПУ «Антисоветское движение в деревне». Октябрь 1928 г. / Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т. 2. – С. 780-817.
23. Кислицын С.А. Б.П. Шеболдаев – большевистский революционер, региональный лидер, участник партийной фронды 1930-х годов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2022. – Т.14. – № 3-4. – С. 46-54.
24. Кислицын С.А. Красная фронда под секирой НКВД. – Ростов н/Д, 2023.

REFERENCES

1. Baranov A.V. Trends of civil reconciliation in the political reforms of the "expansion" of the nepa 1924-1926 in the South of Russia // Scientific Thought of the Caucasus. - 2013. - № 3. - P. 55-62; Don Cossacks in the past and present / Edited by Y.G. Volkov. - Rostov n/D, 1998; Grazhdanov Y.D. State power and the Cossacks. - Volgograd, 1998; Russian Cossacks: Scientific and Reference Edition / Under general ed. by T.V. Tabolina. - MOSCOW: RAN, 2003. - P. 99-142; Kis-litsyn S.A. The State and Raskazachivanie. 1917-1945: Study guide to the special course. - Rostov n/D, 1996. - С. 42-66; Kislitsyn S.A., Kirichenko A.S. Ukaz and shashka. Political power and the Don Cossacks in the XX century. - Rostov n/D, 2007; Kozhanov A.P. Don Cossacks in the 20s of the XX century. - Rostov n/D, 2005. Perekhov Y.A. Power and the Cossacks: the search for agreement (1920-1926). - Rostov n/D, 1997; Skorik A.P., Tikidjian R.G. Donets in the 1920s: Es-says of History. - Rostov n/D, 2010. - P. 88-124; Skorik A.P. Cossack South of Russia in the 1930s: facets of historical fates of social community. - Rostov n/D, 2009. - P. 108-280; Rvacheva O.V. "So far we still do not know well what the Cossacks breathe...". Studying the sentiments of the Don Cossacks by party and Soviet structures in the mid-1920s // Caspian region: politics, economics, cul-

- ture..- 2018. - № 1. - P. 15-23; Tikidjian R.G. The policy of the Soviet state "facing the village" and the problems of relations between the Cossacks, peasants and non-urban population of the Don in the 1920s // *Izvestiya vysshee obrazovaniya vysshee obrazovaniya. North Caucasian region. Ser.: Social Sciences.* - 2011. - C. 46-50.
2. Stalin I.V. *Soch.* Vol. 4. - P. 124.
 3. Syrtsov S.I. *Vandeia of the Russian Revolution* // Kislitsyn S.A. *Don personalities of the Soviet era.* - Rostov n/D, 2021; He. "Fighters of the idea...". Semyon Vasilchenko and Mikhail Zhakov about the Don revolution and counter-revolution. - Rostov n/D, 2015.
 4. *Bolshevik leadership. Correspondence. 1912-1927.* - M., 1996. - C. 108.
 5. Dedov I.I. *In sabre campaigns. (Creation of the Red Cavalry on the Don and its role in the defeat of counter-revolution in the South of Russia in 1918-1920).* - Rostov n/D, 1989. - P. 157-158; Venkov A.V. *Red Don Cossacks in 1918* // *Bulletin of Volgograd State University. Ser. 4: History. Regional Studies. International relations.* - 2019. T. 24. - № 4. - C. 71-83.
 6. *Izvestiya Tsentral'nyi Kommittee of the Russian Communist Party (Bolsheviks).* Z0 September. 1919. *Izvestiya Central Committee of the CPSU.* - 1989. - № 12. - P. 91-92; *Documents of heroic years. 1917-1920.* - Rostov n/D, 1987. - C. 281-284.
 7. Venkov A.V. *Exit of the Don Cossacks from the Civil War. Civil war in Russia: problems of exit, historical consequences, lessons for modernity: Collection of scientific works.* Institute of History SB RAS. - Novosibirsk, 2022. - C. 282-293.
 8. Philip Mironov. *Tikhiy Don in 1917-1921. Documents. Introduction.* - M., 1997. - C. 22.
 9. Kislitsyn S.A. *Chairman of the Council of People's Commissars of Soviet Russia Sergey Syrtsov.* - M., 2013. - C. 77-78.
 10. *Trudovoy Don, 27 July 1922.*
 11. Belkovets L.P., Belkovets S.V. *Restoration by the Soviet government of Russian (Union) citizenship of re-emigrants from among the participants of the White movement and political emigrants* // *Legal Studies.* - 2014. - № 4. - C. 169.
 12. Mikoyan A.I. *Party and the Cossacks.* - Rostov n/D, 1926.
 13. *Report note of the first deputy head of the Agitation and Propaganda Department of the Central Committee of the RCP(b) A.K. Abolin "Preliminary conclusions of the general political subcommission of the Commission of the Central Committee of the RCP(b) on the Cossack question"* / *Russian State Archive of Social and Political History (hereinafter - RGASPI).* F.17. Op.68 D.241 L.8, 9.
 14. *Decree of the All-Russian Central Executive Committee "On amnesty and some benefits to the workers of the North Caucasus region in connection with the convening of the 2-th regional Congress of Soviets". 26 January 1925* / *Collection of*

- decrees and orders of the Workers' and Peasants' Government of the RSFSR for 1925 № 1-44. Division one. - М., Б. г. (332); Baranov A.V. Tendencies of civil reconciliation in the political reforms of the "expansion" of the nepa 1924-1926 in the South of Russia // Nauchnaya Mysl Caucasus. - 2013. - № 3. - С. 55.
15. RGASPI. F.17. Op.68. Д.241. Л.33-39.
 16. Yanchevsky N.L. Civil Struggle in the North Caucasus. Т. 1-2. - Rostov n/D, 1927; He also. Revolutionary squall // On the Rise. - 1930. - № 11. - P. 129-145; Borisenko I.P. Soviet republics in the North Caucasus in 1918 / edited by N. Likhmitsky. Т. 1-2. - Rostov n/D, 1930.
 17. RGASPI. F.17.Op.2. Д.179. Л.56. First published: Kislitsyn S.A., Perekhov Ya.A. Why the Civil War in the Cossack districts proceeded with unusual acuteness // Journal of the UC CPSU "Contact". - 1990. - № 30-32.
 18. State Archive of the Russian Federation. F.Z-1235. Op.71. Д.384. Л.3.
 19. Kozhanov A.P. Don Cossacks in the 20s of the twentieth century. - Rostov n/D, 2005.
 20. Baranov A.V. Political activity and consciousness of the Cossacks in the North Caucasus // Cossack Collection №2. Academic notes of DYI. - Rostov n/D, 2000. -С. 157-171.
 21. Kozlov A.I. Chronicle of the tragedy of Harlampy Yermakov (or documentary epilogue of the "Quiet Don"). According to the materials of the FSB // Cossack Collection № 3. - Rostov n/D, 2002. - С. 86-216.
 22. From the report of the Secret Department of the OGPU "Anti-Soviet Movement in the Village". October 1928 / The Soviet Village through the eyes of the VChK-OGPU-NKVD. 1918-1939. Documents and materials. In 4 vol. 2. Vol. 2. - P. 780-817.
 23. Kislitsyn S.A. B.P. Sheboldaev - Bolshevik revolutionary, regional leader, participant of the party front in the 1930s // Historical and socio-educational thought. - 2022. - Т.14. - № 3-4. - С. 46-54.
 24. Kislitsyn S.A. Krasnaya fronda under the NKVD axe. - Rostov n/D, 2023.

Информация об авторе: Сергей Алексеевич Кислицын, доктор исторических наук, профессор, Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
orcid.org/0000-0003-2264-8636

г. Ростов-на-Дону, Россия
kislizins@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Sergey A. Kislitsin, Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Head of Department of Political Science and Ethnic Policy, Member of Russian Association of political science, South-Russian Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, orcid.org/0000-0003-2264-8636
Rostov-on-Don, Russia
kislizins@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 28.06.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 20.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.08.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declares no conflicts of interests

© Кислицын С.А. 2022

© «ИСОМ». 2022

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-92-115

УДК 94 (47) 084.6

**«ЛИШЕНЦЫ» ЗАПАДНОГО ПРЕДМЕСТЬЯ МОСКВЫ
КОНЦА 20-х – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 30-х ГОДОВ XX ВЕКА**

Михаил Федорович ПРОХОРОВ

Российский государственный университет туризма и сервиса

г. Москва, Россия

2210. mfp@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена советским гражданам, лишенным избирательных прав в период конца 20-х – первой половины 30-х годов XX в. Территориально рассматриваемая тема охватывает западное предместье Москвы. В состав этой местности входили село Фили-Покровское, деревни Фили, Мазилово и Давыдково, поселки Кутузовская слобода и Кунцево (в 1925 г. преобразован в город). Изучаемый район выделялся развитыми промышленностью и сельским хозяйством.

Источниковой базой работы явились документы, хранящиеся в архивах Москвы и Московской области – ЦМАМ и ЦГАМО. Источники представлены именными списками «лишенцев» и членов их семей, протоколами заседаний избирательных комиссий, жалобами, личными делами, справками и т.д. Документы впервые вводятся в научный оборот. В литературе отсутствуют работы по изучаемой территории, хотя указанная проблематика получила достаточное отражение в российской историографии.

В статье выясняется численность «лишенцев» и их погодная динамика по селениям. Особое внимание уделено мотивам лишения, его критериям и правовой обоснованности. Автор затрагивает также вопрос о подходе властей к принципам и механизму восстановления «лишенцев» в правах.

В статье приводятся конкретные данные о судьбах «лишенцев» и членов их семей из среды крестьян и священнослужителей. Изложенные факты указывают на бесправное положение «лишенцев», разрушение общинных и семейных традиций,

связей с обществом. Судя по документам, «лишенцы» становились в социуме изгоями, не имеющими прав на труд, социальные льготы, нормальный быт и отдых. Источники свидетельствуют о том, что Советское государство пытается путем репрессивных форм принуждения и насилия обезопасить себя от идеологически чуждых и враждебных слоев населения. Практически шла генеральная репетиция к «большому террору» 1936–1938 гг.

Публикуемый материал может быть использован при изучении политической истории страны, а также истории местного края.

Ключевые слова: восстановление, крестьяне, «лишенцы», обжалование, отказ, священнослужители, советская власть, угроза

Для цитирования: Прохоров М.Ф. «Лишенцы» западного предместья Москвы конца 20-х – первой половины 30-х годов XX века // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том 15. № 4. С. 92-115

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-92-115

Original article

“LISHENETSY” OF THE WESTERN SUBURBS OF MOSCOW IN THE LATE 20S – THE FIRST HALF OF THE 30S OF THE 20th CENTURY

Mikhail F. PROKHOROV

Russian State University of Tourism and Service

г. Moscow, Russia

2210. mfp@mail.ru

Abstract. The article is devoted to soviet citizens, disenfranchised in the period of the late 20s – the first half of the 30s of the 20th century. The geographically considered topic covers considered topic covers western suburb of Moscow. The composition of this area included Fili-Pokrovskoye village, villages Fili, Mazilovo, Davydkovo, settlements Kutuzovskaya sloboda and Kuntsevo (in 1925 it was transformed into a city). The studied area was distinguished and agriculture.

The source base of the work, stored in the archives of Moscow and the Moscow region – TSMAM and TSGAMO. The sources are represented by personal lists of the deprived and their family members, minutes of meetings of election commissions, complains, personal files, certificates, etc. The documents are being introduced into scientific circulation for the first time. In the literature there are practically no works on the studied territory, although this problem got enough reflection reflected in Russian historiography.

The article finds out the number of deprived and their weather dynamics in the villages. Special attention is paid to the reasons for deprivation, their criteria and legal validity. The author also touches upon the issue of the approach of the authorities in the principles and mechanism of restoring the lishenets, of their rights. The article provides specific data on the fate of the deprived and their family members from among peasants and clergy. The stated facts point to the disenfranchised position of the deprived the destruction of community and family traditions, ties with society.

Judging by the documents the lishenetsy, and their families became outcasts in society having no rights to work social benefits normal life and rest. Sources indicate that the Soviet state is trying through repressive from of coercion and violence to protect itself from ideologically alien and hostile segments of the population. There was practically a general rehearsal for the “great terror” of 1936–1938.

The published material can be used in the study of the political history of the country as well as the history of the local region.

Keywords: recovery, peasants, lishenetsy, appeal, rejection, clergy, Soviet regime, menace.

Для цитирования: Prokhorov M.F. “Lishenetsy” of the western suburbs of Moscow in the late 20s – the first half of the 30s of the 20th century. Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 4. P. 92-115 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-92-115

После Октябрьской революции 1917 г. в России формируется новая советская цивилизация, основанная на большевистской доктрине диктатуры пролетариата, антагонизме классов, отрицании частной собственности на основные средства производства и капитал, ориентации коллективистских начал в социуме. Подобная большевистская позиция коренным образом меняла социально-экономическую, политическую и духовную жизнь общества. При строительстве социалистического государства использовались не только агитационно-воспитательные меры, но и принудительные. К методам насилия с первых дней советской власти относились красный террор, аресты, тюремное заключение, расстрел, конфискация имущества, ссылка, лишение гражданских прав и т.д.

В законодательных и нормативных актах до 1936 г. особое место занимали статьи, связанные с лишением избирательных прав граждан СССР (так называемыми лишенцами). Лица, отдельные социальные группы и слои с клеймом «лишенец» в правовом аспекте являлись изгоями общества, бесправными людьми второго сорта. По законодательству того времени, граждане, неугодные советской

политической системе, не имели права участвовать в пассивном и активном избирательном праве, вступать в профсоюзы или кооперативы, устроиться на работу, участвовать в общественных организациях, получать социальные льготы и кредиты, облагались дополнительными индивидуальными налогами. Члены семей «лишенцев» также находились в аналогичном положении, а образование детей ограничивалось только школой.

В условиях современной социальной трансформации российского общества, появления разнообразных страт и маргинальных групп, их диалога с властью возникает актуальная необходимость изучения трагических взаимоотношений власти и значительной части общества в 20–30-х годах XX в. Такой подход вселяет надежды не повторить подобных драматических ошибок прошлого. Президент РФ В.В. Путин, выступая 8 декабря 2016 г. на заседании Совета по правам человека, подчеркивал: «Нам нужно научиться воспринимать прошлое нашей страны таким, какое оно есть, помнить и светлое, но не забывать и трагические страницы нашей истории» [1].

Изучение указанной тематики имеет не только идейно-политическую, но и историко-культурную значимость, позволяющую лучше понять государственный строй того времени, его сильные и слабые стороны, истоки его будущего распада [2].

Не случайно подобная проблематика не могла не найти отражения в современной российской историографии. В постсоветский период выходят многочисленные публикации, как правило, регионального характера, затрагивающие природу, сущность и последствия такого трагического явления, как лишение избирательных прав. Активно разрабатывается рассматриваемая тема историками Урала, Сибири, Центральной России, Черноземного центра, Поволжья. На диссертационных советах соискатели защищают кандидатские и докторские диссертации по названной тематике. Привлекая материал местных областных архивов, исследователи выясняют особенности формирования института «лишенцев» в том или ином районе, их социальный портрет, взаимоотношения с властью, специфику правового положения, бытовые и материальные условия, последствия нового статусного положения, попытки адаптации к изменившимся реалиям [3].

Ряд работ по своему содержанию и постановке вопросов выходит за рамки локальных исследований и приобретает общероссийский характер. Авторы затрагивают сущность и природу возникновения такой категории населения, как «лишенцы», правовые нормы политики центральной и местной власти и их противоречивый характер, численность «лишенцев», их удельный вес по отношению ко всем жителям СССР, негативные последствия подобной политики для социально-экономической, общественно-политической и духовной жизни страны. Особо подчеркивается дискриминационный характер принимаемых мер, их репрессивная направленность на ликвидацию чуждых советскому

строю враждебных сил. По мнению исследователей, действия властей подрывали традиционные устои семьи и крестьянского мира, создавали атмосферу вражды и ненависти как к власти, так и к обществу. Историки приходят к важному выводу о том, что практика лишения избирательных прав была прелюдией к «большому террору» 1936–1938 гг. [4].

В исторической литературе публикуются работы о положении «лишенцев» из среды священнослужителей, горожан, крестьян, «бывших», чиновников, помещиков и т.п. Выясняются критерии и особенности зачисления в категорию «лишенцев», механизм восстановления в правах или отказ в ходатайстве, судьба пораженных в правах, их место в социуме, взаимоотношения с властью и обществом [5].

Авторы затрагивают вопросы источниковедческого характера: состав и содержание документов, их классификация, приемы и способы анализа и обработки [6].

Появляются и отдельные археографические издания, связанные с публикацией законодательных и нормативных актов, протоколов заседаний местных избирательных комиссий, воспоминаний «лишенцев» [7].

Несмотря на активное изучение в литературе исследуемой темы, до сих пор в ее решении остаются белые пятна. На макроуровне нет обобщающих работ, которые охватывали в комплексе все стороны этих драматических событий в масштабе всей России. На микроуровне остаются неизученными многие локальные территории (села, поселки, волости, уезды, районы). Именно к такой малоизученной местности следует отнести западное предместье Москвы, которое является предметом рассмотрения в данной статье. Эта территория включает ближайшие к Москве сельские поселения – село Фили-Покровское, деревни Фили, Мазилово и Давыдково, поселки Кутузовская слобода и Кунцево (в 1925 г. преобразован в город). По областной реформе 1929 г. поселения Фили, Фили-Покровское и Кутузовская слобода вошли в состав Москвы, а остальные населенные пункты – в Кунцевский район Московской области.

Западный пригород Москвы выделялся развитой инфраструктурой – сельским хозяйством и промышленностью. Здесь проживало более 14 тыс. человек: 9 тыс. горожан и 5 тыс. селян. Кроме коренных жителей, значительная часть населения являлась переселенцами из соседних губерний в пореформенный период, а также во время Первой мировой войны, революционных потрясений и гражданской войны. Среди них были крестьяне, мещане, купцы, священнослужители, чиновники и т.д.

Хронологические рамки темы охватывают период второй половины 1920-х – первой половины 1930-х годов. Это был период кризиса хлебозаготовок 1927/28 гг., перехода на нормированную карточную систему выдачи продовольствия, свертывания нэпа, начала индустриализации и коллективизации.

Тема положения «лишенцев» на рассматриваемой территории практически не изучалась. Имеются лишь отдельные сюжеты об участии «лишенцев» в промысловых занятиях, их положении в Кутузовской слободе и в селе Фили-Покровское [8].

В основу предпринятого исследования положен системный метод, предполагающий комплексный охват многообразных аспектов жизнедеятельности советских граждан, лишенных избирательных прав.

Цель статьи сводится к рассмотрению повседневной жизни такой категории населения, как «лишенцы» из среды сельского населения на территории западного предместья Москвы, их борьбы за выживание и восстановление в гражданских правах. Выясняются причины лишения людей гражданских прав и их правовая обоснованность. Особое внимание уделяется численности «лишенцев» и погодовой динамике распределения. Немаловажное значение имеет вопрос об адаптации «лишенцев» к новым условиям жизни, взаимоотношения с властными структурами и с различными социальными слоями советского социума, последствия репрессивной политики государства.

Источниковой базой исследования являются документы, хранящиеся в архивах Москвы и Московской области (ЦМAM и ЦГАМО) и впервые вводимые в научный оборот. Источники представлены нормативно-законодательными актами, именными списками «лишенцев» и их личными делами, протоколами заседаний избирательных комиссий различного уровня, жалобами и заявлениями лишенных избирательных прав, статистическими сводками, справками. К сожалению, часть документов не сохранилась. Многие архивные материалы были уничтожены во время наступления немецких войск на Москву осенью 1941 г. В частности, это относится к документам Козловского волостного исполнительного комитета (ВИК), Кунцевского районного исполнительного комитета (РИК), Фрунзенского РИК, местных финансово-налоговых учреждений.

Кроме того, после окончания кровопролитной гражданской войны в стране не хватало опытных кадров делопроизводителей, наблюдался дефицит бумаги, а оформление дел на «лишенцев» нередко проводилось небрежно, с ошибками в фамилиях и инициалах, неточностями в указании местожительства. Подобные дела доходили даже до Президиума ВЦИК. В избирательных комиссиях тексты документов печатались на бумаге разных размеров, цвета и качества, часто дела подшивались третьим или четвертым экземпляром документа с угасшим, трудно читаемым текстом. Несмотря на отмеченные недостатки, источники позволяют представить в целом картину реальной жизни «лишенцев» западного предместья Москвы на рубеже 20–30-х годов XX в.

О масштабах репрессивных действий властей по отношению к советским гражданам свидетельствует статистическая обработка личных дел «лишенцев» западного предместья Москвы за вторую половину 1920-х – первую половину 1930-х годов. Как следует из расчетов, начиная с 1925 г. и завершая 1930 г. происходит

неуклонный рост числа пораженных в правах по всем селениям. По деревне Мазилово с 1925 по 1930 г. общее число «лишенцев» увеличилось с 4 человек до 22 (возросло в 5,5 раза), а по деревне Фили – с 12 до 38 человек (возросло в 3,2 раза). В селе Фили-Покровское с 1928 по 1930 г. число лишенных гражданских прав возросло с 32 до 38 человек, а в деревне Давыдково их численность колебалась от 21 до 22 человек. Значительным был прирост пораженных в правах по Кутузовской слободе – с 22 до 98, т.е. в 4,5 раза. За эти годы общее число «лишенцев» составило: в 1928 г. – 161 чел., в 1929 г. – 214 чел. (увеличилось на 33%) и в 1930 г. – 247 человек (увеличилось на 15,4%). Подобное явление было характерно для всей Козловской волости (с 1929 г. Кунцевский район). По неполным данным местной избирательной комиссии, в 1925 г. здесь насчитывалось 216 «лишенцев», в 1926 г. – 292, а в 1931 г. – 964, (по сравнению с 1925 г. возросло в 4,5 раза) [9].

Как уже отмечалось, столь бурный рост численности «лишенцев» связан с усилением напряженности в общественно-политической и экономической жизни страны на рубеже 20-30-х годов XX в. Форсированными темпами осуществляется лозунг «ликвидации кулачества как класса», в состав которого нередко зачисляли не только середняка, но и бедняка, с одновременным включением их в категорию «лишенцев». Следует учитывать и административный нажим в выполнении плана по вопросу о лишении избирательных прав. 25 ноября 1928 г. на заседании поселковой избирательной комиссии в селе Фили-Покровское ее председатель Морозов, по существу, высказал мнение власти, заявив: «Список "лишенцев" очень незначителен, необходимо более тщательно проверить списки всех проживающих, дабы не могли скрыться чуждые элементы».

Нестабильная обстановка не могла не сказаться на политике Советского государства по отношению к лицам, лишенным избирательных прав. Происходит переход от умеренного и взвешенного курса по отношению к «лишенцам» к более жестким мерам и действиям. В частности, начинает учитываться фактор трудовой деятельности населения до революции, а с 1925 г. появляется новая категория – члены семьи «лишенца» [10].

Отметим, что в первой половине 1930-х годов происходит некоторое смягчение законодательства о «лишенцах»: право кулаков-лишенцев и их детей на реабилитацию и восстановление в правах на определенных условиях, усиление роли контрольных функций по учету лиц, пораженных в правах и т.п. Это явление заметно и в западном предместье Москвы: наблюдается постепенное уменьшение численности «лишенцев». По далеко не полным данным сохранившихся личных дел «лишенцев», в 1931 г. гражданских прав были лишены 66 чел., в 1933 г. – 47 чел., 1934 г. – 46 чел. и в 1935 г. – 7 человек (сохранились данные только по трем селениям из пяти). Аналогичная ситуация наблюдалась по всему Кунцевскому району: число «лишенцев» с 1931 по 1934 гг. сократилось с 964 до 421 человека, т.е. в 2,3 раза. По Конституции СССР 1936 года практика лишения избирательных прав была отменена [11].

Итак, анализ погодовой динамики численности «лишенцев» свидетельствует о том, что наивысший рост их количества приходится на 1928–1930 гг., т.е. на период кризиса в экономической, социальной и общественно-политической жизни страны.

Отметим, что доля «лишенцев» от общей численности взрослого населения по всем исследуемым селениям заметно колебалась. По наиболее сохранившимся источникам выборной кампании 1928/29 г. выясняется, что на долю «лишенцев» в Кутузовской слободе выходило 16,3%, в селе Фили-Покровское – 9,5%, в деревнях Давыдково – 9%, Фили – 7,1% и Мазилово – 5,8%. Именно в первых трех селениях были наиболее развиты торгово-промышленные занятия. Отдельные жители имели комбинированное хозяйство, которое включало выращивание продукции на рынок, торговлю, извоз, использование наемной рабочей силы, сдачу построек в аренду и т.п.

Конституция РСФСР 1925 года и нормативно-правовые инструкции по выборам за 1925, 1926, 1930 и 1934 гг. позволяют сгруппировать «лишенцев» по определенным категориям. Критерии такой группировки носили классовый характер и были направлены против зажиточных слоев населения, эксплуатирующих наемную силу, живущих на нетрудовые доходы и уклоняющихся от общественно-полезного труда [12].

По селениям западного предместья Москвы основные категории «лишенцев» распределялись следующим образом. Ведущее положение занимали частные торговцы – 33,5% к общему числу всех учтенных «лишенцев» (349 чел.), далее следовали селяне, живущие на нетрудовые доходы, – 12,3% и лица, прибегающие к наемному труду, – 10%. Эти три категории «лишенцев» составляли более половины (55,8%) от всех пораженных в правах. Немногом меньше трети (29,7%) приходилось на долю членов семей «лишенцев». Небольшую долю (5,1%) составляли священнослужители, которые проживали в селе Фили-Покровское, Кутузовской слободе и деревне Давыдково.

Среди торговцев выделялись Ф.Ф. Виноградов (дер. Фили), С.Я. Шифрин и И.Ф. Ковалев (дер. Давыдково), А.И. Цыганков (дер. Мазилово), В.Е. Надеждин (Кутузовская слобода) и многие другие. Судьба их оказалась незавидной: они были лишены гражданских прав и вынуждены свернуть свой промысел. Так, Ф.Ф. Виноградов, крупный торговец с дореволюционным стажем, устроился сторожем в колхозе «Пробуждение» на Филях. Богатый торговец и подрядчик И.Ф. Ковалев был раскулачен и выслан за пределы Кунцевского района, а А.И. Цыганков отправлен на поселение.

Житель Кутузовской слободы И.В. Поляков, использовавший наемную силу и имевший годовой доход до 4 тыс. руб., ежегодно просил восстановить его в правах, но постоянно получал отказ [13].

Избирательных прав лишались крупные подрядчики гужевого транспорта, использовавшие наемную рабочую силу. Среди подрядчиков дер. Мазилово выделялись В.И. Орлов, имевший до 20 наемных лошадей, в дер. Давыдково – И.Ф. Ковалев и Е.Н. Глебов, а в дер. Фили – Н.Н. Блохин, годовой доход которого от извоза достигал 12 тыс. руб. [14].

В соответствии с законодательством того времени к «лишенцам» относили и тех селян, кто жил на нетрудовые доходы, сдавая в аренду жилые и хозяйственные помещения дачникам, торговцам, рабочим, служащим местных предприятий. Отдельные домовладельцы от такого промысла получали высокий доход – от 1000 руб. и выше (крестьяне Я.В. Добушкин, М.А. Флегонтова, Ц.У. Сулова, и др.) [15].

В условиях борьбы с кулачеством и зажиточными крестьянами, опасаясь преследования властей, часть сельских жителей вынуждена была сворачивать свое хозяйство, распродавая имущество, скот, проводя раздел между ближайшими родственниками. В частности, крестьянин дер. Мазилово А.Т. Пронин в начале 1920-х годов имел 3 дома, 3 лошади, 4 коровы, а в конце – 2 дома, 1 лошадь и 2 коровы. Кроме того, он провел раздел хозяйства, выделив сыну дом и одну лошадь. Его односельчанин О.Т. Синицын вел активную торговлю, за бесценок арендовал землю у бедноты, имел три дома, два из них отдал дочери и сыну, срочно продал лошадь и корову. Отделились от родителей в дер. Фили А.М. Ястребов, И.А. Разбегаев и В.Н. Блохин, который получил при разделе надел земли, сруб, лошадь с упряжью и телегу. В Кутузовской слободе в зажиточной семье «лишенцев» Поляковых сын отделился от отца. Житель дер. Давыдково И.Ф. Ковалев в 1921 г. имел 8 лошадей, 5 коров и 8 наемных рабочих, а в 1930 г. – только 3 коровы. Крестьянка-«лишенка» А.А.Турзина из дер. Фили, отказываясь от недвижимости, все три собственных дома отдала в жилищно-арендное кооперативное товарищество (ЖАКТ). Жители села Фили-Покровское братья Оловянниковы продали свои мастерские и занялись мелким кустарным промыслом. Торговавший в течение многих лет житель дер. Мазилово В. Вольнов свернул свое занятие, оказался в группе бедняков и устроился работать на фабрику № 14 в г. Кунцеве. Не случайно газета «Вперед», печатный орган авиационного завода № 22 на Филиях, писала: «Среди вновь принятых рабочих немало тех, кто продает свой скот, претворяются бедняками и поступают на завод».

Но и эти действия не всегда спасали таких сельских жителей: они, как правило, лишались гражданских прав, им также отказывали в праве на восстановление, мотивируя тем, что после раздела хозяйства прошел незначительный срок, или ставилась резолюция «заявление оставить без последствий». В частности, упомянутый В.Н. Блохин, отделившийся от отца-«лишенца» в 1927 г., в течение почти трех лет доказывал свою лояльность к власти. Он активно участвовал в различных общественных организациях и мероприятиях. Но только 16 апреля 1930 г. Московская окружная избирательная комиссия восстановила

его в избирательных правах, «как не находящегося в материальной зависимости от отца» [16].

Как уже отмечалось, клеймо «лишенец» означало коренное изменение всех сфер жизни человека, превращение его в изгоя. В условиях коллективизации и ликвидации кулачества как класса поражение в правах являлось веским основанием записи селянина в списки кулаков и раскулаченных, высылки из селения и ссылки в северные края в специальные лагеря и поселения. Об этом свидетельствуют документы по отдельным исследуемым селениям.

«Лишенцев» в первую очередь вносили в списки кулаков и раскулаченных. В начале 1930 г. число таких «лишенцев» составило: по деревням Фили – 16 чел., Давыдково – 27 чел., Мазилово – 4 чел. и Кутузовской слободе – 6 человек. Но ситуация заметно меняется после публикации 2 марта 1930 г. в газете «Правда» статьи И.В. Сталина «Головокружение от успехов» с резкой критикой местных властей за ошибки в организации колхозного движения [17].

10 апреля 1930 г. ВЦИК РСФСР издает Постановление «О мерах по устранению нарушений избирательного законодательства и об упорядочении избирательных прав граждан». В нем, в частности, говорилось о создании при исполкомах особых комиссий для оперативного рассмотрения жалоб и заявлений «лишенцев» и правомерности включения в списки раскулаченных сельских жителей, включая «лишенцев». После проверки комиссии при Кунцевском РИК в списках раскулаченных остались: по деревням Фили – 3 чел., Мазилово и Давыдково по 1 чел. в каждой и в Кутузовской слободе – 4 человека. В целом в списке из 53 раскулаченных и лишенных прав осталось только 9 человек (16,8%). Подобные действия местных властей вызвали протест в отдельных сельских общинах. В частности, 21 июля 1930 г. на объединенном собрании сельского совета дер. Мазилово, крестьянской бедноты и правления колхоза «Верный путь» в количестве 282 человек было решено потребовать от властей оставить в списке раскулаченных богатых селян Мелентьевых, Сальниковых и О.Т. Синицына. В постановлении собрания подчеркивалось, что «в этом деле совершенно не учитывалось мнение сельского совета, бедноты и колхоза. В этом вопросе обойдены деревенские организации». Однако местные власти лишь частично удовлетворили требование: оставлен в списках С.С. Сальников, который вскоре был выслан из деревни [18].

Для сельских жителей, пораженных в правах, вводились повышенные суммы сельхозналогов, размеры индивидуального обложения, твердые задания и т.п. К сожалению, имеются данные о размерах сельхозналога раскулаченных «лишенцев» только по двум селениям – Фили и Давыдково. По Филиам на такой двор в среднем выходило 314 руб., а Давыдково – 349 руб. Среди раскулаченных в дер. Фили выделялся А.В. Французов (платил 1437 руб.), а в Давыдково – И.Ф. Ковалев (1527 руб.). Что касается размеров индивидуального обложения, то в документах указаны данные только по отдельным хозяйствам «лишенцев». Как правило, его размеры определялись дополнительными доходами: сдача в аренду жилых и

хозяйственных построек, кустарные промыслы, съемка земли под посевы и т.п. Например, житель дер. Мазилово А.А. Мелентьев облагался 50%-ными поставками картофеля от собранного урожая. Индивидуальное обложение жителя Кутузовской слободы Ф.И. Борисова составляло 75% от суммы назначенного сельхозналога, то есть 169 руб. 50 коп. [19].

Большую угрозу для кулаков-«лишенцев» представляло принудительное выселение с места жительства. Особенно решительную позицию в этом вопросе занял сельсовет дер. Давыдково. 7 февраля 1930 г. совет постановил «всем лишенцам срочно выехать из пределов колхоза, а имущество описать и конфисковать». 29 июля 1931 г. Кунцевский РИК принимает радикальное решение о выселении за пределы района кулацкие хозяйства «лишенцев». По дер. Давыдково выселению подлежало 4 двора, а по дер. Мазилово – 9 [20].

В изучаемых селениях имело место выселение «лишенцев» в Северный край и Сибирь. В начале 1930-х годов в специальный лагерь Кузнецстрой были высланы зажиточные крестьяне из дер. Мазилово Е.В. Цыганков и дер. Давыдково И.Ф. Ковалев. Житель Мазилово Е.П. Бадаев за антисоветскую агитацию отбывал наказание в Беломоро-Балтийском лагере. В этом же лагере трудился бывший настоятель церкви Покрова в Филях А.С. Недумов. В 1933 г. в специальное поселение на севере были направлены жители дер. Мазилово П.П. Обуховник и М.З. Ращицкая. В том же году на север был сослан крестьянин-предприниматель из дер. Фили Н.Н. Блохин [21].

В сохранившихся документах встречаются данные о бытовых, материальных и семейных трудностях «лишенцев». 20 февраля 1928 г. крестьянин из дер. Давыдково И.Ф. Ковалев в своем заявлении сообщил о том, что у него отобрали членскую книжку кооператива и отказали в приеме в школу 2-й ступени 14-летнему сыну, «как сыну отца-лишенца». Жительница той же деревни Е.А. Бычкова в своей жалобе отметила, что пораженная в правах, оставшись без жилья и заборной книжки, «обречена с двумя детьми на голодную смерть». Отдельные сельские жители, лишённые гражданских прав, не имели возможности найти работу. В частности, житель Кутузовской слободы В.С. Головин в своем заявлении писал: «Я лишен сейчас работы лишь в связи с тем, что числюсь в списках лишенцев».

В условиях дискриминационных мер «лишенцы» искали любые пути и способы для благополучия своих семей. Одной из вынужденных защитных реакций было расторжение брака. В целях восстановления в правах и спокойной жизни детей на этот шаг обычно шли супруги священников. Так, в Покровской церкви в Филях, не выдержав давления властей и общественного прессинга, вынуждены были расторгнуть свои браки настоятель храма А.С. Недумов и священник А.А. Глаголев. Бывшая жена А.С. Недумова с сыном Николаем осталась в селе Фили-Покровское и снимала жилье у домовладелицы Н.Я. Гурьевой. А.А. Глаголев был женат на сестре А.С. Недумова Параскеве, имел сына и дочь. После развода с женой оставил дом и поселился в деревне Фили у церковного старосты

М.И. Ястребова. В период «большого террора» 20 августа 1937 г. о. Алексей был арестован и обвинен «в руководстве контрреволюционной церковно-монархической группой». По этому делу проходил также церковный староста М.И. Ястребов. 9 октября 1937 г. они были расстреляны на Бутовском полигоне под Москвой. 26 августа 1937 г. в Филях была арестована схимонахиня Александра (Мария Афанасьевна Червякова), обвиненная за участие в антисоветской группе А. Глаголева [22].

В соответствии с Конституцией РСФСР 1925 года и нормативными актами «лишенцы» могли подать заявление о восстановлении в правах. В исследуемых селениях этим правом воспользовалась большая часть «лишенцев». В нашем распоряжении имеются наиболее сохранившиеся списки «лишенцев», подавших заявления о восстановлении в избирательных правах, по избирательным кампаниям 1928/29 гг. и 1929/30 гг. Нами подсчитано, что в 1929 г. из 116 «лишенцев» 86 (74,1%) направили ходатайства о восстановлении их в правах. В 1930 г. таких желающих оказалось еще больше: из 166 «лишенцев» 131 (78,9%) подали заявления об исключении их из списка пораженных в правах. Подобное явление связано с надеждой на справедливое рассмотрение их дел в соответствии с упомянутым Постановлением ВЦИК РСФСР от 10 апреля 1930 г.

Судя по документам, все «лишенцы» из деревень Мазилово и Давыдково, а также Кутузовской слободы подали подобные заявления. Однако часть «лишенцев» дер. Фили была настроена более скептически: из 39 человек подали заявления только 29 (74,4%). Еще большее недоверие в возможности восстановиться в гражданских правах выразили жители села Фили-Покровское: из 31 «лишенца» подали заявления лишь 6 человек (19,4%).

Избирательные комиссии тщательно подходили к рассмотрению заявлений «лишенцев». Но недостаточный уровень образования и слабое знание законодательных актов не могли не сказаться на решениях местных властей. По довольно неполным данным в западном предместье Москвы в избирательной кампании 1929 г. из 86 поданных заявлений о восстановлении в правах в 67 (77,9%) случаях было отказано. Причем высокий процент отказа был характерен для всех селений (колебался от 54,2% до 100%). Удовлетворены были заявления только 19 «лишенцев» (22,1%). Среди них были жители села Фили-Покровское (5 чел.), дер. Мазилово (10 чел.), Давыдково (4 человека).

Иная картина с восстановлением в правах наблюдается в 1930 г., когда количество поданных жалоб увеличилось до 131, то есть возросло на 52,3%. Восстановления в избирательных правах удалось добиться 53 заявителям (40,5%). Но по-прежнему большинство ходатайств отклонялось, хотя их доля была меньше, чем в 1929 г. (59,5% случаев против 77,9% в 1929 г.). Полностью отказано в восстановлении в правах «лишенцам» села Фили-Покровское (6 человек, все были торговцами). 19 заявлений (65,5%) не были удовлетворены по дер. Фили, а по дер. Давыдково – 8 (38,1%). По Кутузовской слободе было отказано по 32 жалобам

(54,2%), а 27 заявлений (47,8%) были удовлетворены. Особенно высокая доля отказов (81,2%) приходится на деревню Мазилово, в которой социальные отношения в общине носили напряженный характер.

Причины отказа в восстановлении в правах были различны, но все они, как правило, основывались на законодательных и нормативных актах. По дер. Мазилово обычно отказы были связаны с торговлей, применением наемного труда, нетрудовыми доходами. В избирательных комиссиях приводились и развернутые мотивы отказа: «отказать в восстановлении избирательных прав, как крупное кулацкое хозяйство индивидуального обложения». В дер. Фили нередко отказ в восстановлении был связан с тем, что у крестьянина «сельское хозяйство выходит за трудовое», то есть активно используется аренда земли и наемная рабочая сила, промыслы. В дер. Давыдково, как правило, лишали в гражданских правах за частную торговлю. Но были и оригинальные протокольные записи избирательной комиссии: «на работе не проявил себя как передовой работник». В Кутузовской слободе, ориентированной на торговлю, большинство жителей лишались прав как бывшие, так и действующие торговцы, нередко использующие наемную силу [23].

Документы позволяют выяснить мотивы, которыми пользовалась власть при решении вопроса о восстановлении в избирательных правах. Основными условиями для этого были: занятия общественно-полезным трудом в течение не менее пяти лет, лояльность к советской власти, положительные отзывы общественных организаций. В исключительных случаях избирательные комиссии пытаются смягчить недовольство населения по поводу несправедливого лишения избирательных прав. Из-за нечетких формулировок нормативных документов, субъективных факторов, связанных с низким уровнем квалификации и образования членов местных комиссий, личной враждой и местью односельчан и т.п., имело место ошибочное вынесение приговора о поражении в правах. В частности, были случаи, когда в списки «лишенцев» попадали середняки и бедняки. Так, при рассмотрении жалоб по избирательной кампании 1928/29 г. в дер. Мазилово выяснилось, что в списки «лишенцев» ошибочно или осознанно внесли два бедняка и пять середняков. В 1930 г. среди «лишенцев» оказался И.И. Вольнов, хозяйство которого было бедняцким и освобождено от сельхозналога. В дер. Давыдково в 1929 г. из списка «лишенцев» был снят И.М. Глебов, имеющий бедняцкое хозяйство. Формулировки протокольных записей Козловской избирательной комиссии по вопросу о восстановлении в правах были разнообразны и соответствовали духу того времени. В частности, отмечалось: «лоялен к Советской власти», «как ведущий трудовое крестьянское хозяйство», «как занимающегося сельским хозяйством без применения наемного труда», «как ошибочно лишенного избирательных прав», «как окончивший торговлю в 1927 г.» и т.д. [24]

Несправедливость в решении вопросов о поражении в правах вела к негативной реакции и доносам со стороны отдельных крестьян. В январе 1929 г. житель дер. Мазилово М.С. Соколов подает заявление в Козловский ВИК с

просьбой объяснить причины нелишения избирательных прав четырех односельчан, имеющих наемную силу и занимающихся гужевым промыслом. Сам заявитель был активным общественником: добровольцем пошел в Красную армию, был одним из организаторов комсомольской ячейки в деревне, являлся членом культурно-просветительского кружка молодежи при местном клубе. Однако в декабре 1928 г. по дополнительному списку собрания бедноты был лишен гражданских прав за кустарное производство головных уборов с привлечением труда квартирантов, проживавших в его доме. Реакция волисполкома на его заявление была незамедлительной: председатель Титов потребовал «в срочном порядке произвести рассмотрение в отношении лишения избирательных прав лиц, указанных в заявлении Соколова». Судя по документам, местная избирательная комиссия 10 января 1929 г. восстановила гражданские права названных лиц, но Соколову было отказано. Не скрывая чувства обиды, борясь за справедливость, он пишет, по существу, донос на односельчан. После рассмотрения дела в апреле 1929 г. он был восстановлен в правах, а прежние решения по поводу односельчан остались в силе. Имели место и прямые доносы против отдельных граждан-«лишенцев». Сохранилось дело по ложному анонимному обвинению одного из жителей дер. Мазилово, «лишенца», работающего на авиазаводе в Филях, в аморальном поведении и халатном отношении к работе. Но указанные факты не подтвердились. Как видим, антиобщественная черта доносительства, подлежащая моральному осуждению, иногда проявлялась у сельского населения.

Отдельные «лишенцы», стремясь восстановить гражданские права, пытались скрыть компрометирующие их факты, в том числе поражение голоса, использование наемного труда, занятия частной торговлей. Так, по дер. Давыдково установлено тайное использование рабочей силы крестьянином П.И. Блохиным в течение 1926–1929 гг. [25].

Нередко ходатайство о восстановлении права голоса занимало довольно длительное время. В соответствии с инструкциями о выборах заявитель и избирательные комиссии должны были подготовить многочисленные документы для решения вопроса о восстановлении в правах. Для сельского жителя, кроме различных справок биографического характера, необходимы были сведения о размерах его хозяйства до революции и после, где и когда служил в Красной армии, как облагалось хозяйство налогами за последние пять лет, подвергалось ли оно раскулачиванию и т.д. Несмотря на бюрократические преграды, часть «лишенцев» боролась за снятие клейма, проходя все инстанции, начиная от сельских избирательных комиссий и завершая Президиумом ВЦИК. По сохранившимся отрывочным данным подсчитано, что по инстанциям 2-3 года ходило более половины (56,5%) заявителей, 4–6 лет – более трети (34,8%) «лишенцев». Такой длительный путь прошли некоторые жители исследуемых селений. Лишь часть из них добилась восстановления в правах, а многие получили отказы. В Президиуме ВЦИК по дер. Мазилово из 6 рассмотренных заявлений 5 не были удовлетворены, по дер.

Давыдково из 5 были восстановлены в правах 2, а по дер. Фили также 2. В итоге из 13 рассмотренных в ВЦИК заявлений только по 5 было решено восстановить право голоса (М.З. Кацев, И.П. Бычкова, Е.П.Коньков, М.Н.Блохин, Орлова-Антонова) [26].

Следует отметить, что заявления «лишенцев» являются важным источником по изучению не только социально-экономической жизни, но и общественно-политического сознания различных слоев населения изучаемых селений. Среди сохранившихся заявлений особо следует выделить ходатайства о восстановлении в правах Я.В. Добушкина 1863 г. рождения, коренного жителя дер. Мазилово, церковного старосты Знаменского храма в Кунцево. В них дается оценка положения престарелого «лишенца», обремененного сельскохозяйственным налогом и индивидуальным обложением, его взаимоотношений с сельским миром и местной властью и т.п. В течение 1928–1931 гг. он обращался в пять инстанций с просьбой восстановить в правах, но везде получал отказ, включая ВЦИК. Мотив был один – нетрудовой доход в сумме 700–1000 руб., получаемый за счет сдачи в аренду трех собственных домов. В конце 1920-х годов хозяйство приходит в упадок: для обработки земли приходилось нанимать рабочую силу, а приносивший доход картофель «сгнил в поле». Для положительного решения дела о восстановлении в правах и ввиду своего преклонного возраста он отказался от полевого надела и 150 кв. саж. усадебной земли в пользу сельской общины. В заявлении от 8 января 1929 г. в сельскую избирательную комиссию он указывает, что, являясь безземельным, вынужден «прибегать к сдаче помещений, и, следовательно, доход от этого является необходимым средством к существованию». 10 января 1929 г. Добушкин был лишен избирательных прав за использование наемной рабочей силы и нетрудовой доход. Это решение 19 января было утверждено Козловской избирательной комиссией. По ее заключению в собственном хозяйстве «ни земли, ни скота и орудий земледелия нет». Безуспешными оказываются попытки решить дело в Московской областной избирательной комиссии: «жалобу мою оставили без последствий». 28 июня 1931 г. Добушкин направляет заявление во ВЦИК. Документ подготовлен юридически грамотным языком, при этом автор ссылается на нормативные акты, пытаясь обосновать законность своих суждений. При составлении заявления ему явно помогали юридически образованные люди. По его мнению, отсутствие полевого надела и усадебной земли не дают основания применить к нему ст. 15 пункт «е» инструкции о выборах 1930 г. Наличие хозяйственных и жилых построек «не являются основанием для лишения меня и моей жены, избирательных прав». Обосновывая это положение, Добушкин подчеркивает, что постройки «являются результатом производства и общественно-полезного труда всей моей жизни, как крестьянского мелкого кустаря-ремесленника». Заявитель подчеркивает, что подобная ситуация складывается у многих крестьян дер. Мазилово, но они платят не сельскохозяйственный налог, а подоходный. С этим положением автора согласиться трудно: большинство его односельчан, занимаясь

также мелким кустарным промыслом (изготовлением клеток для ловли птиц) и извозом, платили также сельхозналог. Интересны его мысли о доходах, расходах и прожиточном минимуме. По его мнению, при доходе от 700 до 1000 руб. следует учитывать расходы по содержанию жилых и хозяйственных построек. В этом случае доход, «в сущности, сводится к элементарному для двух лиц прожиточному минимуму». Добушкин ставит вопрос о нетрудовом доходе, подчеркивая неправильность подобной формулировки. Его рассуждения по этому поводу сводятся к следующему: «Всю жизнь свою, – пишет он, – я занимался крестьянским трудом и по зимам работал птичьи клетки. Работая день и ночь, отказывал себе часто в самом необходимом, делал сбережения, на какие и возвел имеющиеся у меня постройки». Исходя из этого положения, Яков Викторович заключает: «Таким образом, мои постройки представляют собой реализованный мой труд, а доход с них – это та рента, которая является следствием всей моей многолетней трудовой жизни». При этом он замечает: «Доход мой, на котором я живу, опорочить никак нельзя и квалифицировать его нетрудовым невозможно». Касаясь вопроса о сборе налогов, Добушкин приводит расчеты по своему хозяйству. За все сборы и налоги было выплачено 861 руб., в том числе сельхозналог составлял 324 руб., самообложение – 162 руб., культурное строительство – 324 руб. и страхование – 51 руб. От дохода в 1000 руб. осталось на расходы 139 руб. И автор заявления делает вывод, что «доход ... изъят у меня весь сполна, и я остался без всяких средств к существованию. Я и жена превратились в нищих». В заключении своего горестного повествования Я.В. Добушкин указывает, что пункты избирательной инструкции от 1930 г. «применены ко мне по формальным признакам и совершенно не основательны по существу». Что касается нетрудового дохода, то автор четко указывает, что его труд «будучи плодом всей моей трудовой жизни, является законно приобретенной моей трудовой рентой и вместе с тем единственным источником моего существования». Разумеется, с подобными антисоветскими взглядами власти согласиться не могли, о восстановлении в правах не могло быть и речи.

Мысль о том, что все имущество нажито справедливым и честным трудом, часто проходит в жалобах крестьян-лишенцев деревень Мазилово, Фили и Давыдково. По этому поводу очень трогательно написал в своем заявлении от 25 января 1930 г. житель дер. Фили А.В. Французов. Вернувшись из плена в 1919 г., он пишет: «Лошадь купить было не на что, и я продал последнюю одежду, лишь бы быть крестьянином и иметь лошадь. Я работал из всех сил, обкрадывая себя в куске хлеба». Подобный подход к вопросу о восстановлении в правах давал основание оспорить тезис властей о нетрудовых доходах как одного из основных мотивов лишения гражданских прав [27].

Сохранились заявления и от «бывших», проживающих на территории Филевско-Кунцевской местности – крупных землевладельцев, служащих, купцов, мещан. Среди этой категории «лишенцев» особо следует выделить заявления «бывших»: А.Г. Гурьевой, дочери царскосельского купца, управлявшего имением

Э.Д. Нарышкина в селе Фили-Покровское Г.П. Гурьева и ее невестки, вдовы Н.Я. Гурьевой. В 1928 г. местной поселковой избирательной комиссией они были лишены избирательного права как «бывшие дворяне», живущие на нетрудовые доходы. Однако такая формулировка поражения в правах их не устраивала. В своей жизни они испытали революционное лихолетье, ненависть к дворянскому сословию, были свидетелями конфискации у них земельных угодий, политики уплотнения жилья, враждебного подхода новой власти к «бывшим». Заявители считали необоснованным лишение их гражданских прав. В своем заявлении от 12 января 1929 г. А.Г. Гурьева отмечает, что она «категорически протестует против возведения во дворянство», подчеркивая, что ее род более 100 лет тому назад относился к крепостным крестьянам Нарышкиных. Ее встревожило то, что не только поселковая избирательная комиссия, но и волостная подтверждает факт дворянского происхождения Гурьевых. В новых условиях политической жизни, имея большой жизненный опыт, она прекрасно осознавала опасность иметь дворянские родовые корни. Глубоко верующая и воспитанная, получившая блестящее образование, она не могла противопоставить себя злу и насилию. Судя по заявлению, Александра Григорьевна испытывала значительные материальные затруднения: сбор с квартирантов составлял 50 руб. в месяц, часть из которых шла на содержание дома, страховку и налог. Дополнительным заработком было преподавание музыки в школах Кунцева, но она попала под сокращение штата; редкими для нее были частные уроки. В конце февраля 1929 г. А.Г. Гурьева была восстановлена в правах, «как работающая по найму частными уроками». Однако ее благосостояние не улучшалось. Очевидцы вспоминали, что А.Г. Гурьева часто приходила на почту в поселке Фили-Покровское, читала и писала письма неграмотным жителям, получая небольшое вознаграждение. Александра Григорьевна скончалась от сильного истощения осенью 1942 г.

Более содержательными и решительными были заявления ее невестки Н.Я. Гурьевой. Получив аналогичное извещение о лишении избирательных прав, как бывшая дворянка, живущая на нетрудовые доходы, 17 ноября 1928 г. она пишет жалобу с требованием отменить это решение поселковой избирательной комиссии. Обосновывая свой тезис, Н.Я. Гурьева ссылается на ст. 68 п. «а» Конституции РСФСР и ст. 17 Инструкции о выборах городских и сельских советов от 4 ноября 1926 г. Заявитель указывает на свой преклонный возраст (60 лет), а также на то, что находится на иждивении племянника. В заявлении особо подчеркивается, что ее в течение 11 лет не лишали права голоса. В документе особо отмечается, что «согласно существующим законам СССР, отношусь к категории нетрудоспособных». В категорической форме она отвергает все надуманные обвинения в ее адрес. В частности, в документе затрагиваются вопросы о ее социальном происхождении и доходах. Надежда Яковлевна пишет: «По происхождению своему дочь заведующего почтой в г. Ельце; торговлей никогда не занималась, никаких нетрудовых источников дохода не имею».

Объясняя наличие у нее дачи и ее эксплуатацию, Н.Я. Гурьева обоснованно утверждает, что «плату получает с жильцов, исключительно рабочих и служащих, платящих по Декрету». В месяц сумма квартплаты составляет 50 руб. Одновременно в заявлении ставится вопрос о правомерности ее собственности на дачу. Надежда Яковлевна резонно замечает: «То, что я имею дачу, не может служить основанием к лишению избирательных прав, т.к. многие граждане в поселке имеют собственные дачи, однако гражданских прав не лишаются». В заключение она заявляет: «С момента образования Советской республики никогда избирательных прав не была лишена, и не вижу никаких причин к лишению меня такового права».

Заявления А.Г. и Н.Я. Гурьевых 25 ноября 1928 г. рассматривала поселковая избирательная комиссия. Многие члены этой комиссии работали на авиазаводе № 22. Председателем комиссии был Сухов, один из будущих инициаторов попытки закрыть храм Покрова в Филях – уникального памятника церковного зодчества конца XVII в. На заседании председательствующий заявил: «Заявления Гурьевых неосновательны. Если они в течение 11 лет не были лишены избирательных прав, то это упущение избирательной комиссии». Исход дела был ясен: лишение избирательных прав. Это постановление 1 марта 1929 г. поддержал Президиум Козловского ВИК, заметив, что Н.Я. Гурьева «не проявила себя на общественно-полезной работе». Родственники Надежды Яковлевны потребовали дело Гурьевых рассмотреть в Московской уездной избирательной комиссии. В феврале 1929 г., рассмотрев представленные документы, комиссия восстановила Н.Я. и А.Г. Гурьевых в правах.

Аналогичным оказалось дело еще одного из «бывших», А.Н. Решетилова. В той же поселковой избирательной комиссии 13 января 1929 г. он был лишен гражданских прав, «как бывший дворянин». В своем заявлении от 15 января того же года он отмечает, что родом не дворянин, а казак из Полтавской губернии, служил с 1892 по 1919 г. в Минском отделении бывшего Государственного земельного банка. В советское время работал в различных учреждениях, а также был безработным в течение семи лет. Заявитель резонно заключает: «Я не могу быть приписан к нетрудовым элементам, т.к. всю жизнь я существую на заработки по службе и на пособие по безработице». Стремясь исправить собственную оплошность в определении социального происхождения Решетилова, избирательная комиссия лишь меняет формулировку лишения прав: вместо дворянского сословия указывает, что был непременно членом Минского отделения Крестьянского земельного банка. При этом председатель поселковой комиссии Фили-Покровское Морозов информирует председателя Козловского ВИК: Решетилов «тип антисоветский, прими меры». Понятно, что при такой характеристике статус А.Н. Решетилова как «лишенца» измениться не мог, и он по-прежнему оставался безработным, перебиваясь случайными заработками.

Из среды церковнослужителей сохранились заявления за 1928–1929 гг. псаломщика церкви Покрова в Филях П.И. Успенского. В условиях гражданской войны в поисках работы и жилья в 1920 г. он поступил на вакантное место псаломщика в храм Покрова в Филях. Однако в условиях гонения на церковь и духовенство в 1923 г. он увольняется из церкви Покрова. Вновь начинаются поиски работы, устройство временно на должность преподавателя пения, бесконечные попытки найти постоянное место службы. В 1928 г. избирательная комиссия в поселке Фили-Покровское, где проживала его семья, лишает главу семейства избирательных прав, как служителя культа. Понимая, что с таким клеймом трудно найти работу, он начинает принимать активные меры по восстановлению в гражданских правах. В 1928–1929 гг. в Козловскую избирательную комиссию были направлены два заявления о незаконном поражении его в правах. Заявитель справедливо подчеркивает, что законодательными и нормативными актами псаломщики не подлежат лишению политических прав. К заявлениям постоянно прилагались документы, характеризующие его трудовую и общественную деятельность. Однако его утверждение о том, что псаломщиком он был до 1921 г., не соответствует действительности. Сохранилась клировая ведомость за 1923 г., в которой в качестве псаломщика указана его фамилия. 4 февраля 1929 г. Козловская избирательная комиссия, не вдаваясь в подробности его трудовой деятельности, восстановила его в политических правах, «как работающего по найму в течение 25 лет» [28].

Как видим, несмотря на различное социальное происхождение, «лишенцы» в заявлениях нередко твердо отстаивают собственные позиции, оспаривают обвинения властей в наличии нетрудовых доходов, особо подчеркивают свою трудовую деятельность.

Итак, положение «лишенцев» в западном предместье Москвы как в зеркале отражает общую картину их действительного состояния по всей территории страны. В социально-экономическом отношении разоряется и превращается в маргиналов значительный слой населения. В общественно-политической жизни разрываются семейные и общинные традиции и устои. Одновременно правящая элита укрепляет свои позиции, устраняя неугодные группы населения и используя затем накопленный опыт для репрессий во время «большого террора» 1936–1938 гг.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // <http://kremlin.ru/events/president/news/53440> (дата обращения: 15.07.2023).
2. Похалюк К.А. Историческое прошлое как основание российской политики. На примере выступлений Владимира Путина в 2012–2018 гг. // Российская

- политика. – 2018. – № 4 (191). – С. 6-31; Карпова Н.В. Историческое познание общества как элемент политической культуры // Теория и политика общественного развития. – 2022. – № 12. – С. 44-50.
3. История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917–1980-е гг.): Сб. ст. Отв. ред. В.М. Кириллов. – Екатеринбург, 1997; Морозова Н.М. Лишение избирательных прав на территории Мордовии в 1918–1936 гг.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Саранск, 2005; Федорова Н.А. Лишенцы 1920-х годов: советское сословие отверженных // Исследование социальной политики. – 2007. – Т. 5. – № 4. – С. 483-496; Бахтин В.В. Лишение избирательных прав (на материалах Воронежской области) // История сталинизма: репрессированная российская провинция: Сб. ст. - См.: М.: РОССПЭН, 2011. – С. 538-545.
 4. Красильников А.С. На изломе социальной структуры: маргиналы в послереволюционном российском обществе (1917 – конец 1930-х годов). – Новосибирск: НГУ, 1998; Салматова М.С. Лишенцы // Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920–1930-е годы). Сост. Ю.И. Голиков, С.А. Красильников, В.И. Линкин. – М.: Политическая энциклопедия. - Изд. 2-е. – М., 2017. – С. 31-142; Смирнова Т.М. «Бывшие» люди Советской России: стратегия выживания и пути интеграции. 1918–1936 годы. – М.: Мир истории, 2005; Валуев Д.В. Лишенцы в системе социальных отношений (1918–1936) (на примере Смоленской губернии и Западной области): Смоленск.: Маджента, 2012.
 5. Белоновский В.Н., Кальгина А.П. Правовое положение лишенцев и степень их угрозы советской власти // Образование. Наука. Научные кадры. – 2014. – № 3. – С. 15-19; Москаленская Д.Н. Лишение и восстановление в избирательных правах православных церковнослужителей Западной Сибири в середине 1920-х – середине 1930-х гг. // Вестник Томского гос. ун-та. – 2016. – № 403. – С. 82-86; Панкратова О.Б., Писанов С.С. Политика лишения крестьянства избирательных прав в 20-е – 30-е годы XX века и ее последствия // Вестник Костромского гос. ун-та. – 2018. – № 3. – С. 52-54.
 6. Тихонов В.И., Тяжельников В.С., Юшин И.Ф. Лишение избирательных прав в Москве в 1920-1930-е гг. Новые архивные материалы и методы обработки. – М.: Мосгорархив, 1998; Салматова М.С. Краткий обзор массовых источников, содержащих сведения о лишенных избирательных прав (1926–1936) // Материалы к семинарам-тренингам. Сост. В.М. Кириллов. – Н.Тагил. – 2002. – С. 301-322.
 7. Институт выборов в Советском государстве 1918–1937 гг. в документах, материалах и восприятии современников: Док. сб. Состав.: И.Б. Борисов, Н.А. Веденеев и др. – М.: РОИИП, 2010; Черенин Н.Н. Дневник лишенца. Кашин в 1930–1931 гг. – М., 2011: Социальный портрет лишенца (на материалах Урала): Сб. док-тов. – Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 1996.

8. Михайлов Б. Храм в Филях. История прихода храма Покрова Пресвятой Богородицы в Филях XVII–XX века. – М.: ОГИ, 2002. – С.179-180, 193-194, 191, 201, 217; Прохоров М.Ф. Из истории Кутузовской слободы в 1900–1930-е годы // Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. – М.: Изд-во ЦГА Москвы, 2004. – С. 153-157; Прохоров М.Ф. Кустарно-промысловые занятия сельских жителей и их кооперирование в Западном Подмоскowie в годы нэп // Актуальные проблемы региональной истории: Мат-лы III Всерос. науч. конф. – Ижевск, ИГУ, 2022. – С. 223-232.
9. Центральный государственный архив Московской области (далее – ЦГАМО). Ф.65. Оп.3. Д.44; Ф.744. Оп.1. Д.534. Л.135, 153, 174; Ф.2213. Оп.1. Д.1. Л.41-46; Д.3. Л.91-97; Д.7. Л.30-32, 80; Д.40. Л.83-85; Д.42. Л.61-62; Д.173. Л.7-12,43; Д.302. Л.10-12.
10. ЦГАМО. Ф.2213. Д.1. Л.144; Красильников С.А. На изломах социальной структуры. – Новосибирск: НГУ, 1998. – С. 15-17; Ергина Н.М. Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельской местности Мордовии и Татарстана) // Известия Алтайского гос. ун-та. – 2011. – С. 84-89.
11. Центральный муниципальный архив Москвы (далее – ЦМАМ). Ф.3118. Оп.1. Д.53. Л.2; Д.57. Л.5; Д.71. Л.1-12; ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.35. Л.20; Д.41. Л.33, 36, 70, 106, 187, 194, 227, 274; Д.53. Л.21, 29, 31; Д.55. Л.6-8; Д.416. Л.70, 184.
12. Институт выборов в Советском государстве... – С. 86, 103-104, 114-117; СУ РСФСР. – 1930. – № 154; СЗ СССР за 1934. – № 50. Ст. 395.
13. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.18. Л.1-17; Д.50. Л.65-67; Д.71. Л.1-12.
14. ЦМАМ. Ф.3118. Оп.1. Д.57. Л.3-4.; ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.18. Л.1-14; Д.173. Л.31-33.
15. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.31. Л.25-26; Д.142. Л.8; Д.173. Л.39, 42.
16. ЦМАМ. Ф.3118. Оп.1. Д.427. Л.2-3; ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.18. Л.1-17; Д.31. Л.25-28; Д.53. Л.161; Д.87. Л.1-2; Вперед. 30 нояб. 1930 г.
17. Сталин И.В. Головокружение от успехов: к вопросам колхозного движения // Сочинения. – М.: ОГИЗ, ГИПЛ. – 1949. – Т. 12. – С. 191-199.
18. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.28. Л.48-49; Д.31. Л.25-27; СУ РСФСР. – 1930. – № 18.
19. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.29. Л.56; Д.173. Л.39, 42.
20. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.31. Л.203, 238; Д.50. Л.65-67.
21. ЦМАМ. Ф.3118. Оп.1. Д.53. Л.3; ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.35. Л.19; Д.53. Л.2.
22. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.7. Л.38; Михайлов Б. Указ. соч. – С. 216-217.
23. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.4. Л.61; Д.7. Л.19 -20; Д.18. Л.1-14, 27-29; Д.35. Л.12, 15; Д.53. Л.29; Д.173. Л.10, 12.
24. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.7. Л.2; Д.18. Л.1-19, 82; Д.31. Л.304; Д.42. Л.63; Д.87. Л.1-2.

25. ЦГАМО. Ф.261. Оп.1. Д.104. Л.24; Ф.2213. Оп.1. Д.1. Л.81; Д.9. Л.9; Д.41. Л.6; Д.173. Л.5-27.
26. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.41. Л.305; Д.55. Л.21, 25.
27. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.3. Л.6, 58-59; Д.31. Л.281, 290-291, 304; Д.142. Л.2-9; Д.173. Л.20-22.
28. ЦГАМО. Ф.2213. Оп.1. Д.1. Л.144; Д.3. Л.92-93; Д.302. Л.1-12, 15-18; Б. Михайлов. Указ. соч. – С. 180, 191-194.

REFERENCES

1. Meeting of the Council for the Development of Civil Society and Human Rights. <http://Kremlin.ru/events/president/news/53440> (date of address: 15.07.2023).
2. Pokhalyuk K.A. Historical Past as the Basis of Russian Policy. On the example of Vladimir Putin's speeches in 2012-2018. Russian Politics. 2018. № 4 (191). P. 6-31; Karpova N.V. Historical cognition of society as an element of political culture. Theory and policy of social development. 2022. № 12. С. 44-50.
3. History of Repressions in the Urals: Ideology, Policy, Practice (1917-1980s): Collection of articles. Ed. by V.M. Kirillov. - Ekaterinburg, 1997; Morozova N.M. Deprivation of electoral rights on the territory of Mordovia in 1918-1936: Author's thesis. ... kand. ist. nauk. - Saransk, 2005; Fedorova N.A. Lichentsy 1920-ies: Soviet estate of outcasts. Social Policy Research. 2007. Т. 5. № 4. С. 483-496; Bakhtin V.V.. Deprivation of electoral rights (on the materials of the Voronezh region). History of Stalinism: repressed Russian province: Collected articles. = See: M.: ROSSPEN, 2011. С. 538-545.
4. Krasilnikov A.S. On the break of social structure: marginalised people in post-revolutionary Russian society (1917 - late 1930s). -Novosibirsk: NSU, 1998; Salmatova M.S. Lichentsy. Marginaly v sotsium. Marginalised as a society. Siberia (1920-1930s). Compiled by Y.I. Golikov. Y.I. Golikov, S.A. Krasilnikov, V.I. Linkin. - Moscow: Political Encyclopaedia. - Ed. 2nd. - M., 2017. - С. 31-142; Smirnova T.M. "Former" people of Soviet Russia: strategy of survival and ways of integration. 1918-1936 years. M.: Mir istorii, 2005; Valuev D.V. Lishentsy v sisteme sotsial'nykh sotsial'nykh relatsii (1918-1936) (on the example of Smolensk province and Western region). See: Smolensk: Magenta, 2012.
5. Belonovsky V.N., Kalgina A.P. Legal status of the deprived and the degree of their threat to the Soviet power. Education. Nauka. Nauchnye cadres. 2014. № 3. P. 15-19; Moskalenskaya D.N. Deprivation and restoration in the electoral rights of Orthodox clergy of Western Siberia in the mid-1920s - mid-1930s. Bulletin of Tomsk State University. 2016. № 403. P. 82-86; Pankratova O.B., Pisanov S.S. The policy of depriving the peasantry of electoral rights in the 20s - 30s of the XX century and its consequences. Vestnik of Kostroma State Univ. 2018. № 3. С. 52-54.

6. Tikhonov V.I., Tyazhelnikov V.S., Yushin I.F. Deprivation of voting rights in Moscow in 1920-1930s. New archival materials and methods of processing. - Moscow: Mosgorarkhiv, 1998; Salamatova M.S. A brief review of mass sources containing information about the deprived of voting rights (1926-1936). Materials for seminars and trainings. Compiled by V.M. Kirillov. V.M. Kirillov. N.Tagil. 2002. C. 301-322.
7. Institute of Elections in the Soviet State 1918-1937 in documents, materials and perception of contemporaries: Dok. sb. Composition: I.B. Borisov, N.A. Vedeneev et al. Moscow: ROIIP, 2010; Cherenin N.N. Diary of a deprived person. Kashin in 1930-1931. M., 2011: Social portrait of the deprived (on the materials of the Urals): Sb. docs. Ekaterinburg: Izd-vo UrSU, 1996.
8. Mikhailov B. The Temple in Fili. History of the parish of the Church of the Intercession of the Most Holy Mother of God in Fili of the XVII-XX centuries. M.: OGI, 2002. P.179-180, 193-194, 191, 201, 217; Prokhorov M.F. From the history of Kutuzovskaya Sloboda in 1900-1930s. The Epoch of the Napoleonic Wars: People, Events, Ideas. Moscow: Izd-vo TsGA Moscow, 2004. P. 153-157; Prokhorov M.F. Artisanal and craft activities of rural residents and their co-operation in the Western Moscow region in the years of the NEP. Actual problems of regional history: Proceedings of the III All-Russian scientific conference. Izhevsk, IGU, 2022. P. 223-232.
9. Central State Archive of the Moscow Region (hereinafter - TsGAMO). Ф.65. Op.3. D.44; F.744. Op.1. Д.534. L.135, 153, 174; F.2213. Op.1. Д.1. L.41-46; D.3. L.91-97; D.7. L.30-32, 80; D.40. L.83-85; D.42. L.61-62; D.173. L.7-12, 43; D.302. Л.10-12.
10. TSGAMO. Ф.2213. Д.1. L.144; Krasilnikov S.A. On the breaks of the social structure. Novosibirsk: NSU, 1998. P. 15-17; Ergina N.M. Deprivation of voting rights in the campaign of elections to the Soviets in 1928-1929 in the national regions of the Volga region (on the example of rural areas of Mordovia and Tatarstan). Izvestiya Altayskogo gos. un-ta. - 2011. P. 84-89.
11. Central Municipal Archive of Moscow (hereinafter - CMAM). Ф.3118. Op.1. Д.53. L.2; D.57. L.5; D.71. L.1-12; TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.35. L.20; D.41. L.33, 36, 70, 106, 187, 194, 227, 274; D.53. L.21, 29, 31; D.55. L.6-8; D.416. Л.70, 184.
12. The Institute of Elections in the Soviet State... - P. 86, 103-104, 114-117; SU RSFSR. - 1930. - No. 154; NW of the USSR for 1934. - № 50. Art. 395.
13. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. D.18. L.1-17; D.50. L.65-67; D.71. Л.1-12.
14. CMAM. Ф.3118. Op.1. D.57. L.3-4; TSGAMO. Ф.2213. Op.1. D.18. L.1-14; D.173. Л.31-33.
15. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. D.31. L.25-26; D.142. L.8; D.173. Л.39, 42.
16. CMAM. Ф.3118. Op.1. Д.427. L.2-3; TSGAMO. Ф.2213. Op.1. D.18. L.1-17; D.31. L.25-28; D.53. L.161; D.87. L.1-2; Vpered. 30 November 1930.
17. Stalin, I.V. Dizziness from success: on the issues of the collective farm movement. Works. - Moscow: OGIZ, GIPL. 1949. Vol. 12. P. 191-199.
18. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.28. L.48-49; D.31. L.25-27; SU RSFSR. 1930. NO. 18.

19. TSGAMO. F.2213. Op.1. Д.29. L.56; D.173. Л.39, 42
20. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.31. L.203, 238; D.50. Л.65-67.
21. TSAM. Ф.3118. Op.1. Д.53. L.3; TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.35. Л.19; Д.53. Л.2.
22. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.7. L.38; Mikhailov B., op. cit.
23. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.4. L.61; D.7. L.19-20; D.18. L.1-14, 27-29; D.35. L.12, 15; D.53. L.29; D.173. Л.10, 12.
24. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.7. L.2; D.18. L.1-19, 82; D.31. L.304; D.42. L.63; D.87. Л.1-2.
25. TSGAMO. Ф.261. Op.1. Д.104. L.24; F.2213. Op.1. Д.1. L.81; D.9. L.9; D.41. L.6; D.173. Л.5-27.
26. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.41. L.305; D.55. Л.21, 25.
27. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.3. L.6, 58-59; D.31. L.281, 290-291, 304; D.142. L.2-9; D.173. Л.20-22.
28. TSGAMO. Ф.2213. Op.1. Д.1. L.144; D.3. L.92-93; D.302. L.1-12, 15-18; B. Mikhailov. Op. cit. p. 180, 191-194.

Информация об авторе: Прохоров Михаил Федорович, профессор, доктор исторических наук, профессор Института туризма и гостеприимства (г. Москва) (филиал) ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса».125438, г. Москва, Кронштадтский бульвар, д.32 А.
e-mail: 2210.mfp@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Prokhorov Mikhail Fedorovich, Professor, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Institute of Tourism and Hospitality (Moscow) (branch) FSBEI VO "Russian State University of Tourism and Service".125438, Moscow, Kronstadtsky Boulevard, 32 A.
e-mail: 2210.mfp@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 27.06.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 15.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.08.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

Прохоров М.Ф. 2023

© «ИСОМ». 2023

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-116-125

УДК 94(47+57)

**ПАРТИЗАНСКИЙ ОТРЯД РЯЗАНСКОГО РАЙОНА
КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ.
АВГУСТ – ОКТЯБРЬ 1942 г. ДОКУМЕНТАЛЬНАЯ ХРОНИКА**

Игорь Григорьевич ИВАНЦОВ

Краснодарское высшее военное училище им. С.М. Штеменко

г. Краснодар, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

IG23@yandex.ru

Аннотация. 9 октября 2023 г. Краснодарский край отмечает юбилейную дату – 80-летнюю годовщину очищения Кубани от войск германских фашистов. Тяжелый период вражеской оккупации принес неисчислимые беды. Тем не менее население Кубани оказывало сопротивление, проявившее себя в виде организованного партизанского движения. Сформированные партизанские отряды внесли свой вклад в общее дело Победы. Вклад был разным, как и боевая деятельность, и сама судьба партизанских отрядов. Партизанское движение на Кубани, как и в целом по стране, испытывало разного рода трудности. Причиной тому были организационные проблемы, порожденные неожиданной оккупацией, плохим материально-техническим обеспечением и снабжением отрядов. Осложнял их деятельность и коллаборационизм части населения (незначительной), ставшей сотрудничать с оккупантами. Во многих неудачах сыграл свою роль плохой подбор большинства командного состава партизанских отрядов, у которого отсутствовал опыт партизанской борьбы, как и военный опыт вообще. Статья посвящена недолгому боевому пути партизанского отряда Рязанского района Краснодарского края, хронике его не вполне удачной боевой деятельности.

Ключевые слова: вооруженное противостояние, Краснодарский край, коллаборационизм, оккупация, партизанское движение

Для цитирования: Иванцов И.Г. Партизанский отряд Рязанского района Краснодарского края. август – октябрь 1942 г. документальная хроника // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том 15. № 4. С. 116-125
DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-116-125

Original article

PARTISAN TEAM OF THE RYAZAN DISTRICT OF THE KRASNODAR REGION. AUGUST – OCTOBER 1942. DOCUMENTARY CHRONICLE

Igor G. IVANTSOV

Krasnodar Higher Military School by the name of S.M. Stemenko

Krasnodar, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

IIG23@yandex.ru

Abstract. On October 9, 2023, the Krasnodar Territory celebrates a jubilee date – the 80th anniversary of the cleansing of the Kuban from the German fascist troops. The difficult period of enemy occupation brought incalculable troubles. Nevertheless, the population of the Kuban resisted, which manifested itself in the form of an organized partisan movement. The formed partisan detachments contributed to the common cause of the Victory. The contribution was different, as was the combat activity, and the very fate of the partisan detachments. The partisan movement in the Kuban, as well as throughout the country, experienced all sorts of difficulties. The reason for this was the organizational problems generated by the unexpected occupation, poor logistics and supplies of the detachments. Their activities were also complicated by the collaborationism of a part of the population (insignificant), who began to cooperate with the invaders. In many failures, the poor selection of the majority of the commanders of the partisan detachments, who had no experience in partisan struggle, as well as military experience in general, played a role. The article is devoted to the short combat path of the partisan detachment of the Ryazan region of the Krasnodar Territory, the chronicle of its not entirely successful combat activity.

Keywords: armed confrontation, Krasnodar Territory, collaborationism, occupation, partisan movement

For citation: Ivantsov I.G. Partisan team of the Ryazan district of the Krasnodar region. august – october 1942. Documentary chronicle. Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 4. P. 116-125. (In Russ.).
DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-116-125

Историография организованного партизанского движения на Кубани довольно обширна и относится к актуальным научным проблемам. История этого движения подробно рассмотрена как в многочисленных обобщающих исследованиях [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7], в том числе и диссертационных [8], так и в исследованиях локального характера, где изучались разные аспекты деятельности партизан в отдельных районах Краснодарского края [9; 10; 11].

Опубликованы насыщенные малоизвестными фактами исследования по данной теме. Тем не менее есть и (по разным причинам) не до конца раскрытые проблемы. К их числу относятся вопросы эффективности и боевой результативности в вооруженном противостоянии с врагом организованных партизанских отрядов на Кубани. Это можно объяснить в первую очередь отсутствием документальных источников, находящихся в работе исследователей. В настоящей публикации сделана попытка внести некоторые уточнения и дополнения в эти вопросы.

Краснодарский край был полностью очищен от немецко-фашистских захватчиков, их союзников и пособников в октябре 1943 г. Этот год является особым в народной памяти, как год коренного перелома в Великой Отечественной войне. Долгожданное изгнание врага с временно захваченной им части Северного Кавказа произошло сразу после окончания Сталинградской битвы, окончившейся полным разгромом мощнейшей войсковой группировки врага численностью около 270 тысяч. Начало освобождения Северного Кавказа в целом и Кубани в частности стало прологом к дальнейшему наступлению Красной Армии и затем полному освобождению всех захваченных территорий СССР. Свой посильный и немалый вклад в дело Победы внесли и организованные партизанские отряды на Кубани, бойцы и командиры которых оказывали врагу вооруженное сопротивление, нанося существенный урон.

Боевой деятельности и судьбам бойцов одного из них – отряда Рязанского района Нефтегорского (Апшеронского) партизанского куста – и посвящена статья.

Боевой путь партизанского отряда Рязанского района Краснодарского края отражен в лицевом счете отряда, содержащем основные сведения о его деятельности в период с 10 августа 1942 г. по 1 февраля 1943 г., и представлен в виде справки Краевому штабу партизанского движения. Далее с сокращениями приводится основной текст документа.

Из справки Краевому штабу партизанского движения о деятельности партизанского отряда Рязанского района:

«Отряд был организован 10 августа 1942 года, в день, когда немцы находились от центра станицы Рязанской на расстоянии 12 км.

В составе отряда насчитывался 81 человек. База продовольствия и боеприпасов была создана в тот же день 10 августа вблизи станицы Гурийской, в лесу, на расстоянии 4 км от станицы. Там же находилась и первая стоянка отряда.

Свою деятельность отряд начал уже 11 августа. Были утверждены командир отряда тов. Казарин, председатель райисполкома (РИК) Рязанского района, комиссар отряда тов. Смирнов, секретарь районного комитета (РК) ВКП(б).

Отряд сразу был поделен на 4 группы, и поэтому в каждой группе были также утверждены свой командир и комиссар. В тот же день по предложению первого секретаря РК ВКП(б) Рязанского района тов. Сироты был создан партийный комитет, куда вошли т.т. Сирота, Казарин, Швецов начальник районного отдела (РО) НКВД.

Несмотря на то, что отряд был разделен на четыре группы, все они находились под общим руководством Казарина, Швецова, Сироты.

Боевые действия отряда были начаты 15 августа, ежедневно велась разведывательная работа по станциям Рязанской, Гурийской, Черниговской. В это время было установлено, что немцы заняли населенные пункты Рязанского района 10-11 августа.

17 августа группа партизан под руководством тов. Казарина произвела первую боевую операцию на дороге между станциями Черниговской и Пишхской. В результате этой группой была разбита грузовая 6-тонная машина, нагруженная печеным хлебом. Были убиты сопровождавшие груз 2 немецких солдата и унтер-офицер.

Через два дня в этом месте немцы усиленно прочесывали лес отрядом автоматчиков и бомбили прилегающие участки леса с самолетов.

В проведенной операции первую роль сыграли тов. Казарин и партизан отряда тов. Неделько. Именно они вывели машину из строя и убили фашистов.

В течение августа-месяца были проведены три боевые операции по уничтожению телефонно-телеграфной линии связи немцев. Провода снимались партизанами Силаенко, Голубевым и Абищенко [ЦДНИКК. Ф.4373. Оп.1. Д.235. Л.1].

28 августа группа под командованием тов. Анищенко (директор Черниговской машинно-тракторной станции (МТС)) на дороге станция Гурийская – Горячий Ключ обстреляла одну грузовую и одну легковую машины немцев (в последней ехали 4 офицера). В результате завязавшегося краткосрочного боя было убито 4 фашиста, 1 тяжело ранен, и на другой день, как установила разведка, он умер.

2 сентября группа под командованием тов. Олейникова начала движение на станцию Рязанскую по направлению к Красногвардейскому району и станции Белореченской.

Перед группой была поставлена цель: разведать, какова обстановка и что делается в станице Рязанской и колхозах Войскового совета, а также связаться с партизанскими отрядами Белореченского и Красногвардейского районов.

Эта группа попала в засады фашистов и белогвардейцев как раз в тот момент, когда они прочесывали леса вокруг станицы Рязанской. Силы фашистов во много раз превосходили. Группа сумела возвратиться назад в отряд, но потеряла двоих товарищей. Кроме того, фашисты захватили двух разведчиков: тов. Лисицына Якова Павловича (заведующий районной сберкассой) и Марусю Длипер (медсестру). Немцы их связали и отправили в станицу Белореченскую, в главный немецкий штаб.

24-25 августа местные кулаки, немецкие подпевалы станицы Гурийской, с помощью и при поддержке отряда немецких автоматчиков, прочесывая лес, обнаружили базу отряда, где хранились продукты и боеприпасы, которые были увезены ими.

Отряд остался без продуктов и боеприпасов. На партсобрании отряда, 19 сентября, был поставлен вопрос о реорганизации отряда (сокращении его в соответствии с остатком продовольствия). Было решено оставить одну группу в составе 16 человек на месте, а другой направиться к линии фронта с целью связаться с ближайшим партизанским отрядом или с частями Красной Армии [ЦДНИКК. Ф.4373. Оп.1. Д.235. Л.2].

20 сентября группа в составе 51 человека направилась к линии фронта и 28 сентября прибыла на ферму (за селом Хамышки), которая стала их базой. Здесь партсобрание решило отпустить из отряда 19 человек партизан по болезни и пожилых – малонадежных. Из Хамышковых на ферме оставалось 26 человек. Этой группой остались командовать командир тов. Лукашин и комиссар тов. Казарин.

В группе тов. Анищенко оставалось 16 человек. Первая цифра состава партизанского отряда изменилась в сторону уменьшения в следующем виде: в первую декаду августа самовольно, без ведома командования отряд покинули 8 человек:

1. Еремин – заведующий ремонтно-тракторной мастерской МТС, кандидат ВКП(б), перед организацией отряда объяснил, что он потерял партийную кандидатскую карточку. Партсобрание признало, что он ее уничтожил. Проживал в станице Черниговской. Ушел из отряда тихо, незаметно, не поставив в известность командира.

2. Кукоба – инспектор Райфо, член ВКП(б), ушел из отряда самовольно, после того как его нашла в лесу жена, затем проживал в станице Рязанской.

3. Чуб – инспектор районного отдела милиции, кандидат ВКП(б), ушел без ведома командира отряда, затем проживал в станице Черниговской.

4. Корнеев – председатель Рязанского сельсовета, беспартийный, пошел на разведку и не возвратился, затем проживал в хуторе Яровой, Рязанского сельсовета.

5. Толмачев – милиционер Рязанского РО НКВД, беспартийный, ушел самовольно, дальнейшее место проживания было неизвестно.

6. Костенко – механик Рязанской МТС, беспартийный, ушел в разведку и остался дома в станице Рязанской.

7. Сапруненко – член ВКП(б), председатель колхоза им. Красной Армии, ушел из отряда к семье, проживавшей в колхозе "Норкянк" Рязанского района.

8. Бутов – завхоз колхоза им. Кирова, член ВКП(б), был послан на линейке за остальными продуктами отряда и не вернулся, поехал домой в станицу Рязанскую.

В последних числах августа-месяца, перед тем как перевести отряд в другое место, командованием отряда были отпущены по домам 47 человек. По пропуску НКВД в Хамышках из отряда было отпущено 8 человек (работники РО НКВД и милиции). Также по болезни из Хамышковых было отпущено еще 19 человек.

Отрядом было издано и распространено около 6000 различных листовок, в этих целях в отряде имелся радиоаппарат».

Дата составления справки – 31.10.1942 г.

Печать.

Составитель – подпись – Умеренков [ЦДНИКК. Ф.4373. Оп.1. Д.235. Л.3].

Кто такой составитель справки Умеренков, его должность и данные, автору статьи выяснить не удалось. Кроме того, в материалах приведенного архивного документа нет никаких сведений о дальнейшей судьбе перечисленных восьми лиц, которые, согласно тексту справки, самовольно покинули отряд. Автор статьи опирается только на указанную выше архивную справку и не располагает данными об обвинении их в дезертирстве или привлечении к какой-либо ответственности.

Далее вниманию представляются сведения о результатах боевых операций отряда:

«Совершенно секретно.

Лицевой счет Рязанского партизанского отряда по состоянию на 1.02.43 г.

Количество партизан в отряде – 38.

Командир – Казарин. Комиссар – Сирота.

Результаты боевых операций: всего убито, ранено, взято в плен – 8 гитлеровцев.

Из них убито: офицеров – 4; солдат – 4; уничтожена 1 автомашина. Потери отряда: захвачено в плен противником – 2 человека» [ЦДНИКК. Ф.4373. Оп.1. Д.235. Л.7].

Необходимо заметить, что в тексте справки под кулаками и белогвардейцами подразумеваются пособники оккупантов. Ведя борьбу с партизанами, фашисты активно использовали агентуру, насаждая своих негласных источников в партизанские отряды и среди местного населения. Как только немецкие войска занимали тот или иной населенный пункт, гестаповцы сразу же приступали к вербовке населения. Пускали в ход все средства, начиная с хорошего обращения и кончая пытками, вплоть до расстрела, заставляя жителей давать подписку в том, что они обязуются служить им верой и правдой и работать по их заданиям. Завербованные помогали оккупантам выявлять дислокацию и численность партизанских отрядов, их партийную прослойку, совершать теракты в отношении командно-политического состава.

Боевую деятельность партизанского отряда Рязанского района нельзя признать эффективной. Отряд был организован поспешно. Его руководство не имело никакого партизанского и тем более военного опыта.

Были и другие отряды, которые себя не проявили. Так, 20.03.1943 г. Командир партизанских отрядов Краснодарского куста И.И. Поздняк в итоговом отчете о деятельности партизанских отрядов Краснодарского куста так отзывался о боевой эффективности партизанского отряда «Кировец» Кировского района г. Краснодара: «Из-за плохого подбора командного состава позорное место заняли в кусте такие отряды, как "Кировец", ограничившийся, по сути дела, только разведкой в тылу противника, и отряд "Кочубеевец" Гражданского района, который в боевых операциях дал мизерные результаты» [ЦДНИКК. Ф.4373. Оп.1. Д.153. Л.7-8].

Таким образом, не все организованные партизанские отряды на Кубани были эффективны в своих действиях. Тому был целый ряд причин. Поспешно организованный 10 августа 1942 г. партизанский отряд Рязанского района уже 19 сентября начал распадаться, как следует из текста справки о деятельности отряда. Отряд действовал в чрезвычайно неблагоприятных, стесненных условиях лесистой горной местности, фактически в окружении (неполном) воинских частей врага. Имея очень слабое вооружение, отряд быстро лишился продовольствия и боеприпасов, которые были обнаружены и изъяты немцами. Некоторые бойцы покинули его самовольно, в связи с бесперспективностью дальнейшего существования. Результаты боевых действий против врага были малозначимы, особенно на фоне других, успешных отрядов. Основные успехи он имел лишь в полном составе и немногим более месяца. После распада отряда его остатки свернули свою активную деятельность. Сыграли свою роль и действия предателей и фашистских пособников, хорошо знавших местность и помогавших врагу устраивать засады партизанам, выдавать их гестапо.

Вместе с тем очень важно, что, несмотря на просчеты в организации отряда, борьба с немецкими захватчиками в Рязанском районе не прекращалась, принимая различные формы, вплоть до полного их изгнания, которое произошло 30 января 1943 г.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Вклад кубанцев в победу над фашизмом. – Краснодар: Краснодарские известия, 1996. – 96 с.
2. Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 / П.К. Пономаренко; Отв. ред. А.М. Самсонов; [Предисл. Г.А. Куманева]; АН СССР, Ин-т истории СССР. – М.: Наука, 1986. – 438 с.
3. Документы отваги и героизма. Кубань в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Сборник документов и материалов / Парт. архив Краснодарского крайкома КПСС. Архивный отд. Исполкома Краснодарского краев. Совета депутатов трудящихся. Гос. архив Краснодарского края. – Краснодар: Книжное издательство, 1965. – 296 с.
4. Латкин В.Ф. Народные мстители // В боях за Кубань. – Краснодар: Книжное издательство, 1958. – С. 149-167.
5. Партизаны Кубани. По материалам архивов УФСБ России по Краснодарскому краю и Центра документации новейшей истории Краснодарского края / Администрация Краснодарского края. – Краснодар: Диапазон-В, 2012. – 160 с.
6. Самойло Н.А. Коммунисты Краснодарского края во главе партизанской борьбы на Кубани (1942–1943 гг.) // Вопросы истории КПСС. – 1962. – № 4. – С. 117-129.
7. Кринко Е.Ф. Партизанское движение на Кубани и Ставрополье в годы Великой Отечественной войны: историография проблемы / Е.Ф. Кринко // Научная мысль Кавказа. – 2005. – № 1. – С. 27-35.
8. Евтушенко Ю.Л. Партизанское движение на Кубани в период Великой Отечественной войны: Дис. ... канд. ист. наук. – Армавир, 2005. – 186 с.
9. Сивков С.М. Деятельность партизанского отряда «Буря» Абинского района Краснодарского края в период Великой Отечественной войны. 1942–1943 гг. // Черноморско-средиземноморский регион в контексте национальных интересов России: история, политика, культура: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Судак, 13–15 мая 2022 г. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2022. – С. 237-241.
10. Сивков С.М. Деятельность партизанского отряда Лабинского района Краснодарского края в период оккупации немецко-фашистскими захватчиками в 1942–1943 годах // 1943: Великий перелом: Мат-лы Всерос. науч.-практ. конф., Краснодар, 16 февраля 2023 г. – Краснодар: Краснодарский государственный институт культуры, 2023. – С. 70-75.

11. Сивков С.М. Деятельность партизанского отряда «Саратовский» Горяче-Ключевского района Краснодарского края в период 1942–1943 гг. // Черноморско-Средиземноморский регион в системе национальной безопасности России: к 240-летию присоединения Крыма и Кубани к России и 80-летию освобождения Краснодарского края от немецко-фашистских захватчиков: Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., Темрюк, 21–23 апреля 2023 г. – Краснодар: Кубанский государственный университет, 2023. – С. 277-281.

REFERENCES

1. The contribution of the Kuban to the victory over fascism. Krasnodar: Krasnodar News, 1996. 96 p.
2. The national struggle in the rear of the Nazi invaders 1941-1944. P. K. Ponomarenko; Ed. by A.M. Samsonov; [Preface by G. A. Kumanev]; USSR Academy of Sciences, Institute of the History of the USSR. - Moscow: Nauka, 1986. - 438 p.
3. Documents of courage and heroism. Kuban in the Great Fatherland. war of 1941-1945: Collection of documents and materials. Part. archive of the Krasnodar Regional Committee of the CPSU. Archival department. Executive Committee of the Krasnodar Territory. Council of Working People's Deputies. State. archive of the Krasnodar Territory. - Krasnodar: Prince. publishing house, 1965. - 296 p.
4. Latkin V.F. People's avengers. In the battles for the Kuban. Krasnodar: Book Publishing House, 1958, pp. 149–167.
5. Partisans of the Kuban. Based on materials from the archives of the Federal Security Service of Russia for the Krasnodar Territory and the Center for Documentation of the Contemporary History of the Krasnodar Territory. Administration of the Krasnodar Territory. Krasnodar: Range-B, 2012. - 160 p.
6. Samoilov N.A. Communists of the Krasnodar Territory at the head of the partisan struggle in the Kuban (1942-1943). Issues of the history of the CPSU. 1962. No. 4. S. 117–129.
7. Krinko, E. F. Partisan movement in the Kuban and Stavropol during the Great Patriotic War: the historiography of the problem. E. F. Krinko. Scientific Thought of the Caucasus. 2005. No. 1. P. 27-35.
8. Yevtushenko Yu.L. Partisan movement in the Kuban during the Great Patriotic War: diss. ... cand. ist. Sciences. Armavir. 2005. 186 p.
9. Sivkov S. M. Activities of the partisan detachment "Storm" of the Abinsk region of the Krasnodar Territory during the Great Patriotic War of 1942-1943. The Black Sea-Mediterranean region in the context of Russia's national interests: history, politics, culture: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Sudak, May 13–15, 2022. - Krasnodar: Kuban State University, 2022. - P. 237-241.

10. Sivkov, S. M. Activities of the partisan detachment of the Labinsky district of the Krasnodar Territory during the period of occupation by the Nazi invaders in 1942-1943. 1943: Great turning point: materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Krasnodar, February 16, 2023. Krasnodar: Krasnodar State Institute of Culture, 2023. P. 70-75.
11. Sivkov, S. M. Activity of the partisan detachment of the Saratov Goryache-Klyuchevsky district of the Krasnodar Territory in the period 1942-1943. The Black Sea-Mediterranean region in the national security system of Russia: on the 240th anniversary of the annexation of Crimea and Kuban to Russia and the 80th anniversary of the liberation of the Krasnodar Territory from the Nazi invaders: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Temryuk, April 21–23, 2023. - Krasnodar: Kuban State University, 2023. - P. 277-281.

Информация об авторе: Иванцов Игорь Григорьевич – доктор исторических наук, доцент, профессор 1 кафедры Краснодарского высшего военного училища имени генерала армии С.М. Штеменко (Краснодар).
г. Краснодар, Россия

Orcid id: <https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>

IIG23@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the authors: Ivantsov Igor Grigorievich – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Krasnodar Higher Military School. S.M. Shtemenko
г. Krasnodar, Russia
OrcidID: <https://orcid.org/0000-0002-3820-3642>
IIG23@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 02.07.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 18.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.08.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

© Иванцов И.Г. 2023

© «ИСОМ». 2023

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-126-136

УДК 9.94

**РОЛЬ РУССКОГО ЯЗЫКА В ЖИЗНИ
КАВКАЗСКИХ ЭМИГРАНТОВ В ЕВРОПЕ (1920-2020 гг.)¹**

Ирина Леонидовна БАБИЧ

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН
г. Москва, Россия.

ORCID 0000-0003-1879-1608 РИНЦ 7059-1438

ResearcherID: F-4989-2014

babi7chi@yandex.ru

Аннотация. Цель статьи – изучить роль русского языка в жизни кавказских эмигрантов в Европе в разные исторические периоды XX – начала XXI в. В 1920-1930- гг. было два политических лагеря кавказских мигрантов. В каждом лагере был свой тип отношения к русскому языку и характер его использования. Статья подготовлена на основе предыдущих работ автора и новых полевых этнографических материалов, собранных во Франции и Швейцарии среди кавказцев. В 1990-2000-е гг. новые кавказские эмигранты приехали в Европу со знанием русского языка, тем не менее среди следующего поколения русский язык постепенно исчезает. Автор делает вывод, что русский язык при всех сложных, подчас противоречивых, обстоятельствах, иногда направленных против самого языка, всегда сохранял в прошлом и сохраняет свою нишу в эмигрантской кавказской жизни в настоящее время.

Ключевые слова. Кавказские эмигранты, Европа, культура, русский язык

Для цитирования: Бабич И.Л. Роль русского языка в жизни кавказских эмигрантов в Европе (1920-2020 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том 15. № 4. С. 126-136

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-126-136

¹ Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН.

Original article

**THE ROLE OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN LIFE
CAUCASIAN EMIGRANTS IN EUROPE (1920-2020)**

Irina L. BABICH

Institute of Ethnology and Anthropology,
Russian Academy of Sciences, Department of Caucasus, Moscow, Russia
ORCID 0000-0003-1879-1608
ResearcherID: F-4989-2014
babi7chi@yandex.ru

Abstract. The aim of this article is to study the role of the Russian language in the life of Caucasian emigrants in Europe in different historical periods of the 20th – early 21st centuries. In the 1920-1930s. there were two political camps of Caucasian migrants. Each camp had its own type of attitude to the Russian language and the nature of its use. The article was prepared on the basis of the author's previous works and new field ethnographic materials collected in France and Switzerland among Caucasians. In the 1990-2000s. new Caucasian emigrants came to Europe with knowledge of the Russian language. Among the next generation the Russian language is gradually disappearing. The author concludes that the Russian language, under all complex, sometimes contradictory, circumstances, sometimes directed against the language itself, has always retained in the past and retains its niche in emigrant Caucasian life at the present time.

Keywords. Caucasian emigrants, Europe, culture, Russian language

For citation: Babich I.L. The role of the Russian language in life Caucasian emigrants IN Europe (1920-2020). Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 4. P. 126-136.. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-126-136

Кавказцы наряду с русскими оказались в европейской эмиграции после Октябрьской революции 1917 г. Ключевой причиной была политическая: кавказская политическая элита приехала на мирную конференцию в Париж и Версаль, которая проходила по результатам Первой мировой войны (1919 г.). Они стремились получить признание независимых государств на Кавказе. Уехали чиновники, дипломаты, находившиеся на российской государственной службе, но основная

масса кавказских эмигрантов – это военные Российской армии, которые эвакуировались, как правило, в Константинополь (Османская империя), о. Лемнос (Греция) или Галиполли (Османская империя), вместе со своими воинскими подразделениями.

В эмиграции кавказская диаспора в целом в 1920-30-е гг. разделилась на два политических лагеря: «националисты», т.е. те, кто стремился в будущем обрести независимость Кавказа, и «монархисты», т.е. те, кто сохранял верность Императору, «за единую и неделимую» и видел будущее Кавказа в составе России. Несмотря на такое ключевое деление, которое основательно развело людей на чужбине, «взаимоотношения» с русским языком у тех и других сохранялись, но по-разному.

«Монархисты» - кавказцы, как правило, прекрасно владели русским языком, подчас, как единственным. Дело в том, что в Российской империи во время учебы в военных учебных заведениях не разрешалось пользоваться своими национальными языками, требовалось использовать только русский язык. Кавказцы во время своей учебы в военных заведениях постепенно забывали национальные языки. «Националисты» - кавказцы в эмиграции вели активную общественно-политическую деятельность, которая была направлена против России, за создание независимого Кавказа, но вели ее... на русском языке: для народов Кавказа русский язык был языком межнационального общения. Для того, чтобы объединить народы Кавказа в одном политическом движении, требовался единый язык. Им и был русский язык. Вся документация велась на русском языке. Публикации кавказских деятелей в эмиграции делались на русском языке. Отчасти это правило нарушалось для установления контактов с французской элитой: для властных и военных структур готовились протоколы заседаний и некоторые публикации на французском языке.

Кавказцы - «националисты» негативно относились не только к русской власти в регионе, но и к русской культуре вообще, и русскому языку, в частности.

Приведем их отзывы об этом. Русская культура – это «московская азиатчина», близкая рязанскому мужику, но «совершенно чужда вольному сыну гор». Грузинский деятель *Р. Габашвили* «наглядно доказал на основании непреложных исторических данных *старшинство кавказской культуры по сравнению с культурой русской*, и напротив, пагубность влияния и владычества России для всех без различия кавказских народов... В те времена, когда просвещенные грузины, а равно и армяне, переводили на свои языки Евангелие и др. богословские труды, то русской государственности не было и в помине».

Дагестанец *И. Чулик* подчеркивал, что «в России господствующая и наиболее многочисленная народность составляла лишь 43,3 % всего населения, причем «инородческий» элемент в значительной своей части *превосходил культурой и общественной организованностью господствовавших великороссов*» [1]. Осетин *Б. Байтуган* в статье «Нужно ли это?» ставил вопрос о роли русской культуры в жизни горцев Северного Кавказа. Он писал:

«Общечеловеческая ценность русской культуры – относительна. Главной особенностью этой культуры является ее подражательный, *заимствованный характер*. Все определяющие ее факторы, начиная с христианства и кончая марксизмом, были импортированы на русскую почву с Запада и Востока... Но особенно опасным свойством русской культуры является ее необыкновенная агрессивность, воинствующий шовинизм, ее нетерпимость к иным с ней соседящим культурам. Всю историю русского народа можно охарактеризовать, как постоянное стремление распространить свою политическую власть и свой язык, религию и культуру на возможно большее число иных народов, искоренив в этих последних всякую национальную самобытность. Идея всемирного владычества, практически проводимая государственной властью, теоретически отображалась в идее «мессианства» - особого культурного предназначения русского народа, которой не было чуждо ни одно из идеологических течений, существовавших (и существующих) в русском обществе».

О пагубном влиянии русской культуры на жизнь горцев писал кабардинец Эльмурза Бекович-Черкасский:

«Многие горцы из плоткостного населения, соседственного к городским центрам, в своих сношениях с городом знакомились часто с *пагубными сторонами городской жизни*, вследствие чего в патриархальных горских аулах все больше слабели так сильные некогда устои семейно - общественной жизни и дух народа...В итоге всего, в народе чрезмерно развивался религиозный мюридизм, шейхизм, абречий разбой и другие нездоровые симптомы недовольства духа судьбой, и толщи народа стремились жить обособлено и замкнуто от окружающего их русского влияния, подчиняясь своим бытовым традициям и адатам» [2].

Трагедия кавказцев состояла в том, что они, отвергая русскую культуру, тем не менее были вынуждены пользоваться в эмиграции русским языком. Горским лидерам приходилось своим читателям объяснять причины использования русского языка. Так, *Г. Баммат* подчеркивал, что журнал «Кавказ», издаваемый на русском языке, обращался не к русской аудитории, а к кавказскому читателю, а использование русского языка при этом объяснялось «*историческими условиями*», в силу которых «*общим для нашей национальной эмиграции пока еще является русский язык*»

Одним из препятствий к объединению народов Кавказа является язык. Крупный азербайджанский политический деятель Алимардан Топчибаши писал:

«В сношениях между собой народы Кавказа, не имея, к сожалению, общего языка, вынуждены пользоваться русским языком в продолжении более ста лет.. Этот язык стал поневоле общим, заставшим народы Кавказа в период отделения от бывшей России и образования Республик... Правительства этих последних вынужденно вели свои сношения на этом языке между собой, при посредстве его происходили и происходят наши конгрессы, совещания, комиссии и пр., равно как и здесь между официальными кавказскими органами, лишь иногда прибегающими в сношениях между собой к помощи французского языка. Усвоить этот последний более или менее удовлетворительно возможно лишь среднему и особенно молодому поколению, учившемуся во французских учебных заведениях... При всех достоинствах французского языка как международного и при всем сознании необходимости усвоения этого языка, невольно заставляет кавказских деятелей указанных категорий прибегать и теперь к помощи русского языка, которым большинство из них владеет почти в совершенстве и на котором долголетнее им пользование приучило их мыслить, говорить, писать, зачастую, к сожалению, даже в ущерб родного языка... Такова действительность и надо иметь мужество брать ее такой, как она есть и извлекать возможную пользу для общих интересов Кавказа, как бы употребление русского языка в сношениях между кавказскими народами не било сильно по нашему национальному самолюбию, как бы оно не стесняло и не угнетало нас своим несоответствием и даже некоторым противоречием с провозглашенной нами независимостью наших народов... Существующие в эмиграции печатные органы на родных языках, как и на языках французском и русском, имеют свое назначение, но ни один из них не играет роли доступного общекавказского органа ни по форме, ни по содержанию» [3].

Поэтому формирование единого государственного языка для независимых государств Кавказа вообще, и Северного Кавказа, в частности, стало одной из ключевых проблем в эмигрантской общественной мысли на протяжении 1930-х годов. Горцы писали: «будем надеяться, что через 5-7 лет после восстановления независимого горского государства, русский язык будет символически, но торжественно, сожжен на костре перед памятником нашей независимости» [4, 376-422]. Предлагались следующие языки для признания его государственным на Кавказе: эсперанто, один из европейских языков, один из тюркских языков (например, татарский, или как его называли, кавказский тюркско-татарский), турецкий язык на латинской основе, адыгейский язык. В 1935 г. в варшавском Восточном Институте под председательством его директора С. Седрецкого была образована специальная Комиссия, которая занялась разработкой унифицированного алфавита для

языков Северного Кавказа и создание «общего межплеменного языка для всех северо-кавказских племен». Членами комиссии стали северокавказцы *Б. Хурш (Хуршилов), Х. Кумуз, М. Чукуа, Б. Байтуган, Ж. Хавжосо, Б. Билатти, Ю. Умаи*. На комиссии было принято решение «в качестве основы будущего северокавказского унифицированного алфавита будет использован так называемый новый тюркский алфавит, вводимый советским правительством во многих восточных «автономиях», в том числе отчасти и на Северном Кавказе... При выборе же межплеменного языка Комиссия остановила свой выбор на кумыкском языке... Решено в этот язык внести те слова, которые являются общим для большинства племенных языков Северного Кавказа».

Однако никакого единого языка для народов Кавказа разработано так и не было. Кавказцы – «националисты» по-прежнему пользовались русским языком. Их дети и внуки, родившиеся в эмиграции или попавшие туда детьми, безусловно, пользовались в качестве основного уже европейскими языками, однако в быту продолжали применять русский язык, а не свой национальный, поскольку этот язык давал возможность более широкого общения, в том числе и в русской среде, которая была значительно больше кавказской.

Приведем примеры. Адыг Василий Николаевич Гаджемуков – востоковед, дипломат, жил в эмиграции в Марселе, имел двух детей – Измаила и Александрина. Измаил хорошо знал русский язык, даже пел русские песни, например: «Как ныне взбирается вещий Олег, отмстить неразумным хазарам»; «Да громче музыка, ура, ура, мы за царя...» [5], но не знал адыгского языка, помнил отдельные слова. Как рассказывал нам его племянник Себастьян, Измаил вспоминал лишь отдельные адыгские слова – пши (князь), псе (душа), аул. У него сохранялась память об адыгской истории и культуре. Измаил имел фамильную тамгу Гаджемуковых. У адыгов каждая семья имела (и имеет до сих пор) свою тамгу [6].

Грузин, военный Михаил Чавчавадзе учился до революции в кадетском корпусе, где нельзя было пользоваться грузинским языком. Он плохо знал грузинский, знал какие-то отдельные грузинские выражения. Михаил жил с семьей в Париже, в семье говорили по-русски. В грузинской военной среде 1930-40-х гг. в эмиграции многие дети знали русский язык, но со временем на уровне следующего поколения русский язык стал «теряться». Сын Михаила – Нико, который проживает в Париже, отлично говорит по-русски. А уже его дети – немного. Причем сам Нико мотивировал своих детей, родившихся в 1970-х гг. в Париже, учить грузинский язык. Сын Нико знал грузинский язык отлично. Он учил язык вместе с одной из своих сестер в Париже. Следующее поколение Чавчавадзе блестяще говорит по-грузински и по-французски, но уже не знает русского языка [7].

Другой пример, адыг, врач Владимир Николаевич Кудашев до революции был монархистом, женился на русской женщине. Его сын Владимир вместе с женой после Второй мировой войны уехали в Аргентину, где в семье родился сын Александр. Во время проживания в Аргентине дома супруги говорили по-русски, и мальчик знал русский язык. В 1958 г. семья переехала в Мюнхен, Александр пошел в немецкую школу, русский язык забыл и его родным языком стал немецкий. Но у него в памяти осталось то, что его корни из России, и что его предки – русские.

Тоже само имело место в семье адыга Измаила Шакова, его дочь Цурьетта вышла замуж за адыга Т. Шарданова, в семье родилась девочка Фатима. Фатима вышла замуж за американца и уехала в США. Их совместные дети стали американцами, но в семье сохранялся русский язык, а адыгские корни и адыгский язык практически «ушли». В результате праправнучка Измаила Шакова Кристиан была уверена, что их корни – русские. Она выучила в университете русский язык. Приезжала на Северный Кавказ и говорила, что ее предки – русские [8]. Сходный пример осетинской семьи Мистуловых. После Второй мировой войны из Франции они переехали в США. Внук эмигранта первой волны Александр живет в Лос-Анджелесе, знает русский язык, но не знает осетинского языка, хотя знает, что его корни в Осетии. В семье его отца Асланбека Дударовича была русская жизнь в США, русская еда. Дома говорили по-русски.

* * *

В 1990-е годы в Европе появилась новая волна кавказских эмигрантов. Все они – русскоязычные, имеют, в том числе, и русскую среду общения. Некоторые родители обучают своих северокавказских детей в тех школах, где преподают русский язык как иностранный. Они считают, что Северный Кавказ в составе России, то и надо русский язык знать. Чаще всего это происходит это в ущерб национальным языкам, дети, родившиеся в миграции, в лучшем случае хорошо говорят на своем языке в бытовой сфере, но писать или читать не умеют. Для всех кавказских мигрантов постсоветского периода русский язык остается ценным и важным в их жизни, он выполняет сразу несколько функций среди эмигрантов среднего и старшего поколений. Во-первых, кавказские эмигранты во Франции и Швейцарии смотрят российское телевидение на русском языке. Во-вторых, для общения между собой мигранты используют русский язык. В-третьих, в быту, в кругу своей семьи и с родственниками кавказцы часто разговаривают на своем языке, но иногда и на русском. Например, чеченцы-мигранты часто знают чеченский устный язык, но не могут на нем ни писать, ни читать, поэтому по необходимости используют и русский язык. Многие дальновидные северокавказские семьи во

Франции и Швейцарии стараются свои детям предоставить знание не только своего родного языка и языка титульного народа новой страны, но и русского. Такие родители считают, что, поскольку Северный Кавказ входит в состав России, а в России русский язык – государственный, то надо обязательно изучать и русский язык. Информатор так говорил нам: «Если надо будет поехать в Россию, то с одним национальным языком не получится ничего сделать» [9]. Причем иногда родители-северокавказцы отдают детей в «русские» школы во Франции, т.е. в школы, где русский язык преподают как иностранный. Например, француженка-учительница русского языка в лицее Орсе (Иль-де-Франс) рассказывала следующее: в Орсе располагается научный городок, в котором проживают ученые. В городке есть лицей, в котором 170 учеников учат русский язык; среди них несколько чеченцев. Чаще всего дети, уже родившиеся во Франции, хуже знают и свой родной, и русский языки, чем дети, родившиеся на Северном Кавказе и приехавшие во Францию или Швейцарию в возрасте 5–6 лет.

Очевидно, что для следующего поколения северокавказских эмигрантов титульные языки Швейцарии и Франции станут родными, а русский и северокавказские языки – факультативными. Все кавказцы среднего и старшего поколений, выехавшие с Родины, учили русский язык, поэтому во Франции и Швейцарии они охотно общаются с русскими мигрантами. Армянка А. дружит с русской из Краснодар. А. считает, что с русскими легче общаться, чувствуется общее культурное прошлое и пространство. Супруги армяне, проживающие в Цюрихе, в основном общаются с армянами, русскими и народами Восточной Европы. Наконец, анализируя швейцарскую и французскую среды в жизни кавказцев, мы отмечали достаточно ограниченные контакты между кавказскими эмигрантами и титульными народами. В силу этого именно русская среда во многом компенсирует эмигрантам среднего и старшего поколений невозможность более тесных контактов со швейцарцами и французами.

Молодое поколение кавказцев, выросшие в Европе, подчас не знает русского языка вообще: детям очень тяжело – им приходится учить сразу несколько языков, и изучать еще русский язык – трудно. Бывают и исключения. Так, в одной грузинской семье, проживающей в Невшателе (кантон Невшатель), и сын, и дочь с детства по настоянию родителей учили русский язык. Впоследствии мальчик продолжил изучение русского языка в качестве иностранного в университете. Русская среда во Франции и Швейцарии, безусловно, более многочисленная, чем кавказская. Русские эмигранты охотно привлекают кавказцев в свою среду, приглашают на мероприятия, которые проводят культурные центры, отмечая, что все же последние, особенно северокавказцы, ведут себя отчасти «обособленно». Одна дагестанка организовала в Швейцарии русский хор, членами которого стали как русские, так и швейцарцы (последние пели песни на русском, не зная русского). Если дети северокавказцев знают русский язык, то они тоже активно общаются и

дружат с русскими сверстниками. Чеченцы, особенно чеченки, которые не работают, все свое время проводят у телевизоров и смотрят передачи на русском языке. Иногда кавказцы, особенно чеченцы, выбирают восточные (и мусульманские) среды. Многие успешные кавказцы – трудовые эмигранты работают в международных фирмах. Они имеют много друзей – своих коллег из других стран. Особенно это характерно для Швейцарии. Поэтому в этой стране есть понятие «интернациональной» среды [10].

Таким образом, мы видим, что русский язык при всех сложных, подчас противоречивых обстоятельствах, иногда направленных против самого языка, всегда сохранял в прошлом и сохраняет свою нишу в эмигрантской кавказской жизни в настоящее время.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бабич И.Л. Северокавказские эмигранты в XX веке. М., 2020.
2. Филиппова Е.И. (отв. ред.). Смерть языка – смерть народа? Языковые ситуации и языковые права в России и сопредельных государствах. М., 2020.
3. Архив Али Мардана Бека Топчибаши (Топчибашева) // Библиотека Центра по изучению современной России, Кавказа и Центральной Европы // École des Hautes Études en Sciences Sociales (Высшая школа социальных наук). (CERCEC, EHES). – Париж (Франция).
4. Бабич И.Л. Северокавказская нация в европейской эмиграции (1917-1930-е годы): миф или реальность // Общество как объект и субъект власти. Очерки политической антропологии Кавказа. Санкт-Петербург, 2012. С. 376-422.
5. Полевые материалы автора (далее - ПМА). Интервью с Себастьяном Гаджемукковым 4 марта 2012 г., Париж.
6. ПМА. Интервью с Себастьяном Гаджемукковым 8 апреля 2012 г., Париж.
7. ПМА. Интервью с Нико Чавчавадзе. 1 мая 2014 г., Париж.
8. ПМА. Интервью с Кристианом Страйхорн. 2 сентября 2019 г.
9. ПМА. Интервью с Ф., 6 ноября 2018 г., Париж.
10. ПМА. Интервью с Е. 2 июля 2019 г., Невшатель, Лозанна.

REFERENCES

1. Babich I.L. Severokavkazskiye emigranty v XX veke [North Caucasian emigrants in the twentieth century]. M., 2020. [In Russ.].
2. Filippova E.I. Smert' yazyka – smert' naroda? Yazykovyye situatsii i yazykovyye prava v Rossii i sopredel'nykh gosudarstvakh x[The death of a language is the death of a people?]. M., 2020. [In Russ.].

3. Arkhiv Ali Mardana Beka Topchibashi (Topchibasheva) [Archive of Ali Mardan Bek Topchibashi (Topchibashev)]. Library of the Center for the Study of Modern Russia, the Caucasus and Central Europe. École des Hautes Études en Sciences Sociales (Higher School of Social Sciences). (CERCEC, EHESS). Paris, France. [In Russ.].
4. Babich I.L. Severokavkazskaya natsiya v yevropeyskoy emigratsii (1917-1930-ye gody): mif ili real'nost' [North Caucasian nation in European emigration (1917-1930s): myth or reality]. Obshchestvo kak ob'yekt i sub'yekt vlasti. Ocherki politiche-skoy antropologii Kavkaza. [Society as an object and subject of power. Essays on the political anthropology of the Caucasus]. St. Petersburg, 2012. pp. 376-422. [In Russ.].
5. Polevyie materialy avtora (daleye - PMA). Interv'yu s Sebast'yanom Gadzhemuko-vym 4 marta 2012 g., Parizh [Field materials of the author (herein-after referred to as FMA). Interview with Sebastian Gadzhemukov March 4, 2012, Paris]. [In Russ.].
6. PMA. Interv'yu s Sebast'yanom Gadzhemukovym 8 aprelya 2012 g., Parizh [PMA. Interview with Sebastian Gadzhemukov April 8, 2012, Paris]. [In Russ.].
7. PMA. Interv'yu s Niko Chavchavadze. 1 maya 2014 g., Parizh [PMA. Interview with Niko Chavchavadze. May 1, 2014, Paris]. [In Russ.].
8. PMA. Interv'yu s Kristian Straykhorn. 2 sentyabrya 2019 g. [PMA. Interview with Christian Strayhorn. September 2, 2019]. [In Russ.].
9. PMA. Interv'yu s F., 6 noyabrya 2018 g., Parizh.[PMA. Interview with F., November 6, 2018, Paris]. [In Russ.].
10. PMA. Interv'yu s Ye. 2 iyulya 2019 g., Nevshatel', Lozanna [PMA. Interview with E. July 2, 2019, Neuchâtel, Lausanne]. [In Russ.].

Информация об авторе: Ирина Леонидовна Бабич, доктор исторических наук.

Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН

г. Москва, Россия.

ORCID 0000-0003-1879-1608 РИНЦ 7059-1438

ResearcherID: F-4989-2014

babi7chi@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author Babich Irina L. Doctor of Historical Hciences, Institute of Ethnology and Anthropology,

Russian Academy of Sciences, Departent of Caucasus,

Moscow, Russia

ORCID 0000-0003-1879-1608

ResearcherID: F-4989-2014

babi7chi@yandex.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 26.07.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 20.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.08.2023

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

© Бабич И.Л. 2023

© «ИСОМ». 2023

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-137-151

УДК 378.1

**ПРИНЦИПЫ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ ЭМПАТИИ
И КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ПРИ ОБУЧЕНИИ
РУССКОМУ ЯЗЫКУ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ)**

Ольга Федоровна ЛЕЙЧЕНКО

Каршинский международный университет
г. Карши, Кашкадарьинская область, Узбекистан
9089746434@mail.ru

Аннотация. Навыки межкультурной эмпатии и коммуникативной компетентности являются ключевым элементом всей системы обучения иностранных языков и играют значительную роль во многих аспектах, таких как процесс, эффект и качество межкультурной коммуникации.

В настоящее время увеличению интенсивности межкультурной коммуникации между Китаем и Россией способствуют процесс глобализации, экономическое развитие стран и рост культурных языковых контактов. Все больше китайских студентов в университетах, колледжах и школах выбирают для себя изучение русского языка.

Цель изучения языка состоит не только в овладении языковыми навыками, но и в умении использовать эти навыки для общения. Поэтому в процессе обучения русскому языку китайских студентов необходимо уделять внимание не только развитию языковых навыков, но и формированию навыков межкультурного общения.

В статье показаны проблемы развития межкультурной эмпатии и коммуникативной компетентности у студентов русскоязычных специальностей в Китае. Рассматриваются культурные особенности русского и китайского народов, незнание которых может привести к проблемам в общении, а также приведены примеры русских и китайских культурных реалий и их языковых эквивалентов.

Сделан вывод о необходимости совершенствования навыков межкультурной эмпатии и коммуникативной компетентности в практической работе со студентами,

изучающими русский язык в Китае, для эффективного устранения соответствующих барьеров, существующих в межкультурной коммуникации, что в конечном счете должно привести к наиболее эффективной связи и коммуникации.

Ключевые слова: коммуникативная компетентность, межкультурная эмпатия, межкультурная коммуникация, русский язык, китайский язык

Для цитирования: Лейченко О.Ф. Принципы формирования межкультурной эмпатии и коммуникативной компетентности при обучении русскому языку (на примере китайских студентов) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2023. Том 15. № 4. С. 137-151

DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-137-151

Original article

PRINCIPLES OF FORMATION OF INTERCULTURAL EMPATHY AND COMMUNICATIVE COMPETENCE IN TEACHING RUSSIAN (ON THE EXAMPLE OF CHINESE STUDENTS)

Olga F. LEICHENKO

Karshi International University

Karshi city, Kashkadarya region, Uzbekistan

9089746434@mail.ru

Abstract. The skills of intercultural empathy and communicative competence are a key element of the entire system of teaching foreign languages and play a significant role in many aspects, such as the process, effect and quality of intercultural communication.

Currently, the increasing intensity of intercultural communication between China and Russia is facilitated by the process of globalization, the economic development of countries and the growth of cultural language contacts. More and more Chinese students at universities, colleges and schools are choosing to study Russian.

The purpose of language learning is not only to master language skills, but also to be able to use these skills for communication. Therefore, in the process of teaching Russian to Chinese students, it is necessary to pay attention not only to the development of language skills, but also to the formation of intercultural communication skills.

The article shows the problems of the development of intercultural empathy and communicative competence among students of Russian-speaking specialties in China. Russian and Chinese cultural peculiarities are considered, the ignorance of which can

lead to problems in communication, as well as examples of Russian and Chinese cultural realities and their linguistic equivalents are given.

It is concluded that it is necessary to improve the skills of intercultural empathy and communicative competence in practical work with students of Russian-speaking specialties in China in order to effectively eliminate the relevant barriers existing in intercultural communication, and thus, ultimately, it would be possible to acquire the most effective communication and communication.

Keywords: empathy, intercultural communication, teaching, the Chinese language, the Russian language

For citation: Leichenko O.F. Principles of formation of intercultural empathy and communicative competence in teaching Russian (on the example of Chinese students). Historical and Social-Educational Idea. 2023. Vol. 15, No. 4. P. 137-151. (In Russ.). DOI: 10.17748/2219-6048-2023-15-4-137-151

Введение.

В настоящее время радикальные изменения в экономике, политике, образовании всколыхнули все мировое сообщество: властные отношения сменяются толерантными. Возникновение современного постиндустриального, информационно-коммуникативного общества связано с проблемой формирования человека, готового к восприятию всего многообразия мира, достижению согласия в коммуникационном поле ненасильственными способами и методами.

В последние годы Китай стал самым решительным сторонником и двигателем глобальной интеграции. Связь китайцев со всеми народами мира продолжает упрочиваться, международное общение становится все более тесным.

Россия и Китай являются странами с высоким уровнем взаимодействия в области политики, экономики, культуры и образования. Происходит активный обмен студентами, возникает поликультурная среда, где насущной потребностью становится межкультурное общение. Любой человек, попадающий в такую среду, осознает, что реализация его личностных и профессиональных возможностей не осуществима без взаимодействия с представителями иных культурных групп.

Высокий уровень взаимодействия между странами предполагает обучение межкультурной эмпатии и коммуникативной компетентности китайских студентов русскоязычных специальностей.

Актуальность исследований по коммуникативной компетентности и межкультурной эмпатии основана на потребностях современного мира в развитии гражданской идентичности, межкультурного понимания и сотрудничества. Исследования в области коммуникативной компетентности помогают понять, как

развить и улучшить данную компетентность на индивидуальном и организационном уровнях; выявить факторы, влияющие на развитие данной способности; предлагают методы и подходы для ее улучшения.

Более того, данные исследования имеют практическое значение для учреждений образования, международных организаций, бизнеса и правительств, которые все больше ориентируются на международное сотрудничество и культурное разнообразие.

Предметом изучения являются принципы формирования межкультурной эмпатии и коммуникативной компетентности у китайских студентов на занятиях по изучению русского языка.

Новизна исследования принципов формирования межкультурной эмпатии и коммуникативной компетентности у студентов, изучающих русский язык, состоит в том, что исследуются особенности взаимодействия студентов с русской культурой и происходит оценка различных методов и стратегий формирования межкультурной коммуникации в контексте русскоязычного образования. Такое исследование может быть полезным для разработки практических рекомендаций и методик, которые помогут иностранным студентам лучше адаптироваться и успешно общаться в русской среде.

Обсуждение

Коммуникативная компетентность – это способность эффективно и адекватно использовать язык и коммуникационные стратегии для достижения своих целей в общении, эффективно взаимодействовать с другими людьми на разных уровнях: вербальном, письменном, невербальном и межкультурном. Она включает в себя знание языка, грамматики, лексики и правил речевого поведения, умение использовать эти знания в реальных ситуациях общения, а также понимать и интерпретировать сообщения других людей, способность донести свои мысли и намерения с точностью и ясностью, умение выбирать подходящие слова и выражения, учитывать контекст и аудиторию, использовать различные коммуникативные стратегии (например, устанавливать контакт, уточнять, перефразировать и т.д.) для эффективного общения [1, с.155].

Как отмечает Р.П. Дондокова, поскольку в коммуникативной компетентности присутствует деятельностный аспект, это дает возможность конкретизировать ее компоненты: мотивационно-ценностный, когнитивный, эмоциональный, поведенческий, которые являются частями целого, однако оказывают взаимовлияние, взаимопроникновение и существование каждого в остальных [2].

Коммуникативная компетентность также включает в себя умение слушать и понимать собеседника, выражать свои мысли и чувства ясно и последовательно, адаптироваться к различным стилям общения и контекстам, а также умение ре-

шать конфликты и преодолевать барьеры общения. Она помогает развивать хорошие межличностные навыки, такие как умение вести диалог, решать конфликты и сотрудничать. Она играет важную роль во всех сферах жизни, от профессиональной деятельности и деловых переговоров до личных отношений и социального взаимодействия; помогает установить и поддерживать положительные и продуктивные отношения с другими людьми, а также достигать своих целей и решать проблемы с пониманием и эффективностью [3].

По мнению К.С. Чакур, межкультурная коммуникативная компетенция включает в себя знание и понимание разных культур, их ценностей, убеждений и обычаев, а также умение адаптироваться к ним и устанавливать эффективное взаимодействие. Люди с высокой межкультурной коммуникативной компетенцией обычно проявляют уважение и толерантность к разным культурам, гибкость мышления и умение находить общий язык с людьми из разных культур [4].

Коммуникативная компетентность позволяет человеку эффективно взаимодействовать с людьми из других культур и в контексте глобализации и межкультурных контактов становится все более необходимой для успешного функционирования в разнообразных средах [5].

Таким образом, основываясь на исследованиях китайских и российских авторов, межкультурную эмпатию можно определить как способность понимать и сопереживать чувствам, мыслям и опыту людей из других культур. Это умение смотреть на мир глазами других людей и ценить их уникальные культурные перспективы. Эта способность играет важную роль в установлении гармоничных и прочных межкультурных отношений.

Межкультурная эмпатия включает в себя умение распознавать и уважать различия, а также стремление к преодолению стереотипов и предрассудков, которые могут возникать при взаимодействии с представителями других культур. Она помогает людям лучше понимать и принимать различия в ценностях, обычаях, языке, вероисповедании и т.д. [6].

Также отметим, что межкультурная эмпатия способствует успешному взаимодействию в мультикультурных средах, создает условия для взаимного обмена знаниями и опытом, а также способствует сохранению и укреплению культурного разнообразия в мировом сообществе.

Межкультурная эмпатия и коммуникативная компетентность является необходимым для людей качеством, позволяет сохранить собственную целостность, положительный настрой и доброжелательность, которая проявляется в терпимости, бесконфликтности, а также устойчивости, доверительности и способности спокойно и без раздражения принимать индивидуальность других людей. Для эффективности данной характеристики необходимо, чтобы межкультурная эмпатия и коммуникативная компетентность выступали не просто высокоразвитым, но устойчивым качеством личности.

Обсуждение методики преподавания

В связи с этим одной из важнейших задач общества и, как следствие, системы образования становится поиск конкретных форм, методов и средств формирования межкультурной эмпатии и коммуникативной компетентности китайских студентов, изучающих русский язык. Процесс обучения навыкам межкультурного общения требует от людей не только овладения грамматикой, речью, словарным запасом, тематикой и другими знаниями, но и наличия определенной степени навыков аудирования, говорения, чтения и письма. Кроме того, национальная культура, переносимая на изучаемый язык, должна быть полностью воспринята, поэтому при обучении русскому языку как иностранному для развития у китайских студентов навыков межкультурного общения необходимо задействовать как минимум обе национальные культуры.

Китайский ученый Чжу Липин утверждает, что «язык отражает характеристики народа, он включает не только историю и культурный фон данного народа, но и его взгляды на жизнь, образ жизни и образ мысли» [7].

По мнению Шэнь И и Цуй Юньсюнь, «коммуникативный процесс языка не только ограничен внешними коммуникативными сценариями, но и непосредственно подчинен культурным концепциям и привычкам мышления, интернализованным в психологии обеими сторонами общения. Язык – главный носитель культуры. Язык адекватно отражает всю историю и культуру народа» [8].

Мышление работает с помощью языка, а общение порождается языком. Накопление человеческой культуры достигается человеческой мыслительной деятельностью и социальной деятельностью между членами общества. Поэтому изучение языка должно быть направлено не только на овладение языком, но и на понимание его глубинной культурной коннотации.

Рассмотрим принципы, необходимые, по мнению Ван Янь [9], для развития навыков межкультурного общения у студентов, изучающих иностранные языки.

Принцип целостности и системности для развития навыков межкультурного общения заключается в том, что процесс освоения этих навыков должен быть всесторонним, учитывающим все аспекты межкультурной коммуникации и взаимодействия. Китайские преподаватели русского языка составляют общий план процесса обучения русскому языку как иностранному и одновременно представляют общую цель обучения целевой языковой культуре таким образом, чтобы обучение русскому языку как иностранному имело определенную степень согласованности и системности.

Развитие навыков межкультурного общения требует системного подхода, для учета всех аспектов взаимодействия с представителями другой культуры. Это подразумевает изучение культурных различий, норм и ценностей, а также развитие гибкости и способности к адаптации к новым культурным контекстам.

Развитие навыков межкультурного общения должно быть целостным процессом, учитывающим все компоненты коммуникации, такие как вербальное и невербальное общение, эмоциональная, культурная, интеллектуальная подготовки, умение слушать, анализировать и адекватно реагировать на различные культурные ситуации.

Развитие навыков межкультурного общения также требует систематического обучения и практики. Это может включать изучение теории и практику межкультурной коммуникации, взаимодействие с представителями других культур, а также получение обратной связи и корректировку своего поведения на основе опыта.

Процесс развития навыков межкультурного общения требует от человека осознания своих собственных культурных предпочтений, предрассудков, а также понимания и принятия различий между культурами. Самосознание помогает обеспечить уважительное и эмпатическое отношение к представителям других культур и способствует успешному взаимодействию.

Принцип целостности и системности для развития навыков межкультурного общения помогает создать фундаментальные принципы и подходы, которые способствуют эффективной коммуникации и сотрудничеству с представителями других культур. Это важный аспект в мире распространяющейся глобализации и межкультурного взаимодействия.

Принцип стадии и процесса заключается в том, что при введении в содержание изучаемой языковой культуры необходимо серьезно учитывать познавательные способности учащихся и их возрастные особенности, идти от простого к сложному, от частного к целому, продолжать углублять и расширять содержание русской культуры на занятиях.

Стадии развития навыков межкультурного общения у китайских студентов на уроках русского языка могут быть следующими:

- *осознание культурных отличий*. В начале процесса студенты начинают осознавать, что русская и китайская культуры отличаются по большому количеству аспектов, таких как язык, обычаи, понимание времени и пространства, религия и другие. На этой стадии они узнают базовую информацию о русской культуре, ее особенностях и значимости межкультурного общения;

- *приобретение знаний*. Студенты начинают изучать более подробную информацию о русской культуре, традициях, обычаях, этикете и принятых нормах поведения. Они осваивают основные фразы и выражения, используемые в межкультурных ситуациях, и применяют их на практике;

- *развитие навыков*. Студенты практикуют свои навыки межкультурного общения на уроках русского языка. Они участвуют в ролевых играх, дискуссиях

и другой интерактивной деятельности, где им предлагаются ситуации межкультурного общения. На этой стадии они развивают способность адаптироваться к новым культурным контекстам и эффективному взаимодействию с носителями русского языка;

– *применение знаний в реальной жизни*. Студенты начинают применять свои навыки межкультурного общения в реальных жизненных ситуациях. Это может быть общение с носителями русского языка вне учебного заведения, посещение культурных мероприятий или участие в международных проектах, где они могут применять полученные знания и навыки;

– *контроль и улучшение*. На последней стадии студенты анализируют свой прогресс в развитии навыков межкультурного общения и продолжают работать над ними. Они постоянно улучшают свою способность понимать и уважать культурные различия, эффективно коммуницировать в межкультурных ситуациях и разрешать конфликты, связанные с культурным многообразием [10].

Важно отметить, что студенты могут находиться на разных стадиях в зависимости от своего опыта, образования, личных особенностей и интереса к изучению русской культуры. Для успешного развития навыков межкультурного общения важно создать поддерживающую и стимулирующую среду, где студенты смогут практиковать свои навыки и получать обратную связь от педагога.

Принцип интеграции на уроках русского языка для китайских студентов может быть основан на позициях:

– *контекстуального обучения*, когда языковое изучение помещается в реальные ситуации, с которыми китайские студенты могут столкнуться при общении на русском языке, например, можно использовать ситуации из повседневной жизни, деловые переговоры или путешествия;

– *культурного обмена*, когда изучаются не только язык, но и культура, традиции и история русского народа. Необходимо включать в уроки изучение русской литературы, фольклора, музыки и искусства;

– *активного использования языка на занятиях*, когда студенты имеют возможность максимально использовать русский язык на семинарах. Необходимо проводить дискуссии, ролевые игры, групповые проекты и задания, чтобы студенты могли практиковаться в письме и устной речи;

– *использования дифференцированного подхода*, когда учитывается уровень языковых навыков и потребностей студентов, а также разрабатываются задания и упражнения, подходящие для разных уровней сложности и интересов;

– *использования на занятиях технологий*: включение в занятия интерактивных упражнений, онлайн-ресурсов и мультимедийных материалов, что сделает процесс обучения более интересным и увлекательным и привлечет внимание студентов;

– *осуществления постоянной обратной связи*. Студентам предоставляется регулярная обратная связь об их прогрессе и рекомендации по улучшению. Преподаватели поддерживают студентов и мотивируют их совершенствоваться в изучении русского языка [11].

В процессе преподавания русского языка как иностранного, если речь идет о выборе культурологического содержания обучения, преподаватели должны учитывать различные этапы обучения студентов, сочетающиеся с основным содержанием обучения по другим дисциплинам, для обеспечения всестороннего рассмотрения и интеграции, чтобы дисциплины иностранного языка были взаимосвязаны с другими дисциплинами. Например, после прочтения эссе преподаватель может задавать вопросы студентам для размышления и обсуждения. Ван Янь подчеркивает: «Нет ничего слишком сложного, если мы вкладываем в это свое сердце. Мы должны стараться изо всех сил, если хотим добиться успеха. Мечты приобретают большую ценность, если за ними следуют действия. Мы не можем выбрать красивую внешность, но мы можем сформировать красивую душу. Мы не можем помочь всем, но каждый может помочь кому-то» [9].

Вопросы оставляют студентам больше пространства для речевой коммуникации, направляют, учат думать, исследовать, заставляют использовать имеющиеся знания и личный опыт для понимания иностранного языка. Также они развивают эмоциональный интеллект студентов. Благодаря вопросам достигается органическое единство знаний и эмоциональное воспитание.

Кроме того, преподаватели русского языка задают внеклассные домашние задания, поощряют и ориентируют учащихся во внеклассном самообучении. Поиск литературных источников формирует внеклассное самообучение. Например, перед изучением темы «Транспорт в России» студенты собирают информацию о российских видах транспорта, об истории строительства московского метро, о направлениях развития транспорта. Благодаря такой подготовке происходит планомерная и целенаправленная интеграция культурного контента.

И наконец для повышения коммуникативных навыков важен **принцип обслуживания**. Для того чтобы предотвратить возникновение конфликтов между разными языковыми сторонами из-за различий между языком и культурой, необходимо поддерживать канал общения. Китайские студенты в процессе изучения русского языка как иностранного должны овладевать базовыми культурными знаниями о России в сочетании с реальными коммуникационными потребностями. Поэтому в ходе обучения русскому языку как иностранному привлекается культурный контент, поощряется способность студентов к использованию культурных познаний для повышения их осведомленности и квалификации в коммуникативных услугах, наилучшего применения своих знаний, слияния обучения и практики [12].

С быстрым развитием образовательных технологий средства обучения становятся все более совершенными, поэтому преподаватели должны не только с визуальной, но и с аудиальной и тактильной стороны предоставлять китайским студентам больше каналов для оптимизации изучения ими культурного содержания языка. На занятиях при изучении русского языка китайскими студентами преподаватели используют такие учебные ресурсы, как фильмы, интернет, аудиозаписи, песни, газеты и журналы.

В процессе обучения русскому языку как иностранному необходимо придерживаться **принципа использования разнообразных средств для привнесения культурного контента** в сочетании со специфическим содержанием обучения в аудитории, использовать конкретные практики для достижения передачи культурных знаний, чтобы развивать способность студентов к межкультурной коммуникации [13].

Также необходимо внедрять знания о другой культуре. Преподаватели интегрируют языковые функциональные проекты, которые появляются в каждом блоке, воспроизводя видео в классе, демонстрируя объекты и изображения с культурными характеристиками и т.д. В процессе обучения русскому языку как иностранному неизбежно приходится сталкиваться с пословицами, поговорками, баснями, афоризмами. Это необходимо для того, чтобы добиться создания социокультурной атмосферы, для практики использования русского языка, для анализа и сравнения культурных традиций, чтобы развивать способность студентов к межкультурной коммуникации.

Развитие межкультурной эмпатии на занятиях по русскому языку для китайских студентов может быть эффективным способом помочь им лучше понимать русскоговорящих и взаимодействовать с ними. Представим некоторые идеи и методы, которые можно использовать:

– *введение культурологического измерения.* На семинарах и лекциях необходимо включать информацию о русской культуре, истории, традициях и обычаях, что будет способствовать лучшему пониманию русской ментальности и быта. Педагог может проводить презентации, фильмы, дискуссии, литературные чтения и другие мероприятия, чтобы помочь студентам осознать и оценить различия и сходства между своей и русской культурой;

– *межкультурные проекты.* Необходима организация совместных проектов или дискуссий с русскими студентами, которые помогут студентам непосредственно взаимодействовать с ними и понять основания другой культуры. Такие проекты могут включать обмен электронными письмами, проведение общих исследований, создание совместных презентаций и др.;

– *коммуникативные игры и задания.* Привлечение игр и заданий, которые требуют общения и взаимодействия со студентами из другой культуры, может по-

мочь им развить межкультурную эмпатию. Например, студенты могут участвовать в ролевых играх, где каждый из них играет роль персонажа из русской или китайской культуры, или выполнять задания, которые требуют сравнения и сопоставления обычаев и традиций;

– *анализ и обсуждение литературных произведений и фильмов.* Педагог может использовать произведения русской литературы и фильмы, чтобы студенты могли отработать разные аспекты русской культуры и повседневной жизни. Обсуждение сюжета, персонажей и идей поможет студентам осмыслить и эмоционально откликнуться на различные аспекты русской культуры;

– *поддержка и стимулирование обмена историями о культуре.* Педагог может поощрять студентов к рассказыванию историй об опыте, касающемся культурной жизни и быта своей страны. Это поможет развить у студентов взаимопонимание и уважительное отношение к различиям и сходству китайской и русской культур.

Важно помнить, что развитие межкультурной эмпатии – это длительный и постоянный процесс, который требует времени, терпения и постоянной работы. Также важно, чтобы педагог сам был примером толерантного и открытого к другим культурам отношения.

Выводы.

Таким образом, формирование межкультурной эмпатии и коммуникативной компетентности у студентов, изучающих русский язык, является сложным процессом, требующим учета множества факторов и применения принципа целостности и системности; принципа стадии и процесса; принципа интеграции; принципа обслуживания; принципа использования разнообразных средств для привнесения культурного контента.

Благодаря современному развитию взаимоотношений двух стран можно сказать, что в преподавании русского языка китайским студентам все больше внимания уделяется обучению навыкам межкультурной коммуникации. При дальнейшем обучении необходимо применять к этому еще больше усилий, изучать русскую культуру и в полной мере использовать различные передовые средства обучения, чтобы студенты более глубоко и осмысленно понимали русскую культуру, культивировали свою способность к межкультурной коммуникации.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Чжу Сючжи, Ху Хуэй. В межкультурной коммуникации соответствующая культурная эмпатия и ее воспитание // Экономические исследования. – 2018. – № 34. – С. 155-156.

2. Дондокова Р.П. Сущностная характеристика и структура коммуникативной компетентности / Р.П. Дондокова // Вестник БГУ. – 2012. – № 1-1. С. 18-21
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnostnaya-harakteristika-i-struktura-kommunikativnoy-kompetentnosti> (дата обращения: 23.08.2023).
3. Недбаева С.В. Коммуникативная компетентность: содержание и структура / С.В. Недбаева, Д.Н. Недбаев, В.В. Ткаченко // Здоровье и образование в XXI веке. – 2017. – № 12. С 353-357
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-soderzhanie-i-struktura>.
4. Чакур К.С. Современная научная трактовка понятия «межкультурная коммуникативная компетенция» / К.С. Чакур // Вестник РМАТ. – 2018. – № 1. С 103-110 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-nauchnaya-traktovka-ponyatiya-mezhkulturnaya-kommunikativnaya-kompetentsiya>.
5. Карпова Ю.А. Эмотивно-эмпатийный компонент межкультурной коммуникации / Ю.А. Карпова // Вестник ПНИПУ. Сер.: Проблемы языкознания и педагогики. – 2010. – № 4. - С 147-159.
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivno-empatiynyy-komponent-mezhkulturnoy-kommunikatsii>.
6. Хуан И Цинь. Исследование способности к межкультурной эмпатии с точки зрения культурных различий между Китаем и Западом // Исследования в области непрерывного образования. – 2018. – № 12. URL: <http://www.xuantibao.com/spread/author?id=OTkxNzk=>
7. Корнеева Л.И. Особенности формирования межкультурной коммуникативной компетенции при обучении китайскому языку / Л.И. Корнеева, Ма Жуньюй // Педагогическое образование в России. – 2016. № 6. С. 116-120. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26638488>
8. Шэнь И, Цуй Юньсюнь. Наблюдение в классе: на пути к профессиональному занятию по прослушиванию и оценке. – Шанхай: Изд-во Восточно-Китайского педагогического университета. – 2008. – № 10. URL: https://baike.baidu.com/item/课堂观察：走向专业的听评课/51042536?fr=ge_al
9. Ван Янь. Дискуссия о воспитании межкультурной коммуникативной способности учащихся средних школ при обучении китайскому языку как иностранному // Даляньская международная школа кленового листа для иностранных детей. – Далянь, провинция Ляонин.
10. Чжэн И, Лю Шухуа. В межкультурной коммуникации воспитать навыки межкультурной эмпатии // Вестник Ляонинского административного института. – 2010. – №12(04). – С. 103-104.

11. Пэн Цзэнань. Исследование воспитания межкультурного сознания студентов-иностранцев // Вестник Юньнаньского педагогического университета. – 2006. – № 6. – С. 55-60.
12. Соловьева А.А. Повышение коммуникативных навыков, изучающих иностранные языки при помощи медиа материала / А. Соловьева // European science. – 2015. – № 6(7). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-kommunikativnyh-navykov-izuchayuschih-inostrannye-yazyki-pri-pomoschi-media-materiala>
13. Сюй Юйминь. Исследование воспитания навыков межкультурной эмпатии в межкультурной коммуникации студентов по специальности «иностран- ные языки». – Хэйлунцзянский университет, 2015.
URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/thesis/Y2972469>

REFERENCES

1. Chzhu Syuchzhi, Xu Xue`j. V mezhkul`turnoj kommunikacii sootvetstvuyushhaya kul`turnaya e`mpatiya i eyo vospitanie. E`konomicheskie issledovaniya. 2018 (34). P. 155-156. [in Chinese].
2. Dondokova R. P. Sushhnostnaja harakteristika i struktura kommunikativnoj kompetentnosti. R. P. Dondokova. [Communicative competence: essential characteristics and structure]. Vestnik BGU. 2012. №1-1.P. 18-21
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnostnaya-harakteristika-i-struktura-kommunikativnoj-kompetentnosti> (data obrashheniya: 23.08.2023). [in Rus].
3. Nedbaeva S. V., Kommunikativnaya kompetentnost`: sodержanie i struktura. S. V. Nedbaeva, D. N. Nedbaev, V. V. Tkachenko. Zdorov`e i obrazovanie v XXI veke. [Communicative competence: content and structure]. 2017. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnaya-kompetentnost-soderzhanie-i-struktura> (data obrashheniya: 29.06.2023). [in Rus].
4. Chakur K.S. Sovremennaya nauchnaya traktovka ponyatiya «mezhkul`turnaya kommunikativnaya kompetenciya». K.S. Chakur. Vestnik RMAT. 2018. №1. P. 103-110 [Modern scientific interpretation of the notion "intercultural communicative competence"]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennaya-nauchnaya-traktovka-ponyatiya-mezhkulturnaya-kommunikativnaya-kompetentsiya> (data obrashheniya: 29.06.2023). [in Rus].
5. Karpova Yu. A. E`motivno-e`mpatijny`j komponent mezhkul`turnoj kommunikacii. Yu.A. Karpova. Vestnik PNIPU. Problemy` yazy`koznaniya i pedagogiki. 2010. №4. P. 147-159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotivno-empatijnyy-komponent-mezhkulturnoy-kommunikatsii> (data obrashheniya: 29.06.2023). [in Rus].

6. Xuan I Cin` Issledovanie sposobnosti k mezhkul`turnoj e`mpatii s tochki zreniya kul`turny`x razlichij mezhdu Kitaem i Zapadom. Issledovaniya v oblasti neprery`vnogo obrazovaniya. 2018. № 12.
URL: <http://www.xuantibao.com/spread/author?id=OTkxNzk=> [in Chinese].
7. Korneeva L. I. Osobennosti formirovaniya mezhkul`turnoj kommunikativnoj kompetencii pri obuchenii kitajskomu yazy`ku. L.I. Koreneva, Ma Zhunyu. Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. 2016. № 6. С. 116-120
[Features of building intercultural communicative competence in chinese language teaching]. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26638488> [in Rus].
8. She`n` I, Czuj Yun`syun`. Nablyudenie v klasse: Na puti k professional`nomu zanyatiyu po proslushivaniyu i ocenke. Shanxaj: Izdatel`stvo Vostochno-Kitajskogo pedagogicheskogo universiteta. 2008. № 10. URL: https://baike.baidu.com/item/课堂观察：走向专业的听评课/51042536?fr=ge_ala[in Chinese]
9. Van Yan`. Diskussiya o vospitanii mezhkul`turnoj kommunikativnoj sposobnosti uchashhixsya srednix shkol pri obuchenii kitajskomu yazy`ku kak inostrannomu. Dallyan`skaya Mezhdunarodnaya shkola klenovogo lista dlya inostranny`x detej, Dallyan` 116000, provinciya Lyaonin. [in Chinese]
10. Chzhe`n I, Lyu Shuxua. V mezhkul`turnoj kommunikacii vospitanie navy`ki mezhkul`turnoj e`mpatii. Vestnik Lyaoninskogo administrativnogo instituta. 2010 №12(04) S.103-104. [in Chinese]
11. Pe`n Czze`nan`. Issledovanie vospitanii mezhkul`turnogo soznaniya studentov-inostrancev. Vestnik Yun`nan`skogo pedagogicheskogo universiteta. 2006 (06). P. 55-60. [in Chinese]
12. Solov`eva A. A. Povy`shenie kommunikativny`x navy`kov, izuchayushhix inostranny`e yazy`ki pri pomoshhi media materiala. A. Solov`eva. [Improving foreign language learness' communicative skills by using media material]. European science. 2015. № 6 (7).
URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/povyshenie-kommunikativnyh-navykov-izuchayushih-inostrannye-yazyki-pri-pomoschi-media-materiala>. [in Rus].
13. Syuj Yujmin`. Issledovanie vospitaniya navy`kov mezhkul`turnoj e`mpatii v mezhkul`turnoj kommunikacii studentov po special`nosti inostranny`x yazy`kov. Xe`jlunczzyanskij universitet, 2015. URL: <https://d.wanfangdata.com.cn/thesis/Y2972469> [in Chinese]

Информация об авторе: Лейченко Ольга Федоровна, Кандидат политических наук, Доцент кафедры социально-гуманитарных наук
Каршинский международный университет
г. Карши, Узбекистан
9089746434@mail.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Olga F. Leichenko, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Karshi International University

Karshi city, Kashkadarya region, Uzbekistan

9089746434@mail.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 28.06.2023

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 24.08.2023

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.08.2023

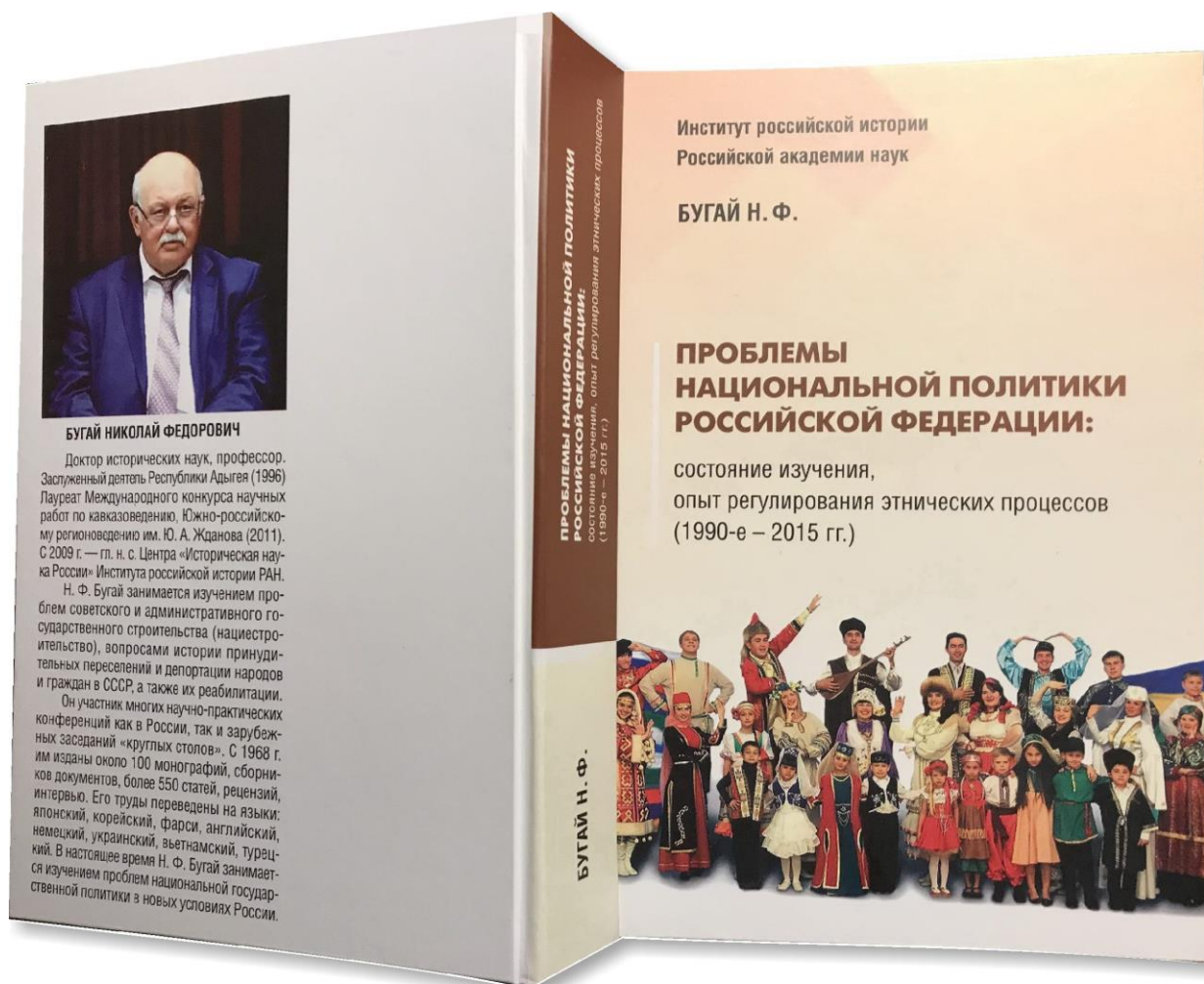
Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов / The author declares no conflicts of interests

© Лейченко О.Ф. 2023

© «ИСОМ». 2023

Редакционное объявление
Editorial announcement

Представляем Вам научные исследования Национальной политики Российской Федерации.

В книге на большом фактическом материале, имеющихся результатов исследований, с привлечением документов центральных и местных ведомств анализируется степень изученности темы государственной национальной политики в условиях рыночных отношений в Российской Федерации, состояние источниковой базы.

При этом внимание обращается на дискуссионные вопросы, процесс выработки и применения разных форм и «моделей» реализации государственной политики межэтнических отношений, показаны формы взаимодействия между органами государственной и институтами гражданского общества в совершенствовании гражданского общества в регулировании национальных процессов.

В разделах книги выявлена также роль и место институтов гражданского общества, этнических меньшинств в общей системе отношений в новых условиях существования России.

Сделаны выводы применительно дальнейшему развитию государственной национальной политики.

Определены новые направления исследований столь сложной социальной проблемы исторической науки России.

Для специалистов-историков и многочисленных читателей, интересующихся историей государственной национальной политики.

ISBN 978-5-6048635-0-3

© Бугай Н.Ф., 2022

© Оформление. ООО «Аквариус», 2022

Приобрести книгу можно по адресу:

117292, г. Москва ул. Дм. Ульянова, д. 19.

Станция метро «Академическая»

Белхова Мария Ивановна

Тел.: 8 495 913 52 79; 8 916 715 56 14

ЗАИМСТВОВАНИЯ, ПЛАГИАТ, РЕТРАКЦИЯ

Редакционная коллегия журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» при рассмотрении статьи проводит проверку материала с помощью систем «Антиплагиат» и «Advego Plagiatus». В случае обнаружения многочисленных заимствований редакция действует в соответствии с правилами COPE.

Политика антиплагиата

С точки зрения редакции, плагиатом является:

- дословное цитирование любых материалов в любом объеме без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации без указания источника;
- использование изображений, рисунков, фотографий, таблиц, графиков, схем и любых других форм графического представления информации, опубликованных в научных и популярных изданиях без согласования с правообладателем;
- использование без письменного разрешения материалов, авторы или правообладатели которых запрещают использование своих материалов без специального согласования.

Допустимый объем цитирований, установленный редакцией – не более 20% от общего объема статьи. Обзоры и другие статьи, по объективным причинам требующие наличия большего количества цитирований, рассматриваются редакцией в индивидуальном порядке.

Проверка материалов на наличие заимствований

Все статьи, публикуемые в журнале, проходят многоступенчатую проверку по разработанной в редакции методике, включающей использование различных инструментов.

Проверка на уникальность проводится редакцией в двух системах: «Антиплагиат.ру» и «Advego Plagiatus».

В случае обнаружения заимствований, редакцией проводится их оценка, в ходе которой принимается во внимание авторство заимствованного текста, наличие или отсутствие должным образом оформленного цитирования и тип источника: научная статья, монография, диссертация, книга, учебное пособие или просто найденный в сети текст без явного указания авторства. На основе проведенного анализа принимается решение о возможности или невозможности публикации статьи.

BORROWINGS, PLAGIARISM, RETRAINING

The editorial board of the journal “Historical and Social-Educational Idea” examines the material with the help of the Antiplagiat system. In case of multiple borrowings, the editorial board operates in accordance with COPE rules.

Anti-Plagiarism Policy

From the editorial point of view, plagiarism is:

- literally quoting any materials in any volume without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, diagrams and any other forms of graphical representation of information without indicating the source;
- use of images, drawings, photographs, tables, graphs, schemes and any other forms of graphical representation of information published in scientific and popular publications without agreement with the copyright holder;
- use without the written permission of materials, authors or owners of which forbid the use of their materials without special agreement.

The permissible volume of citations established by the editors is not more than 20% of the total volume of the article. Reviews and other articles, for objective reasons requiring more citations, are reviewed by the editorial board on an individual basis.

Checking materials for borrowing

All articles published in the journal undergo a multistage check on the methodology developed in the edition, including the use of various tools.

The uniqueness check is carried out by editing in two systems: “Antiplagiat.ru” and “Advego Plagiatus”.

In the case of loans, the editors held their assessment, in the course of which takes into account the authorship borrowed text, the presence or absence of a formal citation and source type: scientific articles, monographs, theses, books, study guide, or simply found on the network text without explicit attribution. On the basis of the analysis, a decision is made whether the article is possible or not possible.

Правила отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Статья отзывается (ретрагируется) в случае:

- если в статье выявлены крупные некорректные заимствования (плагиат);
- если выводы, содержащиеся в статье, были ранее опубликованы в другом издании, и при этом отсутствуют надлежащие ссылки, разрешения и обоснования необходимости повторной публикации (т.е. случаи дублирующей публикации);
- если материал статьи описывает неэтичные исследования.

Цель отзыва (ретракции) опубликованной статьи

Отзыв является механизмом исправления опубликованной информации и оповещения читателей о публикациях, содержащих такие серьезные недостатки или ошибочные данные, которым нельзя доверять. Недостоверность данных может являться результатом добросовестного заблуждения или сознательных нарушений.

В случае отзыва (ретракции) статьи денежные средства, полученные издательством за редакционно-издательские услуги от автора (ов), не возвращаются.

Уважаемые авторы! По международным правилам этики научных публикаций уже опубликованная статья не может быть полностью удалена с сайта журнала. Будьте внимательны, отправляя статью для публикации!

Выявление технических приемов, искусственно повышающих уникальность текста

В последнее время участились случаи использования авторами различных программных продуктов и сервисов, искусственно завышающих уникальность текста при проверке.

Редакция настоятельно не рекомендует использовать любые технические приемы, позволяющие повысить оценку текста. Сотрудники редакции обладают достаточной технической и методологической базой для разоблачения всех подобных технических приемов.

Уведомляем Вас, что статьи, в которых обнаружены признаки технических модификаций с целью искусственного повышения уникальности текста, в журнале не публикуются (даже в случае доработки). Если публикация статьи уже оплачена, деньги за публикацию не возвращаются.

The rules of recall (retraction) of a published article

The article is recall (retracted) in the next cases:

- if the article identifies major incorrect borrowing (plagiarism);
- if the conclusions contained in the article were previously published in another publication, and at the same time there are no proper references, permissions and justifications for the need for a re-publication (cases of a duplicative publication);
- if the article's material describes unethical research.

The purpose of recall (retraction) of a published article

Recall is a mechanism for correcting published information and alerting readers to publications containing such serious flaws or erroneous data that can not be trusted. The inaccuracy of the data may be the result of bona fide error or conscious violations.

In the event of retraction of the article, the money received by the publisher for editorial and publishing services from the author(s) is not returned.

Dear authors! According to the international rules of ethics of scientific publications, an already published article can not be completely removed from the journal's website. Be careful when posting an article for publication!

Identification of techniques that artificially increase the uniqueness of the text

Recently cases of authors using various software products and services artificially inflating the uniqueness of the text during verification have become more frequent.

The editorial board strongly discourages the use of any technical means to improve the evaluation of the text. The editorial staff has a sufficient technical and methodological basis for exposing all such techniques.

We inform you that the articles in which signs of technical modifications are found with the purpose of artificial enhancement of the uniqueness of the text are not published in the journal (even if it is modified). If the article is already paid for the money for publication is not returned.

Дублирующие публикации

Статьи, поступающие для публикации в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль» не должны в момент поступления находиться на рассмотрении в других журналах. Если представляемый автором материал уже был полностью или частично опубликован ранее, автор обязуется сообщить об этом в редакцию, а также обосновать необходимость такой публикации. Решение по всем подобным случаям принимается редакцией в индивидуальном порядке. В случае обнаружения публикаций, полностью или частично дублирующих в журнале «Историческая и социально-образовательная мысль», редакция оставляет за собой право отозвать (ретрагировать) такую статью.

Обращаем Ваше внимание, что с 2018 года редакцией принято решение о повторной проверке уже опубликованных материалов на наличие заимствований. Это позволит:

- избежать последствий «веерных» рассылок статей авторами в несколько журналов одновременно, в результате которых одна и та же статья может быть опубликована в нескольких изданиях;

- выявить некорректные заимствования, которые не могли быть выявлены на момент публикации статей из-за отсутствия материалов в открытом доступе.

Повторная проверка статей будет проводиться дважды, через год и через два года после публикации. В случае обнаружения некорректных заимствований, которые не могли быть обнаружены ранее, или факта публикации статьи в другом издании, статья может быть отозвана (ретрагирована) в соответствии с правилами отзыва (ретракции) уже опубликованной статьи.

Duplicate publications

Articles submitted for publication in the journal "Historical and Socio-Educational Thought" should not be considered in other journals at the time of admission. If the material submitted by the author has already been published in whole or in part, the author undertakes to notify the editors about this, and also to substantiate the necessity of such publication. The decision on all such cases is made by the editorial board on an individual basis. In case of the detection of publications that fully or partially duplicate in the journal "Historical and Social-Educational Idea" the editors reserve the right to recall (retract) such an article.

We would like to draw your attention to the fact that since 2018 the editorial board has decided to re-check the already published materials for borrowings. This will allow:

- to avoid the consequences of the "fan" mailings articles by the authors in several magazines at the same time, as a result of which one and the same article may be republished in several editions;

- to identify incorrect borrowings that could not be identified at the time of publication of articles due to lack of materials in the public domain.

A second check of the articles will be conducted twice, one year and two years after publication. In case of detection of incorrect borrowing, which could not be detected earlier, or the fact of publication of the article in another publication, the article may be recall in accordance with the rules of retraction has already published article.

ИНФОРМАЦИЯ для авторов журнала «Историческая и социально-образовательная мысль»

Редакция научного журнала «Историческая и социально-образовательная мысль» рассматривает ранее не опубликованные авторские материалы в форме оригинальных, проблемных и дискуссионных статей, обзоров литературы, лекций, отчетов о научных мероприятиях и научных программах и исследованиях в области истории, социологии, педагогики.

Поступление заявки в редакцию подтверждает полное согласие авторов на обработку и публикацию предоставленной персональной информации, а также подтверждает согласие авторов с публичной офертой на размещение присланных материалов в полном объеме в электронной и печатной версиях журнала и предполагает, что описанная в ней работа ранее не была опубликована (за исключением публикации в виде реферата или как часть опубликованной лекции, автореферат диссертации); что она не рассматривается для публикации в ином издательстве.

Редакция журнала в своей деятельности руководствуется принципами научности, объективности, профессионализма, информационной поддержки наиболее значимых профильных исследований и соблюдения норм издательской и авторской этики. и придерживается принципов, разработанных Международным Комитетом по этике публикаций (COPE; www.publicationethics.org), и положений главы 70 «Авторское право» Гражданского кодекса РФ.

Все статьи, поступающие в журнал, проходят проверку по программе оригинальности текста «Антиплагиат».

Поступившая в редакцию рукопись проходит обязательное двойное слепое рецензирование (рецензент не знает авторов рукописи, авторы рукописи не знают рецензентов) и в 2-4-х недельный срок принимается решение о возможности ее публикации. Редактор информирует автора о решении редколлегии. Редакция вправе вносить в текст правки, не искажающие смысл авторских материалов. При переписке с редакцией автор каждый раз должен полностью указывать фамилию, имя, отчество и повод, по которому идет переписка.

Журнал издается на средства авторов.

Авторам, обучающимся в аспирантурах государственных вузов и имеющим право в порядке очередности на бесплатную публикацию материалов своих научных исследований, необходимо предоставить справку из аспирантуры вуза установленной формы. Справку об обучении в аспирантуре, заверенную согласно утвержденным формам, печатью вуза, высылается простым письмом на почтовый адрес редакции. Отсканированная копия справки прилагается к электронному письму отдельными файлами с расширением *.jpg или *.pdf. Статья аспиранта может быть опубликована бесплатно при условии, что он является единственным автором научного текста. Статьи, где аспирант выступает в качестве соавтора, к бесплатной публикации не принимаются.

При подаче статьи на электронный адрес akademus07@rambler.ru просим Вас:

- уточнять, в какой рубрике Вы хотели бы разместить статью;

Требования к оформлению авторских материалов:

- Материалы следует направлять по электронной почте: akademus07@rambler.ru, либо через online форму сайта журнала <http://www.hist-edu.ru/>.
- Загружаемый в систему файл со статьей должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, *.rtf), шрифт - Times New Roman, размер шрифта – 14, междустрочный интервал – одинарный (1)
- Объем полного текста рукописи 12 - 20 страниц. В индивидуальных случаях по решению редакционной коллегии допускается публикация материалов большего объема. Количество авторов одной статьи допускается не более 3-х человек.
- Страницы текста должны иметь сквозную нумерацию.
- Автоматические переносы не допускаются.
- Автоматические сноски не допускаются.

Материалы должны быть оформлены строго в соответствии с изложенными требованиями и тщательно вычитаны.

- Индекс УДК (см. справочник УДК: <http://teacode.com/online/udc/>);
- Название работы (Приводятся на русском и английском языках)
- сведения об авторе (на русском и английском языках):
- фамилия, имя, отчество автора полностью,
- должность, звание, ученая степень автора,
- полное название организации (места работы автора), ее полный почтовый адрес,
- идентификатор автора в системе РИНЦ, Open Researcher and **ORCID id**, (если нет ORCID id, то можно зарегистрироваться в <https://orcid.org>)
- адрес электронной почты автора;

Аннотация

- аннотацию на русском языке — не менее 150-200 слов
- аннотация на английском языке — не менее 200-250 слов
- ключевые слова (6-8 слов/словосочетаний, отдельно на русском и английском языках).

Требования к аннотациям на русском языке:

Аннотация должна давать четкое представление о содержании статьи.

Структура аннотации:

- **Введение (Introduction):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Методы (Methods):** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Анализ (Analysis):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Результаты (Results):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Требования к аннотациям на английском языке:

К аннотации на английском языке применяются те же требования по содержанию, что и к аннотациям на русском языке.

Abstract paragraphing:

- **Introduction(Введение):** вступительная часть, в которой формулируется актуальность, новизна, цели и задачи исследования;
- **Methods(Методы):** раздел, в котором автор излагает свою методику с аргументацией её выбора, характеризует источники и историографию исследования;
- **Analysis(Анализ):** раздел, включающий исследование проблемы;
- **Results(Результаты):** часть, в которой излагаются ответы, выводы, полученные в ходе исследования.

Англоязычная версия аннотации статьи должна по смыслу и структуре полностью соответствовать русскоязычной и быть грамотной с точки зрения английского языка. При переводе аннотаций должна использоваться англоязычная специальная терминология, следует избегать употребления общих, ничего не значащих слов, лишь увеличивающих объем, но не способствующих раскрытию содержания статьи. Англоязычная аннотация должна быть оригинальной, то есть недопустима калька (дословный перевод) краткой русскоязычной аннотации. Объем англоязычной версии аннотации должен быть не менее 200-250 слов. «Аннотации на английском языке в русскоязычном издании являются для иностранных ученых и специалистов основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по аннотации оценивают публикацию, проявляет интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т.д. Аннотация к статье призвана выполнять функцию независимого от статьи источника информации».

Информация о спонсорстве. (Приводятся на русском и английском языках..)

Необходимо указывать источник финансирования как научной работы, так и процесса публикации статьи (грант, фонд, коммерческая или государственная организация, частное лицо и др.).

Благодарности. Авторы могут выразить благодарности людям и организациям, способствовавшим публикации статьи в журнале, но не являющимся её авторами, рецензентам.

Текст самой статьи

Структурирование текста может зависеть от направленности исследования (эмпирическое или теоретическое). Эмпирические исследования должны соответствовать формату IMRAD (Структура статьи). Теоретические исследования могут носить авторскую логику изложения, в соответствии с порядком изложения аргументации.

- Введение (**Introduction**);
- Обзор литературы (**Literature Review**);
- Материалы и методы (**Materials and Methods**);
- Результаты исследования и обсуждение (**Results и Discussion**);

– Заключение (**Conclusion**).

Приведенные части требуется выделять соответствующими подзаголовками и излагать в данных разделах релевантную информацию.

1) **Введение (1–2 стр.)** – постановка научной проблемы, ее актуальность, связь с важнейшими задачами, которые необходимо решить, значение для развития определенной отрасли науки или практической деятельности. Во введении должна содержаться информация, которая позволит читателю понять и оценить результаты исследования, представленного в статье, без дополнительного обращения к другим литературным источникам. При его написании автор, прежде всего, должен заявить общую тему исследования. Далее необходимо раскрыть теоретическую и практическую значимость работы. Во введении автор также обозначает проблемы, не решенные в предыдущих исследованиях, которые призвана решить данная статья. Кроме этого, в нем выражается главная идея публикации, которая существенно отличается от современных представлений о проблеме, дополняет или углубляет уже известные подходы к ней; обращается внимание на введение в научное обращение новых фактов, выводов, рекомендаций, закономерностей. Цель статьи вытекает из постановки научной проблемы.

2) **Обзор литературы (1–2 стр.)**. Необходимо описать основные (последние по времени) исследования и публикации, на которые опирается автор; современные взгляды на проблему; трудности при разработке данной темы; выделение нерешенных вопросов в пределах общей проблемы, которым посвящена статья. Желательно рассмотреть 20–25 источников и сравнить взгляды авторов; часть источников должна быть англоязычной.

3) **Материалы и методы (1–2 стр.)**. В данном разделе описываются процесс организации эксперимента, примененные методики, использованная аппаратура и инструментарий; даются подробные сведения об объекте исследования; указывается последовательность выполнения исследования и обосновывается выбор используемых методов (наблюдение, опрос, тестирование, эксперимент, лабораторный опыт, анализ, моделирование, изучение и обобщение и т. д.).

4) **Результаты исследования и обсуждение**. В этой части статьи должен быть представлен систематизированный авторский аналитический и статистический материал. Это основной раздел публикации, цель которого – при помощи анализа, обобщения и разъяснения данных доказать рабочую гипотезу (гипотезы). Результаты при необходимости подтверждаются иллюстрациями (таблицами, графиками, рисунками), которые представляют исходный материал или доказательства в свернутом виде. Важно, чтобы иллюстративная информация не дублировала уже приведенную в тексте, однако при этом сопровождалась необходимыми комментариями. Также должно быть обосновано, почему для анализа были выбраны именно эти данные. **Все названия, подписи и структурные элементы графиков, таблиц, схем и т. д. оформляются на русском и английском языках.** Представленные в статье результаты желательно сопоставить с предыдущими работами в этой области, которые предпринимались как автором, так и другими исследователями. Такое сравнение дополнительно раскроет новизну проведенной работы и придаст ей объективности.

5) **Заключение.** В этом разделе в сжатом виде повторяются главные мысли основной части работы. Всякие повторы излагаемого материала лучше оформлять новыми фразами, отличающимися от высказанных в основной части статьи. Необходимо сопоставить полученные результаты с обозначенной в начале работы целью. В заключении суммируются итоги осмысления темы, делаются выводы, обобщения и рекомендации, вытекающие из работы, подчеркивается их практическая значимость, а также определяются основные направления для дальнейшего исследования в этой области. В заключительную часть статьи желательно включить прогноз развития рассмотренных аспектов проблемы.

В тексте статьи ссылки на источники приводятся после цитаты в квадратных скобках арабскими цифрами с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например: [1, с. 25]

Документы (Архивы, ГОСТы, Приказы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Библиографические ссылки на русском языке (примечательные списки литературы). Статьи без ссылок на используемые источники и литературу **не принимаются**.

Сведения о цитируемых источниках приводятся в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008 «Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Библиографическая ссылка. Общие требования».

В оригинальных статьях желательно не менее 15 источников, в обзорных – до 50.

Самоцитирования в списке литературы не должны превышать 10%.

Ссылки на иностранные источники – не менее 30%.

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 4 авторов, то после 4-го автора необходимо поставить сокращение "и др." или "et al."

Недопустимо сокращать название статьи.

Источники приводятся в порядке их упоминания в тексте, но не в алфавитном порядке. В тексте ссылки на используемые источники даются после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [1, с. 25] (vancoover- стиль).

Документы (Приказы, ГОСТы, Архивы, Положения, Постановления, Нормативы, Федеральные законы) нужно указывать сносками в тексте, а не в списках литературы.

Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Если статья имеет DOI, обязательно указать его номер.

References: (примечательные списки литературы на английском языке и транслитерация названия статьи)

Название статьи в ссылках должно быть транслитерировано (написана латинскими буквами) и дублирована на английский язык в квадратных скобках [***]. При транслитерации можно воспользоваться ссылкой <https://translit.ru/>

Если статья имеет **DOI**, обязательно указать его номер.

Следует обратить внимание на то, что Название статьи и журнала **НЕ** следует разделять знаком «//» и «-», а описания даты выхода, тома, номера журнала и страниц, на которых опубликована статья, разделяются точкой.

Структура библиографической ссылки в REFERENCES для русскоязычных статей из журналов выглядит так:

- авторы (транслитерация),
- название статьи в транслитерированном варианте
- перевод названия статьи на английский язык в квадратных скобках [***]
- название источника (транслитерация),
- выходные данные с обозначениями на английском языке, либо только цифровые,
- необходимо указать язык, на котором написан полный текст рукописи. В случае, когда автор публикует статью на двух языках, необходимо указать двойную индексацию по языку (*например, [ru; en] ; (in Russian); (in English) (in Italy) (in Arabic) ит д.*

Пример:

Khalilov T.A. Sistema i sovetskij chelovek. Obsuzhdenie knigi N.E. Erokhina [System and the Soviet Man. Discussion of the N.E. Erokhin's Book]. Politicheskaja konceptologija. Zhurnal metadisciplinarnyh issledovanij = Political Conceptology. Journal of Metadisciplinary Research. Rostov-on-Don. 2018, No. 2, pp. 270-285. (In Russ).
DOI: 10.23683/2218-5518.2018.2.270285.

Ответственность за достоверность приведенных фактов, цифровых, графических или каких-либо иных данных, равно как за точность цитируемых текстов и отсутствие правовых препятствий к размещению информации, несет полностью автор. Все статьи, размещенные на сайте, находятся в открытом доступе и могут быть использованы для цитирования, копирования, распечатывания и другого некоммерческого использования с соблюдением авторских прав.

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Историческая и социально-образовательная мысль
2023 Том 15 № 4 (июль- август)

Дата выхода в свет 29.08.2023 г.
161 стр.